

**Автономная некоммерческая организация
ЦЕНТР ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ: XXI ВЕК**

ТЕТРАДИ
ГУМАНИТАРНОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ (5)

**МЕДИА ЭТОС:
Журналист в ситуации
морального выбора**

Ответственный редактор В.И.Бакштановский

Тюмень - 2001

“Тетради гуманитарной экспертизы” - продолжающееся издание автономной некоммерческой организации “Центр прикладной этики: XXI век”. Цель издания - публикация материалов гуманитарной экспертизы и консультирования ситуаций становления нового этоса (“духа” и “правил игры”) в современной России: этоса политического, делового, регионального этоса, медиаэтоса, этоса образовательной деятельности и т.п. Возможные виды и формы публикуемых материалов: результаты экспертных опросов, практикумов, деловых игр; аналитические тексты и т.д.

Редакционный совет:

Г.С.Батыгин, Ю.В.Казаков, А.Ю.Согомонов, Ю.В.Согомонов

Ответственный редактор

В.И. Бакштановский

ТЕТРАДИ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (5). Медиа этос. *Журналист в ситуации морального выбора* / Отв. ред. В.И.Бакштановский. - Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2001. - ...с.

Пятый выпуск «Тетрадей...» содержит материалы нового проекта АНКО «Центр прикладной этики: XXI век», тема которого - «Журналист в ситуации морального выбора».

В этом выпуске публикуются материалы экспертных интервью; обзор (четыре версии) первого из цикла семинаров, каким его увидели сами участники семинара; в качестве консультации - статья из готовящегося к изданию «Словаря прикладной этики» В.И.Бакштановского и Ю.В.Согомонова о моральном выборе.

Проект реализуется при финансовой поддержке Фонда Форда, при партнерском участии Союза журналистов Тюменской области, информационной поддержке телекомпаний «Ладья», ТРТР, «Паралакс», газет «Тюменский курьер» и «МК» в Тюмени», организационной поддержке Квотли отеля «Тюмень».

Редактор выпуска И.А. Иванова. Оригинал-макет И.В. Бакштановской.

Научно-организационная работа М.В. Богдановой.

В подготовке выпуска принимали участие: В.А.Кабакова, В. Михайлов, Н.В.Попова, А.П.Тюменцева.

Подписано в печать 10. 09. 2001. Формат: 60x84/8. Гарнитура Arial

Усл.печ.л. 5. Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового макета в типографии издательства “Вектор Бук”.

Лицензия ПД № 17-0003 от 6.7.2000.

Адрес редакции:

РФ, 625002, Тюмень, ул.Немцова, 39-83, тел./факс (3452) 24-02-26

© Центр прикладной этики: XXI век. 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

Журналист как субъект морального выбора: альтернативы и решения (<i>предисловие редактора</i>).....	4
Часть 1. ИНТЕРВЬЮ	
<i>Е.М.Альбац (Независимый журналист)</i> «...Я подписываюсь «независимый журналист» – это сознательный моральный выбор»	10
<i>М.Асламазян (Интервьюс)</i> «...Степень свободы журналиста определяется степенью его экономической зависимости, уровнем профессионализма и мерой внутренней свободы»	13
<i>С.А.Бунтман («Эхо Москвы»)</i> «...Настоящий Мессия не раздает визитные карточки»	15
<i>Р.С.Гольдберг («Тюменский курьер»)</i> “... Чтобы добиться права писать, что хочу и как хочу, мне пришлось основать новую газету. Теперь у меня нет разногласий с редакторами и владельцами газеты”	21
<i>В.Н.Дымарский («Российская газета»)</i> «...Нет ни абсолютного добра, ни абсолютного зла, иначе бы выбор был очень прост»	25
<i>В.Г.Лошак («Московские новости»)</i> «...Эта тема даже более многогранна, чем пока вам представляется»	28
<i>С.В. Новопрудский («Известия»)</i> «...Самый первый моральный выбор начинается с того, стремиться ли к успеху или не стремиться к нему»	32
<i>А.К.Омельчук (ГТРК «Регион-Тюмень»)</i> «...Если мы считаем, что поступать порядочно можно только в результате длительных сомнений, размышлений и раздумий, то речь не идет о естественной морали»	38
<i>Ю.И.Пахотин (“Аргументы и факты» в Западной Сибири”)</i> «...Выбор нашей профессии – прежде всего моральный выбор»	40
<i>В.В.Познер (ОРТ)</i> «...Без нахождения абсолютно морального баланса между принципами и умением идти на компромисс журналистика превращается либо в проституцию, либо в экстремизм»	44
<i>Л.А. Радзиховский (Бывший обозреватель газеты «Сегодня»)</i> «...Для меня самого или для мирового духа профессии, который во мне сидит, это важно»	48
<i>А.К. Симонов (Фонд защиты гласности)</i> «...Моральный выбор ощущаю загривком, как волк – опасность»	54
<i>В.Т. Третьяков</i> «...Все должны этот выбор делать, ты не можешь остаться в стороне»	58
Часть 2. СЕМИНАР	
<i>В.А.Кабакова</i> Мы все еще на <i>маршах</i>	66
<i>Ю.И.Пахотин</i> Нужно ли выносить внутрицеховой спор из корпоративной избы?	71
<i>Ю.С.Бубнов</i> «...Теперь создание официальной комиссии по этике мне кажется идеей-фикс. Эту роль в какой-то степени выполняют наши семинары».....	77
<i>Л.В. Караваева</i> В кругу себя и профессора и профессора этики	79
Часть 3. СЛОВАРЬ	
<i>В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов</i> Проблемы морального выбора	82
Часть 4. КОНСУЛЬТАЦИЯ	
<i>Г.В.Ф.Гегель. Кто мыслит абстрактно?</i>	93

**ЖУРНАЛИСТ КАК СУБЪЕКТ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА:
АЛЬТЕРНАТИВЫ И РЕШЕНИЯ**
(Предисловие редактора)

Пятый выпуск «Тетрадей...» содержит материалы нового проекта АНКО «Центр прикладной этики: XXI век», тема которого - «Журналист в ситуации морального выбора».

Предшествующий проект Центра - «Тюменская этическая медиаконвенция»¹ - позволил сделать заключение об актуальности и значимости попыток целенаправленного воздействия на стихийный процесс саморегулирования "медиа-цеха", о заинтересованности профессионального сообщества в создании своего кодифицированного самообязательства, о зрелом намерении журналистов ориентироваться на нормы и ценности профессиональной этики в решении встающих перед ними проблем.

При этом авторы посвященной конвенции проекта намеренно проблематизировали потенциал избираемого профессиональными сообществами журналистов способа саморегулирования через этические самообязательства. Авторы проекта исходили из того, что сам по себе самоконтроль не является гарантией *подлинной* моральности жизни журналистского сообщества. Мало освободиться от внешнего контроля, например, в виде государственного патронажа, важно еще не стать жертвой «добровольного рабства», индивидуального или корпоративного. Самоконтроль должен быть оснащен подлинно моральными основаниями, в том числе – гарантиями возможности свободных нравственных исканий, правом на отказ от догматических «ответов», ориентацией на высшие ценности и т.д. Стремление нормировать и даже стандартизировать профессиональное поведение журналиста несет в себе опасность гиперболизации парадигмы социальности морали и, тем самым, утери *оснований* такого нормирования. Активное стремление «цеха» к созданию кодексов должно быть рационально осознанно с точки зрения пределов эффективности культивирования такого рода инструментов саморегуляции и сопровождаться в качестве намеренного шага обращением к другим источникам, способам и формам развития нравственной культуры «цеха».

Преодоление и профилактика указанных опасностей связаны с идеей отношения к журналисту как лицу, постоянно находящемуся в ситуации морального выбора, выбора мировоззренческого уровня и уровня ситуационного. Эта идея в ее первоначальном виде была заложена уже в содержание Тюменской этической медиаконвенции - в виде специального раздела «Журналист в ситуации выбора». Однако реальная значимость этого раздела, его «вес» в представлении журналистов оказались недостаточными - в сравнении с разделом «Минимальный стандарт». Об этом говорит уже тот факт, что ряд участников проекта, одобряя содержание текста Конвенции в целом, предлагал выделить из него раздел «Минимальный стандарт» как наиболее важный. И правление СЖ Тюменской области, поддержав Конвенцию в целом, посчитало целесообразным рекомендовать редакциям СМИ включить в Уставы редакции лишь раздел «Минимальный стандарт».

Недостаточность такого подхода можно подтвердить на основании анализа того, как тюменские СМИ, в том числе и участвующие в создании Конвенции, пережили испытание ситуацией выбора во время осенне-зимней избирательной кампании. Не показало ли испытание губернаторскими выборами, которое уда-

---

¹ См. «Тетради гуманитарной экспертизы». Вып.3-4.

лось выдержать далеко не всем журналистам и редакциям, поспешность их решения о скорейшем формальном значении раздела конвенции «Моральный выбор»? Не добавили ли неудачи этого испытания аргументов к тезису о том, что намерению соблюдать элементарные стандарты ремесла должен предшествовать акт морального выбора и решения в отношении вопросов, выходящих за рамки «профессионально правильного-неправильного», составляющих мировоззренческие основания выбора?

***

Рефлексия на эту тему стимулировала замысел сделать проблему морального выбора в деятельности журналиста предметом специального исследования и целенаправленного культивирования соответствующих исследовательских результатов в практику формирования корпоративного и индивидуального самосознания журналистов.

Центральная позиция нового проекта - актуализация отношения к журналисту как человеку, для которого характерны *нравственные искания, свободный выбор решения и ответственность за него*. Характерны для журналиста как личности и как профессионала. Такая позиция предполагает доверие к нравственной свободе журналиста, снимает опасение в непредсказуемости его самоопределения, старается противостоять намерениям патерналистски «опекать» свободное решение журналиста.

Акт профессионально-нравственного выбора рассматривается авторами проекта как итог процесса нравственных исканий журналиста, мучительного и напряженного поиска в противоречивом мире нравственных ценностей, поиска идентичности в сфере профессиональных миссий, принятия решения в ситуации конфликта таких, например, ценностей, как Служение обществу и Служение свободной профессии и т.д.

Такая позиция противостоит стремлению свести ситуацию морального выбора журналиста к перебору преднайденных вариантов. Во-первых, такой подбор вряд ли возможен в *нравственно-конфликтных ситуациях*, когда в сознании журналиста сталкиваются разные ценности и требуется выбор решения в пользу одной из них и, тем самым, вопреки другой. Во-вторых, новый проект инициирует идею необходимости особого внимания к мировоззренческому ярусу медиаэтики, важности понимания мировоззренческих оснований деятельности профессионала как процесса нравственных исканий журналиста в мире идеалов и высших ценностей. В-третьих идея проекта предполагает формирование у журналистов представления о необходимости развития способности видеть в морали как цель, так и социальный инструмент, то есть и ее самоценность, и ее ориентацию на служение обществу.

Если большинство случаев активного саморегулирования медиа цеха связаны с созданием профессионально-нравственных правил, то новый проект Центра акцентирует пределы значимости этих правил как инструмента саморегуляции. Проект предлагает профессиональному «цеху» возможность рефлексии о том, что, например, содержание оснований профессионально-нравственных кодексов – это тот «сухой остаток», который, в отличие от «стандартов», трудно «расписывается», кодифицируется. Например, долг профессионала описывается абстрактно-формально, а служебные обязанности – конкретно-материальны.

Способы сочетания в акте морального выбора оснований и рационально представленных принципов и норм авторам и участникам проекта предстоит обосновать и показать на примере культуры соотнесения достойной цели и выбора эффективных средств ее реализации. В стремлении к эффективности журналист нередко решается на выбор средств, противоречащих нравственной природе целей. Проект должен обосновать и проиллюстрировать идею, согласно которой

действительно эффективным является лишь то средство, которое, выступая необходимым и достаточным для достижения цели, и, в тоже время, не уничтожает достоинства самой цели. Как это ни парадоксально, эффективно лишь то, что нравственно ценно.

Разумеется, заявленные элементы *новизны идеи* проекта не отменяют и значимости такой его роли, как закрепление результатов предшествующего проекта, в частности, консультативной поддержки деятельности этической комиссии Союза журналистов Тюменской области. Совсем не последний аргумент в пользу актуальности проекта – необходимость моральной реабилитации профессионального сообщества, собиравшегося губернаторскими выборами, в которых были задействованы в той или иной степени все тюменские СМИ.

Итак, *цель* нового проекта - разработка основ культуры морального выбора журналиста в единстве мировоззренческого и ситуативного уровней как необходимого условия формирования отечественной медиаэтики в целом и, конкретно, эффективности результата предшествующего проекта, посвященного Тюменской этической медиаконвенции.

«*Сверхзадача*» проекта - не просто помочь «цеху» в его стремлении активизировать процесс саморегулирования, но и попытаться повлиять на *мировоззренческие основания* такой активизации. Предстоит проблематизировать для «цеха» значение найденных разного рода кодексами «ответов» на моральные вопросы и акцентировать роль свободного и ответственного нравственного выбора.

Первая из задач, конкретизирующих цели проекта - разработка основных положений подхода к профессиональной этике журналиста как к смыслоценностному ориентиру поведения в ситуации выбора. Вторая - анализ практики решения журналистами возникающих перед ними нравственно-конфликтных ситуаций и применяемых в этих случаях критериев решения. Третья задача - создание книги, которая одновременно могла бы быть учебным пособием, под предварительным названием «Моральный выбор журналиста: искания, позиции, поступки».

Эта работа задумана как попытка синтеза в одной книге фундаментальных и прикладных аспектов темы и включения в текст большого числа эмпирических материалов, полученных в ходе данного и предшествующих проектов (см. 1-5 выпуски «Тетрадей»). Таким образом множество тюменских и столичных журналистов, участвовавших экспертных опросах и семинарах, проводимых Центром прикладной этики, станет фактическими соавторами книги.

Уже краткое содержание глав показывает идеи такого синтеза и способ его реализации. Книга открывается главой «*Ситуация морального выбора личности: искания, позиции, поступки*». Девиз главы: «Журналист определяет свой интерес к теме». В главе рассказывается о том, как возникает ситуация морального выбора, о свободе выбора и нравственной ответственности, о мировоззренческом самоопределении личности, о природе нравственного конфликта, о вечном вопросе «Оправдывает ли высокая цель низкие средства?» о роли совести и разума в принятии морального решения.

Глава вторая - «*Ситуация нравственной жизни современного общества*». Ее девиз: «Журналист выбирает доктрину морали и принципы диагноза ситуации». Глава открывается параграфом об умении видеть и понимать мораль. Далее мораль рассматривается как сама в себе ценность и/или социальный инструмент. В завершение главы обсуждается тезис о том, что понимание природы морали - одно из условий самоопределения журналиста.

Последующие параграфы - это размышления о природе морального кризи-

са и критериях эволюции морали; об особенностях традиционной, рациональной и пострациональной моральных систем. Особый параграф показывает этосные реалии ситуации в российской медиаэтике.

Глава третья - «*Служение в профессии*» и/или «*жизнь за счет профессии*»? Девиз: «Журналист выбирает ценности профессиональной этики». Содержание главы структурировано тремя параграфами: «Оправдание существования медиаэтики»; «Является ли выбор профессии одновременно и моральным выбором?»; «Служение профессии» или «жизнь за счет профессии»?

Четвертая глава - «*Стремление к достижению или гордый дезангажмент?*». Девиз - «Журналист выбирает успех» - раскрывает проблему профессионального успеха как проблему выбора ценностной ориентации и конкретных поступков.

Следующая глава - «*Зеркало*» или «*Зеркальщик*» . Девиз - «Журналист выбирает корпоративную миссию». Последовательно раскрываются такие вопросы профессиональной этики журналиста: дух корпорации как субъекта гражданского общества; выбор корпоративной миссии; отвечает ли журналист за миссию профессиональной корпорации?

«*Административный контроль или «цеховые» правила честной игры?*» - так называется шестая глава, девиз которой - «Журналист выбирает саморегулирование». Все содержание главы посвящено проблеме саморегулирования профессиональной корпорации через этические самообязательства в виде кодексов, хартий, конвенций и т.п. Проблема профессиональных этических кодексов журналистов рассматривается в процессе анализа дискуссий на эту тему, прошедших в «цехе» за последние годы. Как и в предшествующих главах, глава опирается на материалы экспертных опросов и семинаров.

Глава седьмая - «*Моральный кодекс строителя ...*» или «*скромная этика контракта*»? Девиз – «Журналист выбирает конвенцию». Глава полностью посвящена анализу процесса создания Тюменской этической медиаконвенции и урокам, которые можно извлечь из этого процесса. Прежде всего урокам, связанным с тем или иным пониманием роли и места проблемы морального выбора в деятельности журналистов.

***

В настоящем выпуске «Тетрадей...» публикуются материалы экспертных интервью, обзор (четыре версии) первого из цикла семинаров, каким его увидели сами участники семинара, статья из готовящегося к изданию «Словаря прикладной этики» В.И.Бакштановского и Ю.В.Согомонова о моральном выборе.

Прежде чем представить материалы экспертного опроса, приведу вопросы, которые задавались мною его участникам, точнее, темы, направления предложенных экспертам размышлений.

1. Какие сюжеты, образы, ассоциации возникают в вашем сознании в связи со словами «ситуация морального выбора»?

2. Какие типичные и уникальные ситуации морального выбора из вашей практики вам вспоминаются?

3. В какой степени можно говорить, что выбор профессии журналиста – это и моральный выбор?

4. Какая из известных со времен М.Вебера альтернатив – «Служение в профессии» и «Жизнь за счет профессии» доминирует в нашей журналистике?

5. Можете ли вы принять суждение о том, что широко распространенные ссылки на необходимость для журналиста (наемного работника) исполнять волю

владельца СМИ на деле являются скорее основанием для «сбрасывания» личной ответственности?

6. Возможен ли профессионализм без ориентации на успех? Что таится за уклонением от профессионального успеха?

7. Какие моральные уроки дала «психодрама» с НТВ? Как вы прокомментируете полемику Б.Немцова и Е.Альбац во время экстренного выпуска «Итогов»?

Прежде чем представить четыре версии обзора семинара, расскажу о его замысле.

В предварительно разосланной программе журналисты прочитали, что им предстоит участвовать в первом из цикла семинаров на тему «Журналист в ситуации морального выбора». Относительно темы первого семинара говорилось: «вряд ли стоит доказывать, что эта кампания актуализировала саму проблему профессионально-нравственного выбора журналиста. Но анализ и оценка этого выбора не могут обойтись без серьезной дискуссии». Действительно, уже предваряющие семинар интервью с его будущими участниками показали, что оценки самими журналистами работы тюменских СМИ во время избирательной кампании весьма различны.

В программе говорилось, что сверхзадача семинара - взвешенная рефлексия пережитой тюменскими журналистами ситуации, попытка сравнения профессионально *должного* (мораль) и реальных действий (*нравы*), понимания характера и степени их расхождения в деятельности журналистов во время избирательной кампании.

Об особой значимости такой попытки говорили результаты предшествовавших семинару интервью с будущими его участниками и с рядом экспертов. Анализ этих результатов показал, что в профессиональном сообществе имеют хождение ряд «оправдательных» оценок и суждений журналистов о «выборе во время выборов»: что у тюменских журналистов в ситуации выборов «не было возможности поступать иначе, чем они действовали»; что у них была «очень низкая степень свободы выбора»; что приглашение в тюменские СМИ на время выборов «варягов» для ведения агрессивной и беспринципной кампании «смягчает ответственность тюменских журналистов» и т.д.

Программа семинара заранее предлагала его участникам поработать в модельных условиях - в режиме заседания условной этической комиссии сообщества журналистов, которая, учитывая результаты заключительного семинара по проекту «Тюменская этическая медиаконвенция» избрала бы для себя экспертно-консультативный взгляд на обсуждаемые ситуации профессионально-нравственного выбора.

Организаторы семинара уже в тексте программы выдвинули гипотезу, согласно которой тюменские журналисты, создавая свою медиаконвенцию, поспешили решить, что для них важнее всего сегодня включить в эту конвенцию набор норм под названием «Минимальный стандарт», а раздел «Журналист в ситуации выбора» не является столь насущным. Не показало ли участие СМИ в губернаторских выборах поспешность такого решения? И потому необходимо обсудить тезис о том, что намерению соблюдать элементарные стандарты ремесла всегда должен *предшествовать* осознанный акт морального решения в отношении вопросов, выходящих за *рамки* «профессионально правильного-неправильного», определяющих мировоззренческие основания выбора. Ради чего журналист может себе позволить нарушить «минимальный стандарт»: по указанию владельца (главного редактора)? ради стремления хорошо заработать? из-за искренней уверенности в том, что противоположная сторона вполне заслуживает того, чтобы в отношении нее нарушить профессиональные стандарты? из-за при-

нения формулы «меньшего зла»? В любом случае, *еще до того*, как журналист нарушит – или выполнит – требования «минимального стандарта», он уже рационально или неосознанно сделает выбор в пользу (а) той или иной ценности (например, «Служение в профессии» *или* «Жизнь за счет профессии»), (б) позиции: (например, «этика убеждения» - морально правильно то, во что я верю - *или* «этика ответственности» - критерий морально правильного в ценности результата выбора), (в) принципа выбора («Париж стоит мессы» *или* «даже Париж не стоит мессы») и т.п.

Заявленный в программе алгоритм работы семинара предполагал на первом этапе обращение модельной этической комиссии к ситуации с НТВ на материале видеотрейкера из экстренного выпуска программы «Итоги», в котором показана дискуссия на тему «уйти или остаться» журналистам НТВ после смены руководства компанией; второй этап планировалось посвятить одной из самых острых проблем избирательной кампании в Тюменской области - правилам игры во внутрикорпоративных отношениях журналистов, поведению в отношении коллег по «цеху», играющих на стороне другого кандидата. Ситуация для анализа - из телевизионных материалов тюменских СМИ, показанных во время избирательной кампании.

В предварительных беседах с будущими участниками семинара один из журналистов высказал суждение, согласно которому *«человек, вовлеченный в ситуацию выбора, сталкивается с таким дерьмом в себе, с такой степенью компромисса, с такой долей остопопства и остервенения в себе, что очень сложно признаваться во всем этом даже самому себе, тем более - поделиться таким признанием с коллегами на семинаре»*.

И если академические разговоры на тему семинара, как отмечено в Программе, никому не нужны, то попытка найти правду через работу даже условной «этической комиссии» обернется стремлением участников семинара как можно сильнее замаскироваться - только сумасшедший будет достаточно искренним. Семинар даст одно вранье, из которого правды можно выцарапать - с ноготок».

Другой журналист сказал, что *«семинар после выборов необходим как никогда: осталась ситуация незавершенности, недоговоренности, непрозрачности и, может быть, семинар решит эту трудность»*.

Действительно ли все участники семинара лишь лицезерили? Или уже сама попытка моральной рефлексии оказалась самоценной для «цеха»? Читатель сам ответит на эти вопросы с помощью панорамного обзора стенограммы семинара. Полагаю уместным выразить надежду, что публикуемые в 5-ом выпуске «Тетрадей...» материалы проекта дадут читателю возможность сделать вывод о правомерности выбора его темы.

Часть первая ИНТЕРВЬЮ

Е.М.Альбац “...Я ПОДПИСЫВАЮСЬ “НЕЗАВИСИМЫЙ ЖУРНАЛИСТ” – ЭТО СОЗНАТЕЛЬНЫЙ МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР”

1-2. Человек, приходящий в нашу профессию, делает моральный выбор. Один из примеров: я считала невозможным вступать в КПСС и писать статьи о великих достижениях загнивающего режима. И я занималась научной журналистикой, писала в основном о физике элементарных частиц.

Новое, постсоветское, время не отменило проблемы морального выбора, просто ситуации выбора приняли другую форму. Например, после выборов 96-го года стало довольно трудно публиковать материалы–расследования, а я прежде всего занимаюсь журналистикой расследования. В одной газете не устраивало упоминание одного банка, в другой – другого. Мое условие простое: либо издание печатает расследования так, как оно сделано, либо – не печатает вовсе. В результате, некоторые материалы проходили через четыре-пять (однажды – семь) изданий, прежде чем их удавалось опубликовать.

Я подписываюсь “независимый журналист” – это сознательный моральный выбор. Потому что в определенный период времени стало невозможно принадлежать к какому-то журналистскому институту - там сразу выдвигались корпоративные условия, причем условия, которые с моей точки зрения были совершенно невозможны: они противоречили самой сути журналистики, превращали ее в форму лучше или хуже скрытой рекламы. Это было платой институализированных журналистов за высокие зарплаты, кредиты, квартиры и так далее. Я никого не осуждаю. Но для меня такое положение вещей невозможно. Репутация – дороже. Еще пример морального выбора: считала и считаю невозможным получать зарплату в конверте.

3. Я думаю, что ответственность журналиста за то, что он пишет, чрезвычайно высока. Полагаю, что аморальные поступки журналиста обходятся обществу очень дорого.

В чем суть выбора? По-моему, это очевидно – это то, чему родители учат своих детей. Моральная позиция определяется простыми вещами: нельзя врать, нельзя заниматься скрытой рекламой, нельзя вступать в коррупционные отношения с источниками и героями публикаций. Причем, оправдания типа “надо кормить семью” меня совершенно не удовлетворяют. С моей точки зрения, в таком случае лучше сменить профессию.

4. Журналистика – это то, чем я зарабатываю на жизнь. Я не сторонник отношения к журналистике как к некоему мессианству. Журналистика - это ремесло, прежде всего. Отсутствие знания ремесла, техники журналистского дела, умения искать и находить факты, доказательства, узнавать позиции всех сторон конфликта как раз и приводит часто к коррупционным отношениям. Когда вместо расследования - слив, в котором правда и ложь перемешаны, причем, далеко не в равных пропорциях. К сожалению, часть журналистского корпуса даже не представляет, что может быть иначе. Они не знают азов, не говоря уже об этике профессии. Если посмотреть на людей, которые особенно много участвовали во всяких “заказах”, то, за исключением двух-трех, это люди, которые - в профессии мы

все друг друга знаем - как журналисты ничего не стоят: не умеют искать, не умеют добывать материал.

Прежде всего, журналистика – это профессия, я этим зарабатываю деньги. Я не служу в профессии – это моя работа. Почему я должна служить профессии? У меня работа такая – заниматься журналистикой.

5. Если речь идет об оценке конкретной ситуации с конкретными журналистами, участвующими, например, в избирательной кампании, то я не могу комментировать то, что не знаю. Я исхожу из того, что каждый человек делает свой выбор сам. И было бы очень по-советски - позволять себе оценивать действия другого человека. Если он так поступил, значит, у него были мотивы. Я могу соглашаться и не соглашаться с этими мотивами, но никоим образом не могу позволить себе осуждать его действия. Хотя и думаю, что свои партийные привязанности следует выражать в партийной прессе, а на время предвыборной кампании лучше перестать публиковаться в издании, чья партийная принадлежность не указана в логотипе.

Вообще же, есть два варианта – либо работать на владельца, либо не работать. Какой может быть компромисс? Единожды солгав .... Нельзя быть наполовину беременным.

6. Авторы проекта хотят спросить, можно ли достичь успеха в профессии и при этом не идти на компромисс в определенных обстоятельствах?

Все это болтовня - про “обстоятельства”. Человек всегда понимает, на что он идет, на какую меру компромисса он готов идти. Есть компромиссы, которые не затрагивают основополагающих принципов. А есть компромиссы, на которые идти нельзя ни при каких условиях. Мне начинают рассказывать: “Не было другого выхода...”. Но выход всегда есть. Я ведь была в этих ситуациях не раз и не два, и не три. И точно знаю, что выход есть всегда. Да, у телевизионных журналистов сложнее ситуация, им нужна камера, а уж у газетных журналистов, у пишущих журналистов – кто может у тебя отобрать блокнот и ручку? В конце концов всегда остается возможность, например, пойти на такси работать. Я хорошо вожу машину, и если не смогу больше работать в профессии, могу пойти туда.

7. Что касается ситуации с НТВ, то она очень неоднозначна.

Например, меня удивило, что некоторые сотрудники НТВ – ну, скажем, Поборцев, Гусаров, на митингах заявляли: “Нас посылали под пули и мы не боялись. Почему люди, которые хотят захватить НТВ, думают, что мы их испугаемся?”. Однако, когда дело дошло до личного выбора, они об этих своих заявлениях как-то забыли и вполне сошлись с теми, кого называли “захватчиками”. Не знаю, задаются ли они вопросом: как зритель теперь может доверять той информации, которую они сообщают? Но для меня бы это было важно.

Ладно, это молодые ребята. Хорошо, у Петра Марченко – тоже публично боровшегося за сохранение старого НТВ и благополучно выходящего теперь в эфир с другими текстами - маленький ребенок. Но вот то, что там появился Савик Шустер, для меня необъяснимо - у этого человека есть работа, есть возможность обеспечивать семью. И то, что он на канале НТВ, канале, который фактически стал государственным, - это исключительно этический конфликт.

Впрочем, все это детали и они скоро забудутся. Важно другое: три главных информационных канала страны теперь находятся под контролем государства. Вот это – действительно беда.

Авторы проекта предлагают участникам проекта прокомментировать полемику Б.Немцова и Е.Альбац. Я говорила, что имеет место не хозяйственный, а откровенно политический спор между Кремлем, который ставил задачу контроля трех федеральных каналов - и компанией НТВ. Я далеко не всегда была согласна с позицией компании НТВ, более того, вступала в непримиримые противоречия

с руководством и владельцами канала, результатом чего стало закрытие моей авторской передачи на канале НТВ в 1997 году. Сейчас речь не об этом. Выступая в защиту НТВ, я защищала право разных каналов и разных изданий иметь разные точки зрения, в том числе и те, что не нравятся Кремлю.

Теперь же государство контролирует три главных федеральных информационных канала. Значит, государство будет проводить свои интересы на этих каналах - иначе зачем их иметь? А я полагаю, что интересы государства и интересы общества далеко не всегда совпадают. В нашей истории тому очень много примеров. Достаточно вспомнить как Сталин превращал отсталую аграрную Россию в индустриальную державу. И решил эту задачу. С точки зрения государства он задачу решил? Решил. Безусловно. С точки зрения общества, когда он закопал в землю десятки миллионов жизней, – это хорошо было или плохо? Ответ очевиден: Сталин уничтожил цвет нации, превратил страну в безликое сообщество серостей, где принцип трамвая – “ не высывайся!” - стал определяющим. Вот классический пример несовпадения интересов государства и общества.

Другой пример – катастрофа в Чернобыле. С точки зрения интересов государства, власти надо было попытаться скрыть масштабы катастрофы? Да, безусловно, потому что это дискредитировало и государство, и власть. А с точки зрения тех людей, кто в эти дни, ничего не зная, вышли в Киеве на первомайскую демонстрацию под радиоактивным дождем? И это еще один классический пример несовпадения интересов государства и общества. Вообще, пора уже понять, что интересы государства и общества абсолютно совпадают только при одном типе режима – тоталитарном. Демократическое устройство обязательно предполагает наличие разных, подчас несовпадающих интересов. Но все они имеют право быть представленными. В том числе – в средствах массовой информации. Потому так необходимо наличие самых разных СМИ: и государственных, и не государственных. Государственные СМИ выражают позицию лишь одной группы интересов, именуемой властью.

Именно поэтому я и спорила с Немцовым. Мы с ним очень хорошо друг друга понимали. Но он считает, что прежде надо обеспечить права собственности, а потом уже – свободу слова. А мое мнение - нельзя говорить ни о какой защите собственности, когда нет свободы. Кто, спрашивается, будет защищать частную собственность от притязаний государства? Я считаю, что говорить о каких-либо либеральных реформах в стране, где нет свободы слова, – просто смешно. Поддерживать Газпром (за которым, и Немцов это хорошо знал, равно как и я, стоял Кремль, и даже деньги не Газпрома, а Газпрому даны были всякие таможенные и налоговые льготы, которые компенсировали расходы на удушение НТВ) в этой ситуации - означает соучаствовать в подлости. Соучастие в подлости ничуть не извинительнее совершения подлости.

Примечание редактора.

По настоянию Е.Альбац указываю, что она отказалась от причитающегося, на взгляд редактора как руководителя проекта, гонорара за участие в *экспертном опросе*. Аргумент Е.Альбац: “Одни считают, что они, давая Вам интервью, выступали не как журналисты, а как эксперты (в этом случае гонорар оправдан). Другие, как я, полагают, что это журналистское интервью – в этом случае гонорар получать нельзя”.

Еще несколько авторов проекта, участвующих в экспертном опросе, тоже отказались от гонораров, не требуя соответствующего примечания.

М. Асламазян
"СТЕПЕНЬ СВОБОДЫ ЖУРНАЛИСТА ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ СТЕПЕНЬЮ
ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ, УРОВНЕМ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА
И МЕРОЙ ВНУТРЕННЕЙ СВОБОДЫ"

1-2. Мы, ИНТЕРНЬЮС, уже три года проводим конкурс информационных программ региональных телекомпаний. И в Ростове был очередной зональный тур, участвовали в нем более 50 телекомпаний Юга России. Вполне профессиональное жюри, в которое входили Ирина Петровская, Елена Саркисян и другие, присудило главный приз за информационный выпуск местной ГТРК "Дон-ТР". Но когда мы стали его вручать, в зале раздались голоса о том, что программа, представленная "Дон-ТР", склеенная, собранная из разных выпусков, показанных в разные дни. Вернувшись в Москву, я собрала жюри еще раз, мы особо внимательно посмотрели этот конкурсный выпуск, сверили с информационными агентствами и выяснили, что одни события, показанные в программе от 12 марта, произошли 16 февраля, другие - от 4 апреля. Мы убедились - программа склеенная. Естественно, жюри приняло решение свой приз аннулировать. Опубликовали в СМИ открытое письмо, оно имело моментальный резонанс - разные телекомпании звонили нам и говорили, какие мы молодцы, что восстановили веру в ИНТЕРНЬЮС.

Вроде бы мы совершили нормальный поступок?

А вчера мне сказали, что еще одна программа, которая получила приз в другой номинации, возможно, тоже склеенная. Что мне делать? Второй скандал поднимать? Дикий скандал для репутации конкурса, который мы уже три года проводим? Восемнадцать туров. Второй раз собирать жюри и пытаться понять, действительно ли программа склеенная? Или сделать вид, что ничего не произошло, ибо официальных претензий нет? А как мне быть с той телекомпанией, конкурентом "Дон-ТР", которая и написала большую клевету на нее? Ведь не любят в нашей стране предателей.

А как себя вести по отношению к любимовскому МедиаСоюзу? С одной стороны, я понимаю всю слабость Союза журналистов, с другой - слишком хорошо понимаю, чем именно мотивировано создание этого МедиаСоюза.

Но одно я знаю определенно: сейчас ИНТЕРНЬЮС должен быть более однозначен в своих оценках происходящего. Слишком много в наше время двусмысленного, ибо мы не хотим говорить правду о больших вещах и прикрываемся какими-то шуточками, иносказаниями и т.д. Наверное, чтобы не выглядеть идиотами, "городскими сумасшедшими" (мое предшествующее интервью тюменскому проекту так и озаглавлено). Мне кажется, что сейчас странное время. Каждый из нас все время стоит перед выбором между тем, чтобы все считали тебя простаком, "городским сумасшедшим", и неготовностью смириться с глупостью, подлостью.

5. Чтобы ответить на этот вопрос, надо еще раз вспомнить о важном для журналиста умении опознавать и понимать ситуацию выбора. Есть разные журналисты. Например, Женя Альбац, мне кажется, человек абсолютно самостоятельный, она чувствует индивидуальную ответственность и никогда не будет подчиняться обстоятельствам, воле хозяина, если это противоречит ее внутренним убеждениям.

А как у молодых журналистов? Почему-то на телевидении работает огромное количество девчонок (в газетах - люди постарше). Им кажется, что телевидение - это так интересно: они будут в эфире, все будут их узнавать и т.д. и т.п. И

вдруг они оказываются перед проблемой морального выбора. Многое зависит от степени внутренней свободы, жизненного опыта, домашнего воспитания, от обеспеченности семьи (например, есть ли у журналистки из регионального СМИ муж, который способен прокормить семью). Выбор зависит и от того, насколько то, что журналисту предлагает хозяин СМИ, противоречит его убеждениям. Зачастую у многих просто нет убеждений, в этом большая проблема. Они даже могут и не осознавать, что им предстоит делать именно нравственный выбор, такого рода мысли у них даже и не возникают. Вот если с детства в ней что-то воспитывалось, если теперь она постоянно думает о себе, о своей репутации и т.д., она может попытаться сопротивляться обстоятельствам. А если не получается сопротивляться, если не удастся как бы перехитрить хозяина, власть и т.д., то сильный человек уходит, слабый - остается и дальше ломается, мне кажется, что так будет всю жизнь.

Вообще-то осуждать региональных журналистов я просто зареклась: мне-то хорошо, я начальник крупной конторы, у меня хорошая зарплата, могу говорить то, что думаю, делать то, что считаю нужным. А если речь идет о маленьком городе, где 200-300 тыс. жителей, две телекомпании? Девчонки считают, что она журналист, ничего кроме журналистики делать не умеет. И наступает жуткий период, который называется "выборы губернатора". Хотя сам процесс выборов чрезвычайно важен, но в последнее время все смирились с мыслью, что выборы - это грязная политическая игра, такое время, которое надо каким-то образом пережить. И поэтому кто-то из журналистов сопротивляется, кто-то - нет.

В этом году ИНТЕРНЬЮС решил сделать цикл региональных семинаров на тему: "Выборы и кому должны служить СМИ". Один из вопросов - взаимоотношение местных СМИ и столичных политтехнологов, которые используют эти СМИ как средства для того, чтобы "протащить" своего кандидата. Потом они уезжают, оставляют после себя выжженную землю. Многим региональным журналистам кажется, что когда политтехнологи уедут, они опять заживут прежней жизнью. Ничего подобного, на самом деле крушится чрезвычайно много судеб, репутаций, имиджей телекомпаний.

Участников наших семинаров можно разделить на тех, кто считает, что абсолютно бесполезно сопротивляться "грязным играм" власти, кандидатов, технологов и проч., что надо просто пережить период выборов как стихийное бедствие - прошло, ушло, мы должны сохраниться; и тех, которые пытаются как-то сопротивляться, и в основном даже не московским политтехнологам, а своим хозяевам. Потому что хозяева СМИ меньше всего склонны переживать по поводу каких-то моральных вопросов, например, об ответственности перед зрителем, о репутации СМИ и т.д. Им кажется, что они играют с властью, что они эту власть выбирают, вытаскивают, выстраивают, чтобы потом получить какой-то политический ресурс. Поэтому хозяева сплошь и рядом становятся на чью-то сторону, подбирая, как им кажется, самого подходящего для них кандидата, и начинают играть на его поле. Недальновидная, мне кажется, политика. Такая политика - от бедности нашей, от глупости, от малообразованности и т.д. Но я знаю очень много случаев, когда руководители СМИ, хозяева, владельцы компании избирают для себя нейтральный путь в избирательной кампании.

Представим себе, что на каком-то из наших семинаров после выступления о том, как трудно журналистам быть свободными, поскольку они экономически и политически зависимы, встал некий наблюдатель и сказал: "А какое мне дело, мне - зрителю, обывателю, что вы экономически и политически зависимы? Ведь я-то жду от вас объективной, правдивой информации."

Нет, не думаю, что его бы вынесли с семинара. Ведь все, абсолютно все сто процентов журналистов понимают, что такое хорошо, что такое плохо, я убеж-

дена в этом. Когда на семинарах предлагаешь для обсуждения работы региональных СМИ, все отличают хорошую журналистику от плохой. (Другое дело, почему-то не все сами делают хорошую журналистику.)

Конечно, многие бы стали искать объяснения и оправдания. Говорили бы, что мера их свободы определяется и экономической зависимостью, и уровнем профессионализма, и степенью внутренней свободы, бесстрашия, убежденностью. Каждый попадает в определенную, конкретную ситуацию и решает ее определенным, конкретным образом.

7. Ситуация на НТВ для меня, как и всякое состояние, не статична. Мое отношение к этой ситуации менялось в течение этого года много раз, искренне менялось, а не потому, что я подвержена чьему-то влиянию.

Весь предыдущий год я с пеной у рта защищала НТВ от моих знакомых, друзей, которые говорили, что журналисты НТВ ведут себя неприлично, постоянно говоря о себе, защищаясь в эфире. Я возражала: "Ребята, вы же видите, что их травят, они загнаны, а в такой ситуации человек уже не может трезво отделять самозащиту от задач своей профессии и т.д., поэтому осуждать их, на мой взгляд, неприлично". Я ходила на все митинги, я поддерживала их и поддерживаю, потому что их загнали.

С другой стороны, их переход на ТВ-6, их абсолютное неприятие выбора, совершенного той же Митковой и др., очень для меня тревожно. Мне нравится, как поступили Сорокина, Шендерович: так, как считают нужным, при этом не кидая в других камнем. Света Сорокина не стала осуждать Татьяну Миткову за то, что та осталась. Замечательно сказал В.Шендерович: "Я их не осуждаю, мне кажется они сделали ошибочный выбор. Это их право на ошибочный выбор".

Мы, ИНТЕРНЬЮС, тоже сделали свой выбор - сняли программу, которую делали на НТВ. Мы бесплатно отдавали ее, но когда прежнего НТВ не стало, мы сказали, что отказываемся. Небольшая программа, 10 минут, по утрам, она мало что решала в этой ситуации, но это была ситуация выбора и мы его совершили.

Вообще мне кажется, что профессиональные, талантливые журналисты НТВ расплачиваются за ошибки менеджмента и за желание хозяев управлять властью. Но это заблуждение, когда менеджерам и хозяевам кажется, что они могут перехитрить власть. Как только начинаешь пытаться управлять этой властью, сам попадаешь в такую зависимость от нее, что и произошло с НТВ.

Фактически журналисты НТВ стали заложниками этой ситуации, и я не знаю сколько пройдет времени, пока ситуация успокоится. Но знаю, что, по большому счету, она нанесла вред не только журналистам НТВ, но и всему журналистскому сообществу и нам - зрителям. И так профессиональной корпорации в общем-то нет, и так СМИ мало доверяли, а сейчас - еще меньше. Просто страшно: до такой степени люди, среди которых проводятся опросы, не хотят свободы слова. Вот это самое страшное из того, что произошло с НТВ. Да, конечно, журналисты как-то выкрутятся, у них в руках профессия, а вот общественный вред, который нанесла эта ситуация, долго еще будет сказываться.

Вот в чем уроки ситуации на НТВ, а не просто в поступках и судьбах отдельных журналистов.

С.А.Бунтман

"...НАСТОЯЩИЙ МЕССИЯ НЕ РАЗДАЕТ ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ"

1. Самая актуальная ассоциация со словами "ситуация морального выбора" - применительно к профессии - связана у меня с ситуацией, в которой мы, "Эхо Москвы", сейчас находимся. Дать ли в эфир информацию, которая может косвенно повредить, предположим, нашим отношениям, и без того напряженным, с руково-

дством страны, с тем или иным ведомством, начиная с ГИБДД и кончая кем угодно; дать ли эту информацию, если мы считаем ее общественно важной (как это было в свое время с информацией о состоянии здоровья президента Ельцина)? Но это ситуация простая, потому что мы знаем, что информацию надо давать - мы это обсуждали и так решили.

Ситуация морального выбора для меня более отдаленная, это, например, решить свои экономические проблемы или даже, может быть, социальные проблемы за счет собственной корпорации, радиостанции: пойти ли на это - это тоже ситуация морального выбора.

Еще одна ассоциация – с самой жизнью. Мне кажется, что вся жизнь состоит из ситуаций морального выбора, причем это не только ситуация, предвещающая выбор, но и ситуация рефлексивная, после совершения морального выбора, т.е. оценка этого выбора, и моделирование дальнейших ситуаций. Например, мы коллективно занимаемся моделированием ситуации перехода собственности на “Эхе”. Мы моделируем свой выбор: где находится предел, когда нам можно оставаться в том, что называлось бы “Эхом Москвы”? Например, предлагаем своим журналистам анонимную анкету (вопросы и ситуации) на тему “чем мы могли бы пожертвовать, мелочами или принципиальными вещами, для сохранения “Эха” как организации?”. Итак, ситуация выбора - это моделирование ситуации, момент подготовки принятия решения, само решение и оценка этого решения.

Между чем и чем человек выбирает в ситуации морального выбора? Что является предметом выбора? Выбор превалирующего фактора. Выбор выхода из сложной ситуации – при этом очень важно определить ее именно как сложную. Осознание самого наличия морального выбора, ибо неосознание того, что этот выбор именно моральный – очень серьезное заблуждение. Иногда выбор наименьшего зла. Выбор некоего ориентира, т.е., во имя чего мы делаем то-то или то-то: не ради ли своей прихоти, своего сиюминутного желания - таким бывает моральный выбор, который мы делаем в состоянии аффекта, возбужденности чувств, например, выбор в сфере личной жизни (выпить – не выпить или, скажем, ответить ли на флирт).

И еще предмет выбора - он был схематизирован классицистской драмой - чувство или долг? Существует долг перед чувством, который мы очень много романтизировали. В каких-то ситуациях своей жизни мы ставим его на первое место - как приоритетный ориентир. Например, надо соврать родителям о своих делах, о какой-то ситуации, причем, целенаправленно соврать, выстроить целую систему вранья. Но во имя чего? А, может быть, легче им сказать всю правду, - как обухом по голове, а потом откачивать - чем тянуть эту ситуацию? Или все же выстраивать систему спасительной лжи?

Итак, выбор – это всегда выбор ориентира.

2. Традиционно говорят, что человеческая жизнь - это своеобразное бремя выбора. Но возможно и счастье выбора. Ощущение легкости принятого решения, его естественности, которое не проходит. Это чувство может оказаться и заблуждением, но ощущение счастья выбора возможно. Кстати, не осознание морального выбора имеет и свою благую сторону: если есть немногочисленный набор устойчивых ориентиров. Вспомним ответ Пушкина на вопрос “где бы вы были 14 декабря?”. “Я был бы на площади, потому что там были мои друзья”. Это выбор ориентира – “хотя я во многом не согласен, но там были мои друзья”.

Легкость нашей - “Эха Москвы” - линии в обстоятельствах, связанных с “Медиа Мостом”, которая сейчас существует для меня лично, и для ряда моих друзей, таких как Алексей Венедиктов, Андрей Черкизов, это легкость выбора. Мы могли сколько угодно ругаться - кто ближе знаком, кто - бурчать по углам или ме-

жду собой, по поводу Евгения Киселева, по поводу поспешных действий Гусинского, его несдержанности, некоторых авантюрных, скажем, проектов (хотя мы понимали для чего он делает это, что он хочет этим сказать и это всегда было достаточно славно), мы могли ругаться сколько угодно, критиковать сколько угодно, но настал момент, когда эти люди попали не в то положение, чтоб можно было, как это многие коллеги по цеху сейчас делают, говорить: “да, конечно, ведь он совершил такую ошибку и такую ошибку, как это можно было, спуская очки на нос, говорить то-то и то-то, не имея при этом очень верных документов на такого-то человека”. Про “очки на нос” надо было говорить, когда очки на нос спускались, именно в тот момент надо было отвечать. Для нас же здесь очень легкий выбор.

В воспоминаниях одного художника, моего знакомого, которого уже нет на свете, я прочел очень славную вещь. Долгую жизнь прожил этот человек: после-революционная Москва, школа – бывшая старая гимназия. Бывшая директор этой гимназии, такая дама Ломоносова (из тех самых Ломоносовых), стала директором школы, а потом ее уволили по социальному происхождению, проходит по коридору, и автор этих мемуаров, мальчик тогда, здоровается, а его товарищ говорит: “Чего ты с ней здороваешься, ее же уволили”. Вот это самое главное: мальчик автоматически поздоровался, и правильно сделал. В другое время, когда она была директором, будь он хулиганом, он мог бы и выстрелить из рогатки. А сейчас - не то время: ругать президентов и директоров школ надо тогда, когда они во власти.

Вот это легкий моральный выбор, очень легкий. И от того и счастье, что интуиция тебе подсказала: правильно, что первым твоим движением было собраться, приехать на радиостанцию, когда там ОМОН, или гэбисты закрывают, как это было в 1991 году. Это автоматический выбор, и так здорово, что он не подводит. И так страшно, что выбор может когда-то подвести. Сколько было таких страшных моментов у каждого из нас, когда мы были подростками, молодыми людьми, сколько раз мы боялись вступить в драку, сколько раз боялись защитить кого-нибудь на улице от хулиганов, сколько раз мы оглядывались по сторонам и ждали, что появится кто-то большой и сильный и все сделает за нас. А потом говорили себе “я этого не заметил”, “я ничего не видел”, “а что я один сделаю”. И страх перед такими моментами очень важен.

3. В связи с вопросом о том, имеет ли выбор профессии, профессиональный выбор, значение морального выбора уже на старте профессиональной карьеры - или ты только при зрелом опыте осознаешь, что выбирая профессию, вместе с ней ты выбирал и какую-то профессиональную этику - думаю, что на старте профессиональной деятельности скорее может совершаться неосознанный выбор, связанный, например, с влечением к определенной сфере деятельности или с традициями семьи. И тогда ты ставишь себе какую-то цель, которая совсем не формулируется как большая - было бы странно в этом случае говорить “я хочу быть журналистом для того, чтобы говорить правду”.

Лично я вовсе не выбирал себе журналистскую профессию, никогда и в мыслях у меня такого не было. Родители мои хотели, чтоб я занимался чем-то конкретным и толкали меня к точным наукам, к технике и т.д. Я на это покорно шел, пока как-то в автобусе вдруг осознал то, о чем я чаще думаю. А думал я больше всего об уроках литературы (восьмой класс), мне гораздо интереснее размышлять о том, что думал тот или иной персонаж, какие у него были мотивы, чтобы поступить так, а не иначе. И я понял, еще не признаваясь родителям, что не буду никогда заниматься никакой техникой. Это был пока еще выбор области деятельности - общегуманитарной.

Потом я изучал языки, но не стал преподавателем языков, потому что понял, что я не умею этого делать. И так сложилось, что после института я полтора года был безработным, занимался переводами, и меня пригласили диктором на

Московское международное радио. Жуткое дело: читать глупости, толстым голосом, с нормальным, хорошим французским произношением. Подчеркивать, что это сказал ТАСС, Брежнев, Громыко, Устинов или Гречко, но не я.

А потом придумалось наше радио, Сережа Корзун его придумал в какой-то момент. Причем, мне хотелось делать радиоспектакли. Я очень любил радиоспектакли в детстве, потом узнал историю с “Войной миров” Орсона Уэлса, который обманул тогда всю Америку (невольюно, он этого не хотел). Мне показалось, что это замечательно - замечательно что-то рассказывать, именно звуком, словами, рассказывать людям. Плюс мы слушали радио - и не только “радиоголоса” на русском языке, что собой представляет довольно интереснейший, но искусственный продукт (хотя мой старший сын до сих пор говорит, что его воспоминания детства - это как мы слушаем “Москву-2042”, которую читал Войнович), но радио “тамошнее для тамошних”. Боже мой, как же они это делают – быстро, бодро, все точно, вовремя. А почему бы и нам не заняться этим, почему бы не показать людям, что на русском языке в Советском Союзе может существовать свое радио - мы подумали: ведь никогда же не было русского радио, без кавычек. Было только советское - радио появилось уже тогда, когда была советская власть. Мы и представить себе не могли, что такое радио в России, настоящее, не “рупор”. В чем же дело? И поставили себе такую задачу.

А потом появились проблемы выбора. 13 января 1991 года – одна из первых проблем: начинать или не начинать говорить с утра про вильнюсские события. Частота наша, имеем право вещать, но нам говорили: “да что вы, ребята, зачем вам это нужно, вы только начинаете такое интересное дело”. И мы решили говорить: это нас задевает лично, там наши друзья, там происходят кровавые безобразия, об этом должны знать все. И мы начали об этом говорить.

И почти каждый день совершаем выбор. 1993 год, еще сложнее, чем 1991. 2-го октября приходит Уражцев (кто о нем помнит сейчас) и хочет объявить о своих колоннах. Как мы можем ему не предоставить микрофон, раз мы независимое радио? Хотя понятно, что это будут люди с палками, с кольями, и во что это может вылиться. И мы решаем очень сложную проблему: даем ему возможность сказать, что он собирает людей. До сих пор об этом спорим.

Так что профессия влечет за собой массу выборов и важно это осознавать.

4. Формула Вебера имеет серьезный смысл. Мне кажется жить можно за счет халтуры (халтура в понимании старого Художественного театра, т.е., не работа плохого качества, а работа дополнительная и необязательная). Если говорить обо мне, то у меня были такие эпизоды, когда я делал переводы научно-популярных и технических фильмов на французский язык для развивающихся стран и этим зарабатывал на жизнь на киностудии “Фильмэкспорт”. Какую-то пользу человечеству я этим приносил, но воспринимал эту работу как средство существования, которое надо сделать как можно качественнее. И радиодикторство в Гостелерадио воспринимал как средство к существованию - мне надо было кормить маленького ребенка, потом появился второй, уже надо было помогать родителям и зарабатывать, чтобы жена могла писать свою диссертацию. Это был совершенно осознанный выбор – работа как средство к существованию.

Когда мы организовали “Эхо” (как ни странно, мы стали получать больше, чем в Гостелерадио, но это было дополнительным обстоятельством) - это был фактор свободы и некоего, может быть, извините, служения. Появилась цель: мы тогда говорили друг другу, что это очень здорово, когда ты делаешь то, что хочешь, так, как хочешь, и еще за все это получаешь деньги. Именно в таком порядке. И мы эту цель стали доводить до предела: радио полезное и нужное, которое говорит, что хочет, да еще и деньги зарабатывает рекламой.

Поэтому для меня выражение “служение профессии” – это замечательное определение профессионализма, хотя чаще всего слышишь определение обратное: профессионал - это тот, кто хорошо и качественно делает свою работу и живет за счет профессии, не видя в ней некоего служения. Чтоб не вдаваться в излишний пафос, служение - это осознание цели, или сверхзадачи, даже миссии.

Правда, жить с постоянным ощущением миссии очень плохо. Наиболее близкие мне священники постоянно осуществляют свою миссию, но никогда это не педалируют. Они могут в любой момент говорить на твоём языке, никогда не забывая стержень. Они могут идти с тобой на любые компромиссы, говорить “ну ничего, что ты сделал это, мы разберемся”, но при этом чувствуя свои ориентиры очень, очень высокими. Иначе миссия – это пустая фраза.

Миссия – это не ощущение постоянного мессианства. Настоящий Мессия не раздаёт визитные карточки.

Когда-то меня поразило высказывание основателя японского театра “Но” Он очень хорошо сказал, что если ты стремишься к высокому, то придут и богатство, и слава, но когда ты просто стремишься к богатству и славе, то высокое может и не придти. Это очень тонкая фраза, потому что сразу богатство и слава начинают преображаться: если ты к чему-то стремишься, то богатством для тебя может быть что угодно, и славой тоже.

5. Между чем и чем выбирает журналист, которому владелец СМИ навязывает неприемлемую им позицию?

Если ты точно знаешь, что твоё компания работает именно на кого-то и тебе *нравится*, что она работает на кого-то – надо уходить и менять профессию - вступить в партию губернатора и заниматься его паблик-рилейшнз. Если тебе *не* нравится, то тем более надо уходить, ибо это ситуация невозможности профессионального существования, отягощённая массой жизненных обстоятельств, может быть - изначальной позицией этой компании.

Не слишком ли много требовать от журналистов, простых смертных, чтобы они именно такой выбор осуществляли - уходили из компании?

Вот в том-то все и дело - в возможности такой ситуации. Ситуации, в которую поставлен журналист, не имеющий никаких перспектив ни уйти, ни оставаться профессиональным журналистом. Может быть, все же уйти из профессии?

Героизм? Не знаю. У нас такая ситуация в перспективе. И, например, что для Леши Венедиктова, что для меня есть выбор не быть профессиональным радиожурналистом - в школу пойдем. Как когда-то у нас уже было, когда он преподавал историю, а я вел театральную студию и читал факультативы по истории архитектуры, культуры.

Но такой выбор делает каждый за себя и вряд ли уместно советовать кому-то другому “уйди, но не прогибайся”. Единственное, чем можно помочь журналисту, оказавшемуся в такой ситуации, - созданием контекста. Пока контекст плохой, он постоянно разрушается. Мы в Московской Хартии пытались создать такого рода контекст для себя. А Федотов, Энтин и Батулин создали очень серьезную базу контекста своим Законом о СМИ. Для журналиста этот контекст должно создавать общество, но для этого оно само еще должно быть создано. Мы помогаем в какой-то степени созданию этого общества, но для того, чтобы мы существовали профессионально, и общество должно нам помогать. А пока порочный круг и разрушение контекста.

И все же всегда есть возможность выбора. Автомобильный обозреватель говорит: если радио “Эхо Москвы” не будет существовать в прежнем качестве, я уйду - у меня есть чем заниматься. И он сядет за баранку или будет тестировать автомобили. Не пропадет. Вот это ощущение “я не пропаду”, может быть, спасительное?

Советовать ничего нельзя. Но можно подумать о том, как помочь. Например, о фондах поддержки журналистов, которые не хотят “прогнуться”. Это тоже создание контекста - помочь принять независимое решение. Причем, это не может быть фонд, допустим, оппонента губернатора – слишком похоже на подкуп журналиста. Это должен быть общественный фонд. Это может быть фонд предпринимателей, для которых наличие свободной информации – фактор делового успеха.

6. Стремление к успеху нормально. Конечно, всякое стремление может перейти в свою противоположность. И здесь мы снова возвращаемся к самому важному - к ориентирам выбора.

Что для тебя успех? Чтобы тебя знали? Хорошо, когда тебя знают. Чтобы тебе доверяли? Замечательно. Узнавали на улице? Тогда не радио надо заниматься. В чем еще успех? Получать премии? Может быть. Шикарно жить? Может быть. Но это опять же вопрос о том, чем ты можешь пожертвовать.

В какой-то момент чем-то придется пожертвовать. В конце концов, это тоже выбор. Например, пожертвовать своим образом в сознании твоей аудитории. Ситуация: сейчас я этого не скажу, потому что я привык нравиться слушателям с другим мнением, меня привыкли видеть именно таким (или злым, или размягченным). И вот возможность выхода из своего образа (машиной, квартирой деньгами - это, понятно, тяжелые жертвы) для человека публичной профессии очень неприятна.

Если сказать банально, к успеху стремиться можно и должно, но становиться рабом своего пути или образа нельзя. Наверное, это нормально, общепринято, когда человек поддерживает свой образ. В современном мире это ориентир для других. Вот он катается на шикарных машинах, меняет спортивные автомобили раз в неделю – это образ. Он не может выйти в эфир, не обругав кого-то – тоже образ. Он сладким голосом объявляет нечто - это тоже образ. Но становиться рабом этой искусственности, это значит расставаться с нормальным течением своей жизни.

А вообще-то успех - это хорошо. Главное - что понимать под успехом.

Стремление к успеху – это нормально, и к профессиональному успеху - тоже. Если человек с серьезными намерениями входит в профессию, он должен стремиться быть в первом ряду своей профессии. Конечно, у кого-то есть осознание своего места: никогда не буду стремиться к чему-то выше, потому что вот здесь моя ниша, дальше мне не прорваться. Существует масса теорий карьерного продвижения и они полезны для тех, кто ощущает внутреннюю потребность в успехе. Я думаю, что мы, как и артисты, и в какой-то степени, как и спортсмены, должны стремиться к своему высшему качественному пределу. Причем, всегда предполагать, что можно сделать и лучше.

Мне рассказывали, как Галич записывал свои песни. Когда что-то не получалось, например, пропадала запись, стиралась, Галич всегда говорил: “Сейчас сделаем еще лучше”. И в этом не было какого-то там утешения. Он считал, что следующая версия может быть лучше: “Ничего, лучше сделаем!”

Р.С.Гольдберг

**“... ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ ПРАВА ПИСАТЬ, ЧТО ХОЧУ И КАК ХОЧУ,
МНЕ ПРИШЛОСЬ ОСНОВАТЬ НОВУЮ ГАЗЕТУ.
ТЕПЕРЬ У МЕНЯ НЕТ РАЗНОГЛАСИЙ С РЕДАКТОРАМИ И ВЛАДЕЛЬЦАМИ ГА-
ЗЕТЫ”**

1. Не образ, не ассоциация, а вполне конкретная ситуация, в которой я оказался чуть больше полугода назад.

Представим себе картинку - скромный кабинет редактора скромной газеты. Напротив хозяина на мягком диване "под кожу" - гость. Впрочем, больше чем гость. Давний коллега, который лет восемь назад сошел с журналистской стези, стал депутатом - сначала совета, потом Думы, где тоже занял один из высших постов. Переизбран не был, однако получил высокую должность в администрации.

Нас многое связывает. Теперь гость появился в связи с новыми выборами губернатора. Гость не говорит: "Во имя пославшего мя...", но это и так понятно. Между мною и его баллотирующимся на губернаторский пост патроном отношения, сложившиеся больше тридцати лет назад, совсем разладились и я могу поклясться чем угодно, что не по моей вине. К выборам каждое лыко годится в строку, и гость-приятель пытается зондировать: не захочу ли я, забыв обиды, как и встарь, встать под прежние знамена?

Есть моральный выбор? Даже два. Во-первых, трудно отказать человеку и коллеге, с которым так долго и бесконфликтно знаком. Во-вторых, сама необходимость отказать в союзе кандидату в губернаторы, которого искренне поддерживал каких-то четыре года назад, из-за которого два года потом судился с его менее удачливым соперником, потеряв на этом массу нервов и даже некоторое количество денег.

Но разверзшаяся пропасть - не закроется. Ее жердочкой привычки или меркантильных интересов не замаскируешь. Дело в том, что - широко известная история - нынешний кандидат щедро использовал свой административный ресурс и, как он сам фактически в одной из последних частных бесед полупризнался, спустил на меня парочку псевдожурналистов, что были у него на содержании. И хотя гость теперь старается уверить меня, что все, баста, больше ни слова в мой адрес напечатано не будет (что само по себе является достаточным подтверждением, откуда у этой злобы ноги растут), я ищу основания для отказа. Гость приходит во второй и в третий раз. И все-таки я говорю "нет".

В ходе избирательной кампании и я, и газета, где я редактором, старались отказать от откровенных и резких выпадов, хотя нас щедро снабжали материалами весьма темного оттенка. Они и сейчас хранятся в моем архиве, любопытнейшее, доложу я, чтение. Кстати, это тоже относится к проблеме морального выбора - стараться удержать себя в узде, когда раздражение буквально толкает тебя под локоть, когда финансируемая "той стороной" газетенка не перестает склонять твое имя. Могу сказать, что в большинстве случаев нам удалось одержать победу над собой. А что до результатов выборов - они известны.

2. Мне думается, что в значительной степени это ответ и на второй вопрос. Наверное, были случаи, когда я оказывался в гораздо худшей ситуации, когда выбирал не лучший вариант и, таким образом, проигрывал. Как минимум, в собственных глазах. Наверное, у каждого из нас, кто прожил достаточно долго, есть за душой нечто, о чем вспоминать не хочется. А если ненароком это приходит на ум, становится стыдно самого себя.

Впрочем, мы - живые люди и ничто человеческое нам не чуждо. Но в трудных случаях я прибегаю к способу, которому научился еще в самом начале пере-

стройки, когда еще существовала цензура и приходилось ощупью двигаться по тем тропкам журналистики, по которым мы сейчас гоняем, сломя голову.

Помню, как в конце 1987 года в Бердюжье я был свидетелем конфликта между потомками двух противоборствующих сторон крестьянского восстания 1921 года. Помню, как шел от дома к дому и записывал в свой блокнот рассказы и тех, и других. А потом дома мучился, пытаюсь соединить нестыкующиеся куски. Мешали какие-то барьеры в моем собственном сознании - о том, что можно писать, а что нельзя. Как можно и как нельзя...

И тогда я попросил сам себя: "Напиши так, как оно есть на самом деле. А потом поправишь - сократишь, сгладишь". И я, уже будучи в новой командировке, в гостиничном номере, за несколько часов написал очерк "В окруженьи белых пятен". Наутро оказалось, что ни править, ни смягчать необходимости не было. С тех пор я просто команду себе - пиши так, как считаешь на самом деле...

3. Отчего человек становится журналистом? У каждого свой путь. Само по себе ожидание утром свежего номера газеты, где петитом набрана твоя заметка, а под нею - прописными буквами (ВОТ ТАКИМИ) твоя фамилия - это может понять только тот, кому довелось это пережить. Да не обидятся на меня мои электронные собратья (мне довелось работать и с ними вместе), им эти чувства не знакомы. Работая в режиме реального времени, когда их творение растворяется в воздухе со щелчком выключателя, они не могут себе представить, что их заметка, репортаж или очерк уже не зависят от них, они живут отдельно и самостоятельно. И более того, теперь уже твоя жизнь в какой-то степени зависит от клочка газеты (я надеюсь, что аккуратно выстриженного ножницами, а не выданного безжалостной рукой!). И не исключено, что знакомясь, вы можете услышать: "А, так это вы тот самый имярек, что написал эту удивительную (вариант: отвратительную!) статью!".

Мне в моей практике несколько раз такое случалось. Например, после серии очерков о "мертвой дороге" Салехард-Игарка (одно из последних преступлений сталинизма - строительство заключенными железной дороги вдоль Полярного круга, строительство жестокое и бессмысленное, которое так и окончилось ничем сразу после смерти "отца народов") приходилось слышать пересказы этих трагических историй. Причем, люди, с которыми я встречался, совершенно не помнили автора, да и не слишком им интересовались. Но материалы, опубликованные в газете "Тюменская правда" в августе-ноябре 1988 года, были вырезаны и аккуратно сложены в папочку.

Есть ли выбор профессии журналиста моральный выбор? И да, и нет.

Есть мотивы красоты, красоты, безусловно, внешней. Например, после выхода в свет фильма "Журналист". Есть романтическая формула, запечатленная в песне: "Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете". (Должен отметить, что при всей гипертрофированности этой формулы она очень точна и реалистична. Просто понимаешь ее смысл после многих и многих лет практики, когда она, практика, становится смыслом жизни). Причем, я бы не стал воспринимать эти слова про "трое суток" только буквально. Наряду с этим есть сутки погони за информацией, например, по телефону - "идешь" от человека к человеку, выпрашивая, сопоставляя, уточняя, отсеивая придуманное от подлинного. Есть многолетний поиск подробностей и формулировок, когда тревожащая тема прячется где-то в дальнем уголке памяти - та самая единственная мысль, которую человек "думает", как говаривала когда-то моя практикантка из ЛГУ по имени Наташа.

Ничем не хуже других те, кто приходит в журналистику ради заработка. "Не ради денег, сэр, пишут только болваны", - морализировал еще в XVIII веке доктор Сэмюэл Джонсон. Другой вопрос - на что журналист способен ради денег? Готов

ли он, погружаясь в профессию, понять не только ее ответственность, но и миссию? Вспомним, что сказал редактор "Нью-Йорк Таймс" Уильям Рэндольф Херст, посылая корреспондента на Кубу в канун испано-американского конфликта в 1898 году: "Вы обеспечиваете информацию, я позабочусь о войне".

(Отступление: интересно, что думают о проблеме морального выбора престарелые неофиты, начавшие неожиданно печататься на пятом или шестом десятке лет и без усталости склоняющиеся - журналист, журналиста, журналисту?).

Желающим понять, что сегодня в журналистике происходит, могу посоветовать перечитать (или прочитать впервые) Джека Лондона - "Смок Белью" и "Смок и Малыш". Сравнение с золотоискателями Клондайк, куда хлынули желающие быстро, одним рывком составить себе состояние, не кажется мне натянутым. Особенно там, где касается электронных СМИ.

Ах, как это притягательно, как красиво смотрится - я на цветном экране с микрофоном в руке задаю вопросы, комментирую и весь мир смотрит на это и восторгается. Что с того, что вопросы неуклюжи, грубы или наивны, что ответы уклончивы, а явные возможности нового поворота в теме остаются незамеченными ввиду малого опыта либо большой неспособности их увидеть? Зато экран - цветной и все так эффектно.

Мне как-то приходилось опрашивать студентов об их планах на летнюю практику. До 90 процентов тянутся на телевидение.

И сейчас -

когда в нашем городе телекомпаний и газет едва ли не больше, чем собственно журналистов, а людей, имеющих специальную подготовку, и того меньше;

когда естественная смена поколений утонула в волнах хлынувших новичков, которые уверены, что микрофон в руке или подпись на газетной странице - это и есть журналистика;

когда законов и норм никто не знает, в лучшем случае с ними знакомятся при подготовке к очередному судебному процессу в качестве ответчика (одна склонная к публикабельности дама всерьез уверяла меня, что редактор не вправе ничего изменять в ее тексте, поскольку ответственность за истинность напечатанного несет только она, автор. Мой совет обратиться к статье 57 закона о СМИ ею был просто игнорирован) -

остается только надеется на естественный ход событий и принцип естественного же отбора, которые одни только и спасут вторую древнейшую профессию и не переведут ее в разряд реликтов вместе с динозаврами.

4. Обратите внимание, господин автор проекта, как я ненавязчиво и пластично перешел от третьего пункта в вашем экспертном опросе к четвертому! Поэтому лишь резюмирую - отмеченные Вебером альтернативы (точность цитаты, естественно, за вами!) "Служение в профессии" и "Жизнь за счет профессии" существуют вопреки физическим законами одновременно в одной и той же точке пространства. И потому прагматик и даже циник Сэм Джонсон, истины которого я цитировал выше, кажется мне исчерпывающим. Более просто лет сорок или пятьдесят тому назад синтезировал эту мысль старенький преподаватель факультета журналистики Уральского университета Павлов (старый Павлов в отличие от другого Павлова, молодого - проблема поколений, как видим существовала и тогда): "Студент-журналист должен заработать не только на кусок хлеба, но и на кусок хлеба со смыслом". В числе тех, кому это говорилось, были достаточно известные впоследствии личности, как Юрий Скоп, Слава Шугаев, Слава Крапивин, Алексей Солоницын... У большинства из них проблем с хлебом и маслом, как я понимаю, не было.

Поэтому позволю себе высказать утверждение, что в журналистике материальные блага зависят не столько от способности к "популизации", (прошу редак-

тора не исправлять это слово!), сколько просто от способности в деле, которому служишь. А именно - хороший журналист хорошо зарабатывает. (Эта конструкция не должна приводить и к обратному выводу, мол, плохой журналист зарабатывает плохо. Вовсе нет. И тот может зарабатывать прилично. Разве что дело, которым он занимается, к журналистике имеет, на мой взгляд, не самое прямое отношение).

5. Этот пункт не впрямую связан, как мне кажется с поставленной темой. Ибо уходят корнями не в мораль, а в законодательство и в ту бумагу, которую называют "Устав редакции".

"Широко, - как Вы, автор проекта, говорите - распространённые ссылки на необходимость исполнять волю владельца СМИ" относятся прежде всего к непрофессионалам. Ибо профессионал, понимая, что комфорт журналистского труда заключен вовсе не в компьютере, мобильном телефоне и престижном автомобиле, а в согласии с самим собой, выбирает такое СМИ и такого владельца, с которым у него существует (увы! какой архаический термин!) идеологическое взаимопонимание. Старые времена, когда на весь областной центр Тюмень было всего две газеты (многотиражки не в счет) да комитет по телевидению и радиовещанию, поэтому все пишущие толклись на этих трех площадках, прошли. Каждый может себе выбрать средство массовой информации не только в соответствии с политическими взглядами либо с отсутствием таковых, но и в соответствии с более сложной ориентацией. Поэтому я лично воспринимаю "федоркины отговорки" как неуверенность в себе, как нежелание отстаивать и добиваться, как подчиненность может быть даже житейским обстоятельствам, как равнодушие, наконец. И самое главное - недостаточный профессионализм.

Во всяком случае, мне, чтобы добиться права писать, что хочу, и так, как хочу, пришлось основать новую газету. Дело это хлопотное, но зато теперь у меня нет разногласий с редакторами и владельцами газеты. Хотя, весьма вероятно, такие разногласия появились у моих сотрудников. Что ж, у них все еще впереди.

6. Станный вопрос - возможен ли профессионализм без ориентации на успех? А возможно ли стать отцом, не испытывая того, что называется "секс эпил" (половой призыв)? Импотенты безуспешны во всех смыслах этого слова. Как в интимной сфере, так и в общественной. Убежден, что именно ориентация на успех составляет зерно любой творческой профессии. Правда, в стародавние времена говорить об этом считалось нескромным.

Когда-то давно вышел на экраны фильм "Нормандия-Неман" о французских летчиках на советско-германском фронте. Мне, начинающему, повезло - в Челябинске нашелся бывший авиамеханик этого полка, я напечатал интервью с ним в молодежной газете. Раздуваясь от гордости, я сказал коллеге из "старшей" партийной газеты: вот, мол, вставили вам фитиль! "Это не наш стиль!", - строго сказал старший товарищ и укоризненно посмотрел на меня. К счастью, то ведерко холодной воды (а может быть, просто удачно скрытой зависти) никак не повлияло на меня. До сих пор радуюсь, когда "Курьер" вставляет "фитиль" коллегам, и веселюсь, видя, как ребята из одной местной телепередачи снимают свои сюжеты "по страницам нашей газеты" с отставанием ровно на один день. Естественно, огорчаюсь, если получается наоборот.

Автор проекта, профессор, вы меня просто огорчаете, спрашивая, что таится за уклонением от профессионального успеха? То же, что таится за подчеркнутым равнодушием к женщинам. Do you understand?

7. И последнее - психодрама с НТВ. Не стану распространяться относительно акций, интриг Коха и Йордана, единства и раскола, клятв в верности и последующего предательства. Самое огорчительное для меня было слышать, как

мои коллеги, объясняя свое нежелание поддержать НТВ, ссылались на баснословные заработки Киселева, Сорокиной и других.

"Не ради денег, сэр..."? Верно. Но тот блистательный профессионализм, который демонстрировала команда Киселева-Гусинского и стоит больших денег. Это уровень, которого за меньшие деньги на других каналах, к сожалению, достичь не удалось. И потому я поддерживал, поддерживаю и буду поддерживать профессионалов, независимо от количества нулей на их счетах, их характера и чего-то еще второстепенного. В нашем деле есть только две классификации - "профи" и наоборот. Мне нравятся первые, они придают смысл и тому малому, что удается делать нам, остальным. Сейчас и здесь.

В.Н. Дымарский
**“...НЕТ НИ АБСОЛЮТНОГО ДОБРА, НИ АБСОЛЮТНОГО ЗЛА,
ИНАЧЕ БЫ ВЫБОР БЫЛ ОЧЕНЬ ПРОСТ”**

1-2. Если считать рабочий день журналиста восьмичасовым, то выбор совершается в течение всех восьми часов. При этом вряд ли человек повседневно, принимая то или иное решение, отдает себе каждый раз отчет в том, что для него это именно моральный выбор, то есть соответствующий определенной шкале нравственных ценностей, общечеловеческих или профессиональных.

Если иметь в виду ту ситуацию, с которой столкнулись недавно журналисты НТВ – уходить или не уходить, то там обстоятельства были чрезвычайными, экстремальными и, следовательно, не повторяющимися в повседневной жизни.

Примеры повседневных ситуаций? Самая простая - когда мне предлагают некий текст и я решаю: печатать или не печатать. Скажем, получаю статью, где описывается технология создания взрывного устройства. Я должен задаться вопросом: не будет ли во вред публикация такого материала? В то же время, разумеется, надо мной довлеют и другие факторы: а как поступят конкуренты? Что я выиграю и проиграю в случае такой публикации? Как отнесутся к моему решению начальство или хозяева издания? Какие последствия ждут меня, моих коллег, если я напечатаю или не напечатаю текст? Проблема в том, что ответ на каждый из этих и других вопросов как бы кладется на некие аптекарские весы "морали" и "целесообразности", где счет идет на миллиграммы. А значит, в каждом конкретном случае результат может быть разным.

Другой пример – “слитый” текст, компромат. В моей недавней практике был случай: из соответствующих структур принесли некие справки, без подписи. Ничего особенного, на мой взгляд, в них не было. Но почему тогда материалы были анонимными? Это просто профессиональная привычка авторов или же умысел? Хорошо или плохо, если я дам ход этому "сливу"? Хотя в категориях “хорошо” или “плохо” тоже рассуждать нельзя, потому что, по-моему, нет ни абсолютного добра, ни абсолютного зла, иначе бы выбор был очень прост. Значит, я принимаю решения в тех границах компромисса, которые я сам для себя определил. Считайте мой подход циническим, но абсолютную мораль я не признаю, тем более - в журналистике и политике.

Хотя, конечно, жить по законам пользы, успеха, удачи, карьеры можно по-разному. Один, что называется, “идет по трупам”, а другой взбирается по карьерной лестнице, не уничтожая других, а доказывая свое профессиональное превосходство. В случае конфликта между журналистами второго типа оба ведут себя достойно, ни один не пишет на другого донос, не убивает конкурента в подъезде - набор запрещенных приемов можно продолжить, но он хорошо известен. В результате один с достоинством принимает свою победу, другой с таким же достоинством - свое поражение.

Кстати, журналист по - своему понимает само слово “карьера”. Для госчиновника это переход со ступеньки на ступеньку и достижение некоторого потолка (иногда он выходит за порог своей компетенции). Журналист не обязательно хочет стать главным редактором. Для многих коллег важнее писать, чем руководить редакционным процессом. Их “лестница успеха” не всегда состоит из должностных ступенек. Один стремится стать обозревателем. Для другого важнее всего популярность, узнаваемость. А третий вообще ориентируется лишь на оценку своих же коллег в редакционном коллективе. Хотя я не очень-то признаю слово “творчество” применительно к журналистике (эта профессия становится все более технологичной), тем не менее ее представители в этом близки к людям творческим. Ведь, скажем, для балерины или для писателя успехом не считается высокий пост в театре или литературе, им нужны имя, слава, признание публики. Тем более, что это приносит и определенное материальное благополучие.

3. Происходит ли выбор профессии как моральный выбор уже на старте работы в качестве журналиста или же профессиональный выбор переходит в морально-осознанный выбор на последующих этапах? На мой взгляд, – второй вариант. Но здесь нет общих правил. Думаю, если задать этот вопрос нескольким коллегам, то каждый ответит по-разному, на основе собственного опыта.

Если интересен мой пример, то свою профессию переводчика я выбрал не сам. За меня это сделали обстоятельства: учеба в спецшколе, потом - за компанию с друзьями - в Институте иностранных языков. По тем временам это было престижно и давало возможность при благоприятном стечении обстоятельств поехать куда-нибудь за границу. В качестве переводчика попал на работу в международный журнал “Проблемы мира и социализма”. Там меня и сманила журналистика. Даже не столько журналистика сама по себе, сколько замечательные и талантливые ее представители, рядом с которыми я работал, и которые, по Горькому, стали “моими университетами”. Мне захотелось быть таким же, как они, не переводить с одного языка на другой чужие мысли, а формулировать свои собственные. Иллюзия? Может быть, но я искренне так считал.

Не думаю, что человек, выбирая ту или иную профессию осознает, что одновременно он принимает некие правила игры, свойственные этой профессии. По-моему, вообще человек подчиняется некоему кодексу поведения, который он составил сам для себя и который не связан с профессией. Если я следую заповеди “не укради”, то делать это буду и на улице, и в редакционном офисе, и в журналистике. Хотя некоторые неписанные правила поведения в профессиональной жизни существуют, но выполнять их или не выполнять - дело добровольное, о чем свидетельствует пример Сергея Доренко и все решения об его “отлучении” от журналистики.

К тому же, поработав во многих редакциях, я убедился, что в каждой из них действуют (не действуют) свои внутренние законы. Причем очень многое зависит от руководства. В одной редакции запрещено печатать “сливы”, запрет исходит от главного редактора, в другой - разрешено (вернее - не запрещено) и опять же - по инициативе начальства. Более того, довольно существенные различия я обнаружил между электронными, как сейчас говорят, средствами массовой информации и печатными. На радио и особенно на ТВ “планка допустимости”, назовем это так, заметно ниже, чем в газетно-журнальной среде.

4. Я думаю, что в журналистике, как и в любой другой профессии “служителей” меньше, чем людей, для которых работа является просто источником существования. Но именно “служители” могут задавать нравственную тональность. Другое дело, найдут они отклик или нет, а если найдут, то в каких масштабах?

5. Сформулировав этот вопрос, авторы проекта конкретизируют его через ситуацию с конкретным журналистом, которому во время избирательной кампании

владелец СМИ поручил вести борьбу с одним из кандидатов, используя недостойные методы. Журналист понимает, что ему предложено нарушить этические нормы, но не отказывается, ибо не хочет терять работу.

Во-первых, по поводу эпитета "недостойные". Кто эти методы такими определил? Что за методы? Не зная ответы на эти вопросы, трудно вынести какую-то оценку. Если речь о выборных технологиях, то еще несколько сомнений. А если "недостойные" методы в пользу "достойного" кандидата? Это лучше или хуже "достойных" методов в пользу "недостойного" кандидата? Интересная вещь: когда речь идет о методах, мы очень легко, как выясняется, характеризуем их - это "достойный", а это "недостойный". Что же касается кандидатов, мы признаем, что разделение их на "достойных" и "недостойных" весьма относительно, особенно если учесть, что и за тех, и за других голосует большое число избирателей...

Возвращаясь к основной теме, скажу, что, конечно же, чисто теоретически у журналиста - наемного работника - выбор есть. Получая приказ и чувствуя моральный дискомфорт, понимая, что *так* работать нельзя, он в идеале не должен сбрасывать с себя ответственность. Ему надо кормить семью? Но тогда можно и сменить профессию. Ничего больше не умеет делать? Значит, и в своей профессии слаб. Высокий профессионал не боится потерять работу, он знает, что будет востребован. Проблема в том, что каждый человек, работающий в журналистике, считает себя состоявшимся профессионалом. Пока мы ведем наш разговор, я взял в руки газету со статьей известной журналистки. Читаю: "Пока суть да дело..." вместо "суд да дело". Автор перестала для меня быть журналисткой: она же русского языка не знает. Мало того, правильного написания не знает и редактор, и все, кто читал за ней и не поправил. Вот уровень профессионализма ответственной журналистики. Кому же ты нужен с такими знаниями и навыками? Будешь тут цепляться за место всеми правдами и неправдами...

Конечно, уход из профессии – крайний случай. По своему опыту работы в странах, в том числе западных, я знаю, что ситуации такого рода должны разрешаться на уровне закона. Но поскольку этот журналист не знает законов, и к тому же эти законы, если они у нас и существуют, плохо работают или вовсе не работают, то перед ним оказывается такой жесткий выбор. Приведу рассуждения Михаила Кругова в "Известиях": "Закон - это лишь форма, в которую приведены договоренности, достигнутые между субъектами общества. В российском обществе никаких договоренностей о свободе слова, по большому счету, не достигнуто. В лучшем случае сформулированы некоторые общие принципы, например, свобода – это хорошо, а цензура – это плохо, на основании которых написан тот же общий "Закон о СМИ". Отсюда и проистекает возможность власти трактовать свободу слова как свободу для собственников издания, а не для журналистов и, соответственно решать проблемы с прессой через ее собственников, или всевозможные проверки хозяйственной деятельности независимых изданий".

Понятно, что при таких обстоятельствах журналист очень часто делает выбор в "пользу пользы". И общество редко оценивает такой выбор с максималистских позиций.

6. Нет, невозможен, но при условии "расширительного" толкования понятия "успех". Чаевые в кармане официанта или тридцатка в руке сантехника - это "успех", достигнутый за счет профессионализма, или нет?

Что же касается второй части вопроса, см. предыдущий ответ: за уклонение от профессионального успеха стоит отсутствие профессионализма, стремление "тихой мышью" просидеть на своем месте.

В полемике о том, должны ли журналисты НТВ уйти или остаться при смене хозяина канала, я на стороне Немцова. Во-первых (точнее, в последних, но начну с этого), потому что не права Альбац. Как она сказала? "Нельзя соучаствовать в

подлости"? Но здесь же подлость с обеих сторон. Уйти с Киселевым – это тоже соучаствовать в подлости. Что, кстати говоря, в несколько другой версии доказали дальнейшие события на ТВ-6. Гусинский во всей этой истории наделал не меньше подлости, чем власть. Был с его стороны и неприкрытый шантаж в отношении Путина, когда тот был еще премьер-министром.

Далее. Если вы, бизнесмен, начинаете играть в политику, то должны понимать некие правила игры в этой сфере и свою меру ответственности. Причем не только моральной, но и финансовой. Когда господин Гусинский брал кредит у государства, он не понимает чем это чревато? Или надеялся расплатиться не живыми деньгами, а политическими векселями, повышая их стоимость?..

Могут возразить: а мы, журналисты, причем здесь, это наш хозяин себя так вел. Да, но своими поступками (митингами, телепрограммами) вы, может быть, не отдавая себе в этом отчет, защищали его, а не себя.

Могли не знать, не интересоваться тем, откуда берутся высокие гонорары и заработки? Могли. Но тогда вы должны быть согласны на определенные правила игры уже с вами.

Вернемся к сюжету. В “Новой газете” я прочитал слова Беллы Ахмадулиной из ее комментария к событиям на НТВ: “Мне присущ другой, долгий и одинокий способ вольномыслия”. Я совершенно с ней согласен. Не верю в эти коллективные маевки. Все это отдает нашей комсомольской юностью. Мир суров и жесток, капиталистический мир в том числе.

В своей газете я написал комментарий под названием “НТВ и третий путь”. Я говорил, что мне очень жалко НТВ, там мои коллеги, с которыми у меня личные отношения, мне далеко не симпатичны действия власти. Но это массовое помешательство журналистов, в том числе и НТВ под руководством Евгения Алексеевича Киселева, напомнило мне попытки (автор последней из них - Горбачев) найти некий третий путь между капитализмом и социализмом. Ребята, выбирайте, в каком обществе и по каким законам жить! Достоинства и недостатки есть, наверное, и у капитализма, и у социализма, но если в 1991 году все мы посчитали, что прежний строй нам не нужен и жить нам надо в другом обществе, то соглашайтесь с его правилами, не ищите лазеек в виде "третьего пути". Не получится.

У Владимира Познера спросили: “Окажись вы на месте журналистов НТВ в ту субботу, что бы вы делали?”. – “ Если быть абсолютно честным, я не знаю! Я могу только предполагать, что я бы все-таки ушел, потому что другая сторона мне отвратительна. Я бы ушел. Но это не значит, что я бы пошел за Киселевым на ТВ-6. Более того, не пошел бы. То, что происходит сегодня с ТВ-6, можно назвать “Йордан, вторая серия”, но в ухудшенном варианте: ведь в НТВ по сути дела, никого не вынуждали уйти – в отличие от ТВ-6”.

Мне кажется, это сходно с ахмадулинским принципом одинокого вольнодумия. Я вообще не люблю ни коллективных приговоров, ни коллективных покаяний. В конце концов, каждый человек всегда остается один на один с собой, со своей совестью, со своими представлениями о мире, о профессии, о чести и бесчестии. И в этой истории с НТВ раздражал “дурной коллективизм”, невозможность индивидуального решения. Если бы каждому дали возможность уйти домой и сказали бы на прощание: "Посидите, подумайте и примите решение", многое было бы иначе.

В.Г.Лошак

**“...ЭТА ТЕМА БОЛЕЕ МНОГОГРАННА,
ЧЕМ ПОКА ВАМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ”**

1. На фоне ситуации в стране моральный выбор – это то, с чем журналистам приходится сталкиваться довольно часто, а уж главным редакторам - ежедневно. В

этой теме есть самые разные плоскости. Нельзя отделить моральный выбор от выбора политического, потому что, где мораль, а где политика - сложно сказать. Приходится делать выбор между спокойствием, верностью власти - и собственными принципами. Моральный выбор - это и выбор между материальными благами и правдой, если не правдой жизни, то правдой ситуации. Это и выбор, который главный редактор делает, работая с журналистами, порой ведущими себя не морально.

Тема эта очень актуальная – с точки зрения ситуации в стране, отношения власти к свободе слова, вообще к возможностям четвертой власти.

Для меня “моральный выбор журналиста” и “моральный выбор человека” - это не два разных сюжета, а абсолютно одно и то же. Если во мне или в ком-то другом “человек” и “журналист” разойдутся - это довольно страшно: становишься врагом самому себе. Поэтому счастье работать в “Московских новостях” - с их очень высоким индексом независимости - в том, что “человек” и “журналист” могут во мне и в моих коллегах не расходиться.

2. Приведу пример. Во время конфликтной ситуации вокруг НТВ мне, да и многим моим коллегам казалось, что уход Киселева с позиции генерального директора НТВ мог бы сохранить саму компанию. Это был стержень пакета компромиссов, который требовался для того, чтобы не расколоть НТВ. И многие из нас примеривали ситуацию на себя: что важнее - я во главе компании или газета, имя этой газеты, единство коллектива? Какой выбор сделать? Могу сказать, что если бы сложилась ситуация “Московские новости” как коллектив, как марка, и я – не задумываясь бы пошел на такой компромисс. Не буду оценивать, как повел себя Киселев. Но это в чистом виде ситуация морального выбора, которую люди примеряли на себя.

Конечно, это скорее пограничная ситуация, чем рядовая, повседневная. Но когда человек соглашается возглавлять творческий коллектив, очень склонный к изменениям, к распаду, подверженный внешнему влиянию, он должен заранее примерить на себя ситуацию такого выбора. Возможно, человек, о котором я говорю, подобную ситуацию на себя заранее не примерял, а оказался перед ней неожиданно. Но надо понимать, что это важно. Например, “Московским новостям” 70 лет, люди из поколения в поколение делали эту газету, передавали марку своим последователям, наследникам. А потом придет человек, который ради того, чтобы остаться первым лицом, разрушит все, что создавалось не им. Кто имеет на это право?

Более повседневный выбор? Это теневая журналистика. Заказные материалы, материалы проплаченные, которые, случается, журналисты пытаются протолкнуть в газету. Выбор для главных редакторов: публиковать ли пиаровские материалы с обозначением или без обозначения? Взвешивание на весах: не нанесет ли это вреда, насколько эти материалы безвредны?

Так что тема проекта даже более многогранна, чем она пока вам представляется.

3. Для людей зрелых ситуация выбора профессии как морального выбора была трагической - мы работали при советской власти. Сейчас можно быть в гармонии с собой, с какими-то действиями власти, со своей профессией. А тогда мы изначально находились в конфликте с моралью власти и, в то же время, были оружием этой власти, более того, мы ее как бы и морально обслуживали. Это очень тяжело. Тогда выбор был более трудным. Была масса примеров, когда и мои действия не вполне соответствовали моим принципам. Фактически тогда речь шла о том, чтобы “быть минимально неморальными”, - так бы я это сформулировал.

Для молодого журналиста сегодня ситуация значительно более комфортная.

4. Полагаю, что противопоставление двух позиций - это упрощенный подход. Вне любого ответа на вопрос исходное – журналистика является нашим источником существования: если я зарабатываю на стороне, то для меня это не профессия. Другое дело, что есть люди, духовно более сросшиеся с профессией, и люди, более холодные, отрабатывающие свой кусок хлеба в определенное рабочее время. Убежден, что журналистика - это такая профессия, из которой невозможно выключиться, ограничить себя рабочим временем, рабочей неделей. Все равно продолжаешь оставаться в ситуации наблюдения (пусть пассивного), каких-то сопоставлений, придумывания тем, использования неслужебных встреч для получения информации, иногда абсолютно не отдавая себе в этом отчет. Поэтому я думаю, что тут границы идут по другим направлениям.

Одна из граней темы связана с распространенным сегодня вопросом: журналист как наемный работник служит профессии или хозяину? Думаю, что сама постановка этого вопроса отвечает историческому моменту в России, когда большинство журналистов еще не привыкла к ситуации массмедиа – это просто приватный бизнес. Наверное, такой вопрос не стоит перед западным журналистом, где практически невозможна иная работа, кроме как на хозяина.

Я считаю, что сегодня гораздо моральнее обслуживать хозяина - когда это профессиональный человек, понимающий кодекс правильного владения бизнесом, - чем государство. А уже внутри этой ситуации основное зависит не от журналиста, а от принципов хозяина, от того, определился ли он со своим кодексом при поступлении журналиста на службу, ощущает ли журналист давление хозяина. Есть ситуации, когда хозяин влезает в каждую деталь, в каждую клетку жизни редакции, как это демонстрируют наши известные медиамагнаты. А есть ситуации, когда владелец либо относится к своим СМИ как к бизнесу, либо не относится как к бизнесу только, но в любом случае у него хватает ума не навязываться журналисту или находиться с ним не в приказных отношениях, а в отношениях творческих, то есть - иногда споры, иногда советы, иногда совещания.

Мне в данном случае рассуждать и легко и сложно, потому что одновременно являюсь и главным редактором, и совладельцем компании. Думаю, что у моих журналистов могут быть ко мне претензии как к главному редактору, но не думаю, что кто-то из них за обычным для газетчиков спором между журналистом и главным редактором (это замечательно, если журналист с ним спорит; у меня даже есть теория о том, что продуктивнее, когда журналист не любит главного редактора: тогда он все время пытается ему что-то доказать и это вызывает еще некий творческий стимул) часто видит позицию совладельца.

5. Я бы начал с другого – с рассуждения об ответственности за компромиссы. Для человека нашей профессии компромисс - это та мина, которая рано или поздно в его судьбе, не только профессиональной, взорвется.

Об этом же я думаю относительно государственной помощи, государственных кредитов массмедиа. Потому что государственные деньги “инфицированы”, они - некий вирус, вирус и наркотик одновременно. Этот вирус может быть спящим - не сразу заболеешь, но потом будет очень тяжело. Я не знаю случая, когда государство давало деньги и это прошло для СМИ бесследно.

Когда Гусинский взял первый кредит у государства и организовал финансовую пирамиду, тогда-то он и заразил свою кампанию, тогда-то она и заболела. Причем заболели те, кто не был причастен к этому. Это был компромисс владельца, который - спустя время - взорвал все, что сам и создал. Но это же закономерность проявляется и на микроуровне, в поведении каждого журналиста.

Например, журналист с хорошим именем, с нормальным бекграундом участвовал в грязной пиар-кампании. Он выйдет из такой кампании другим. Я не знаю, каким именно: может быть, более холодным, возможно, это отразится на его

отношениях с друзьями, с женщиной. Но это будет уже другой человек. Надо понимать, что иногда жизнь припирает любого - семьи, дети, потребности. Но всегда надо отдавать себе отчет: *что во имя чего*.

6. Без честолюбия, я бы даже сказал, болезненного честолюбия, в нашей профессии делать нечего. Это ответ на одну из частей вопроса. А все остальное - производное.

Сейчас в журналистике вполне нормальная ситуация на рынке труда. Как в футболе: забиваешь голы и твоя цена растет. То же самое и для журналиста. Он пишет хорошо, пишет лучше, становится автором заметных материалов, его цитируют, его имя узнают, с ним связывают некую тему, некие публикации. И его цена растет, теперь он на рынке труда стоит значительно больше, чем тогда, когда пришел в профессию. И это хорошая, здоровая материальная мотивация для журналиста, как мне представляется, вполне моральна.

Но... здесь же начинаются и муки морального выбора. Что такое слава журналиста? Это значит, что на него работает редакция. Главный редактор его выпячивает, делает знаменем газеты, публикует его фотографию, его материал на заметном месте, публикует его, предпочитая его кому-то другому. Все это создает журналисту имя. Но когда имя создано, журналист нередко "делает дяде ручкой" - извини, мол, пойду работать туда, где платят больше. Становится ли это для журналиста моральным конфликтом с самим собой - я не знаю, но для того, кто его воспитал, - безусловно.

Я, например, пережил такую ситуацию. "Коммерсант", получив кредиты под выборную кампанию Ельцина в 95-96-году (огромные деньги на издание газеты "Не дай Бог"), первое, что сделал, - сломал рынок труда в Москве. Из "Московских новостей" были куплены сразу четыре ведущих журналиста. Создалась моральная ситуация для некоторых из тех, кто никогда никуда не хотели уходить. Но если тебе предлагают - это же рынок труда - в четыре - пять раз большую зарплату... Один из них, уходя, сказал мне: "Ну уезжают же люди на заработки, например, лес рубить. Считайте, что я уехал лес рубить. А потом вернусь". Но не вернулся. Кто-то ушел с легкостью, кто-то приходил, извинялся. Вот вам связанная с успехом ситуация выбора, в том числе выбора и для журналиста, и для главного редактора.

7. Я считаю исходной для оценки ситуации точку зрения рядового телезрителя, так как он заинтересован в двух позициях. Во-первых, в оппозиционном - в политическом спектре - канале, в создании некоего неагрессивного оппозиционного мнения, взгляда. Другой оппозиции, кроме канала НТВ, у нас не было, и рядовой член общества, реформирующегося в сторону демократии и либерализма, в этом канале нуждается. Во-вторых, рядовой телезритель заинтересован в качественном телевизионном продукте. Мне, как такому телезрителю, в этой ситуации абсолютно безразлично, кто владец канала. Гусинский, Березовский, Иванов, Петров, Сидоров... Какая мне разница? Важно, чтобы на телевидении был взгляд с оппозиционной стороны, в отличие от государственных каналов, чтобы я мог узнать правду о Чечне или о строительстве властью дач, или еще о чем-то с точки зрения канала, который более профессионален - приближен к западным меркам качества.

С этой точки зрения то, о чем говорила Е. Альбац, мне не кажется важным. Если бы... это была ситуация лабораторная, если бы в нее не вмешалась власть и не посадила бы Гусинского в тюрьму. Если же власть считает возможным в политическом и экономическом споре использовать такой аргумент как тюрьма, тогда посаженный имеет право на любой ответ - адекватный или неадекватный, по мнению власти. Коллизия власть - Гусинский закрутила все в безумный клубок, в котором уже имеют право на существование самые разные, полярные взгляды.

С одной стороны, глупо разваливать сильный канал и создавать два маргинальных. С другой - у Газпрома, скажем, тоже есть какая-то своя мораль. С третьей стороны, Гусинский давно уже нарушил санитарную зону между властью и прессой, журналистами. Должна быть санитарная зона между властью и журналистами, которую держит главный редактор. Ее нельзя разрушать, а они давно ее разрушили, они давно в объятиях власти. Власть их в этих объятиях просто задушила, но они сами пришли к ней в объятия, а не власть пришла к ним. Они пришли со своими кредитами от Газпрома, со своим управлением выборами.

В такой закрученной ситуации имеют право на защиту оба ответа. Но я все-таки стоял бы на том, что нам важнее удержать такой канал.

С.В.Новопрудский

**“...САМЫЙ ПЕРВЫЙ МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР НАЧИНАЕТСЯ С ТОГО,
СТРЕМИТЬСЯ ЛИ К УСПЕХУ ИЛИ НЕ СТРЕМИТЬСЯ К НЕМУ”**

1. Мне нетрудно найти ассоциации со словами “моральный выбор личности”, ибо большую часть своей жизни я прожил в Узбекистане, в государстве, которое является, без преувеличения, тоталитарным. Там проблема морального выбора была очень простой - либо вовсе ничего не писать, либо искать возможные формы подачи относительно честной информации и не пытаться быть, что называется “певцом режима”.

В России ситуация на самом деле на порядок сложнее, в этом и счастье. Моральный выбор журналиста здесь гораздо тоньше нюансирован. Мне кажется, что сейчас он проявляется в выборе направления издания. Для меня лично моральный выбор – это проблема выбора издания, во-первых, и, во вторых, проблема выбора темы. С моей точки зрения, есть темы принципиально аморальные. Писать можно обо всем, но есть темы, в которые я, например, никогда не вторгнусь. Я никогда не занимался темой криминала, считая ее противоречащей моим моральным представлениям о журналистике. Для газеты это может быть и правильным - заниматься тем, что называется “сенсация”. Я принципиально не имею дело с сенсациями, для меня это принципиально аморальная вещь.

Моральный выбор человека и выбор профессионала-журналиста - это одно и то же или два разных сюжета? Мне кажется, что в идеальном случае - одно и то же, потому что журналист – профессия изначально достаточно аморальная, по крайней мере внеморальная, с моей точки зрения. Любым своим словом мы можем, вольно или невольно, сделать людям больно. Поэтому мы не должны разделять мораль человеческую и мораль профессиональную, мне кажется, что в журналистике они должны одна на другую накладываться. Принципиально важно, особенно для человека, который занимается анализом реальности, а не просто ее описанием, чтобы в результате этого мораль была универсальна. Причем, чтобы она не была доминирующей лишь внешне, очень важно, чтобы внутри, то, что называется внутренним цензором - это единственная нормальная и вообще допустимая форма цензуры, никакие другие формы ее, с моей точки зрения, не допустимы вовсе.

Надо ли употреблять слово “цензура”, не лучше ли говорить о совести? Мне кажется, что слово “совесть” слишком громкое, а отбор происходит на уровне менее масштабном и менее пафосном. О наличии или отсутствии совести у человека можно судить только извне, а о наличии или отсутствии внутреннего цензора человек судит сам. Это то, что человек в себе знает, что может использовать в профессии.

2. Как я уже сказал, я прожил в ситуации постоянного морального выбора большую часть своей жизни - до 1998 года жил в Ташкенте. В Узбекистане единственное, чем можно было отличаться от другого журналиста, - *тоном*. Весь набор фактов, который разрешали излагать, был ограничен, набор оценок - тоже, ограничен принципиально, причем только позитивной стороной. Постоянный выбор - это выбор тона, но это, может быть, и есть в конечном счете выбор морали: есть моральный тон журналистики и есть аморальный тон.

А что такое выбор тона мы видим, в частности, в информационных или околоинформационных войнах, которые разворачиваются вокруг телевидения, в том числе НТВ. Как показывает практика, то, что называют “стилистическими разногласиями с советской властью”, существует с любой властью, и очень важно избрать правильный тон. В некотором смысле моральный выбор оборачивается чаще всего выбором тона.

Ситуации уникального выбора? Это случилось девять лет назад, в 1992 году. Мы сделали репортаж о студенческих волнениях в Ташкенте. Печатать или не печатать этот текст обсуждалось на уровне президентского совета в Узбекистане. Решено было, большинством голосов, печатать, но потом все-таки отказались от этого, поскольку президента не было на месте. И кто-то (потом уже выяснилось, что это были люди, которые работали в Москве) передал этот текст в “Известия”. Об его публикации я ничего не знал.

Какого рода моральный выбор был у меня в той ситуации? Можно было, строго говоря, вообще этот текст не писать, потому что большинство газет, естественно, ни словом не обмолвились об этом событии. Но мы с моим соавтором, женщиной, которая сейчас живет в Тольятти, понимали, что нам нельзя, а может быть и не надо заниматься оценками ситуации, но написать этот текст нужно, независимо от того, будет он опубликован или нет.

3. Мне кажется, что это вообще очень индивидуально. Для меня, например, не было отдельного морального или профессионального выбора. Я человек из журналистской династии, был что называется “сыном полка” в редакции - мама всю жизнь занималась журналистикой. И я не столько из желания продолжить дело мамы начал писать тексты в газету. И сегодня это только часть моей работы, основная же - выпускать газету.

Мне кажется, что человек выбирает профессию, исходя из некоторого набора ценностей, которые у него есть. Чаще всего, за исключением экстремальных случаев, профессию выбирают в достаточно сознательном возрасте, движимые не профессиональными нормами, а нормами внутренними.

4. Для меня лично две альтернативы Вебера являются частью одной формулы. И то, и другое совершенно допустимо. И то и другое - признаки профессионализма, главное, чтоб человек жил за счет профессии, но при этом и служил профессии.

Самый наглядный пример совмещения двух альтернатив - личная история Салтыкова-Щедрина, который умер, когда закрыли его “Отечественные записки”. Если человек умирает, когда закрывают его журнал, практически от этого умирает, это значит, что он, безусловно, не только служил профессии, но и жил за счет профессии в самом прямом смысле этих слов. Жизнь за счет профессии - не только зарабатывание денег, но жизнь в метафизическом смысле этого слова, что принципиально важно. И потому альтернатива Вебера достаточно искусственна. Все-таки это одна формула. Да, есть оппозиция “иметь или быть?”, но как показывает практика, важнее всего находить какой-то внутренний компромисс между тем и другим, понимать, что одно не исключает другое. Не “прагматизм” ли это?

Так получилось, что для того, чтобы обойти внешнюю цензуру в Ташкенте, стал писать статьи, посвященные разным философским учениям. В частности, с

большим удовольствием писал статьи о прагматизме, потому что американские математики, которые придумали прагматизм, совершенно справедливо полагали, что мир основан на случайности и любви. В этом смысле я прагматик: жить за счет профессии - это действительно прагматично. Другое дело, если человек при этом не служит профессии, то не сможет и жить за счет нее. В конце концов, это не то, чтобы справедливость, которая существует или не существует, это естественный отбор в профессии.

Люди, которые только живут за счет профессии (*живут* - в самом прикладном и, может быть, аморальном смысле этого слова), все равно служат профессии. И либо при жизни, либо - что чаще всего бывает - после нее получают соответственно заслугам. Служить профессии приходится - неизбежно. Если человек работает честно и профессионально, но ставит на первое место мотив "жить за счет профессии", он все равно ей служит. Если же он работает не честно и не профессионально, ставя на первое место мотив "жить за счет профессии", он так или иначе терпит профессиональный крах.

Что касается еще одного пафосно звучащего понятия - "журналистское призвание", то это категория исключительно внешняя по отношению к каждому конкретному журналисту. Любой человек, говорящий "у меня журналистское призвание", вынужден будет понять, что, с одной стороны, это пошло, с другой - это та степень наглости, которая не красит даже журналистов, которые есть профессиональные наглецы по своей сути. (Журналистика - это достаточно наглая профессия, с моей точки зрения, что мне больше всего в ней и не нравится, потому что я сам по себе человек не наглый и испытываю некоторый дискомфорт от этого всю свою жизнь.) Поэтому говорить о призвании можно лишь со стороны - это та оценка, которую невольно, чаще всего не проговаривая, дает журналисту тот, кто его читает. Если тексты журналиста вызывают какой-то интерес у читателей, значит, тем самым они признают, что у него есть призвание.

Но можно ли ощущать себя профессионалом без такой самооценки? Мне кажется, что как профессионала самому себя нельзя оценивать в принципе. Пусть лучше это делают другие. В журналистике грань профессионализма гораздо менее определена, чем в любом другом прикладном ремесле. А журналистика все-таки скорее ремесло, чем творчество, или, по крайней мере, нечто совмещающее оба эти начала. Журналист доказывает, что он профессионал, получает такую оценку только на основании всей своей жизни - это одна из ряда так называемых тотальных профессий (например, театрального или кинорежиссера, писателя), где ты всю свою жизнь точишь одну деталь и свой профессионализм доказываешь всей жизнью.

5. Это распространенное явление, реальный признак непрофессионализма. Журналист - любой, будь то репортер или аналитик, человек, занимающий какой-то пост в редакции или нет, - это человек с персональной ответственностью за все, что он делает. Персональная ответственность - не часть "морального облика", а часть его профессии. Он изначально человек, принимающий решения, и в этом смысле здесь тот редкий случай, когда рядовой журналист ничем не отличается от генерала в журналистике.

Ответственность, по определению, нельзя ни на кого переложить, т.е. можно, конечно, для отвода глаз или там еще для чего-то, сказать "в этом виноват кто-то другой". Можно найти много как бы смягчающих обстоятельств, можно их обсуждать, это не возбраняется. Но все равно за то, что вышло под твоей фамилией или под псевдонимом (пусть даже никто его не раскроет), - все равно перед самим собой отвечать.

Что делать, если журналист чувствует моральный дискомфорт от исполнения воли владельца СМИ? Это дело индивидуального выбора. Наша профессия

плющит журналиста, очень часто испытывает личность на прочность. Но прочные личности тем и отличаются, что даже в том случае, когда есть объективная предпосылка держаться за эту работу, но нет возможности договориться с хозяином полностью, по всем моментам, они пытаются “отвоевывать сантиметры”.

“Хлопать дверью” тоже можно. И то, и другое - дело выбора каждого человека. На самом деле это иллюзия, что громкий однократный поступок - это подвиг, а не громкий и стратегический - не подвиг. Очень часто бывает наоборот. Какая же это доблесть - не сойтись характером или политическими позициями с конкретным начальником? (Гораздо более важно делать то, что, скажем, делал Жуковский - царей воспитывать.)

Но при этом очень важно не покоряться безропотно. Если есть какой-то откровенно отвратительный “заказ”, покоряться ему – не достойно. Но вовсе не обязательно при этом тут же “хлопать дверью” и уходить в никуда, обрекая на голод семью. Ведь есть и моральная ответственность перед семьей.

Это тот случай, когда надо вести спор о средствах. Если хозяин говорит: “все средства хороши”, тогда надо вести спор о средствах. В этом вся проблема. В любом случае разговор о средствах и о тоне становится главным. В этом и состоит, возможно, профессионализм журналистов, в том числе и руководителей. А руководитель СМИ - это вообще отдельная профессия, в которой моральный выбор гораздо более сложен, чем у рядового журналиста. У человека, который находится между хозяином и командой, - принципиально другая ответственность, потому что там ситуация морального выбора не только собственного, но и морального выбора от имени людей и за людей.

Можно и не договориться, но даже сам такой разговор, сама постановка вопроса о том, что “заказчик” понимает под “любыми средствами”, и, тем более, “встречное” предложение работать в приличном тоне, не использовать откровенную ложь, писать о сути проблем, а не о личности того, кого надо “замочить – все это принципиально важно. И нет практически хозяев, с которыми нельзя было бы, по крайней мере, разговаривать на эти темы.

6. Самый первый и сущностный моральный выбор начинается с вопроса: стремиться ли к успеху или не стремиться к нему. Это фундаментальный моральный выбор. В чем выбор? Понятно, что главный показатель успехов журналиста - его имя. А сделать имя моральным путем очень трудно.

Я человек не честолюбивый, это, наверное, плохо, и я не считаю это достоинством - скорее недостатком. Мне кажется, что человек может быть профессионалом и не стремиться к успеху. В то же время не надо кокетничать и говорить, что успех не приятен. Очень приятная вещь, но его лучше бы воспринимать как то, что вдруг, случайно придет благодаря усилиям. Сам я все усилия направлял на то, чтобы жить - во всех смыслах - за счет профессии. А то, что будет происходить вокруг меня - это вещи побочные и на них не имеет смысла отвлекаться. То есть, если твой текст хвалят - это приятно, если текст ругают - тоже приятно, потому что его заметили. Это совершенно нормально, но делать успех самоцелью?

Кстати, есть принципиальная разница между людьми газетными и людьми телевизионными. Все-таки люди телевизионные гораздо в большей степени и должны быть заряжены на успех, и имеют возможность для этого внешнего успеха уже потому, что вещают на гораздо большую аудиторию, чем газетные люди. Поэтому, для газетного журналиста в принципе не обязательно стремиться к успеху.

Можно предположить, что не все стремятся к успеху потому, что не желает оказываться в тех напряженных ситуациях морального выбора, с которыми связано само стремление к успеху. Но, например, основная моя работа – ответственного секретаря редакции - связана с тем, что я принимаю огромное количество решений в очень короткое время по конкретным вещам, связанным с выпуском газе-

ты. И там существуют ситуации микровыбора, в том числе и морального, по трудноуловимым со стороны “мелочам”. Тот или иной акцент в политической статье, то или иное слово в заголовке, стилистические моменты, которые часто связаны с тем, что кто-то хочет упростить какую-то конструкцию словесную и, может быть, оглупить ее. Ты сам так может быть и не думаешь, но надо находить компромисс между разными точками зрения. В этом смысле, сама моя работа нацелена на то, чтобы это напряжение сглаживать.

Но я знаю многих журналистов, которые мнят себя постоянно на баррикадах (или на передовой, например), считая, что журналист должен быть в постоянной оппозиции к власти или “будить умы”. Подобные убеждения вполне возможны, но у тех, кто исполняет такие роли профессионально, это происходит автоматически. Не надо специально размахивать красным знаменем (или другим знаменем) и кричать о том, что ты есть пламенный борец.

Объективно описывать реальность или талантливо субъективно, что тоже немаловажно, - гораздо важнее, чем просто оценивать себя в тексте, как это часто происходит у очень многих журналистов. И это моральный выбор стратегического масштаба, а не тактического: ты делаешь моральный выбор, выбирая тот или иной способ поведения. При этом я не уверен, что позиция спокойного отношения к успеху более защищена, чем позиция постоянной борьбы. С помощью публичности и резкости текстов, эпатажа публики больше шансов сделать имя, чем когда ты стараешься более или менее спокойно (хотя не всегда это получается) анализировать реальность.

Разумеется, и в позиции отношения к успеху, которую я предпочел для себя, бывают ситуации, связанные с известным вопросом “стоит ли Париж мессы”. К счастью, их не много. Но эта проблема более общая, чем только журналистская, да и чем проблема морального выбора. Это выбор способа жизни. Есть люди, которые предпочитают активное участие в жизни. Я скорее наблюдатель, чем участник жизни. И внутренне я не активный человек, тут уже ничего не сделаешь. Так сложилось, хотя вполне возможно, что всю свою жизнь я это делал сознательно.

Бывают ситуации, когда приходится действительно делать такой выбор в зависимости от ответа на вопрос о том, “стоит ли Париж мессы”. И как правило, Париж стоит мессы. Порой такой выбор происходит на очень маленьком пространстве, смысловом и опять же - метафизическом. Но этот выбор очень важен, потому что - я совершенно убежден и все время пытаюсь говорить коллегам - это величайшее заблуждение, будто ежедневная газета живет один день. Она живет один день - в тот, когда она вышла, но потом, много раз возрождаясь, она живет уже в истории. И поэтому очень важно, чтобы даже из фразы, из полужаза текста, пусть даже не очень привязанного к событиям (а тем более - посвященного им), человек все-таки смог понять, что происходило. Мы на вечность работаем.

Понимаю, что традиционная мораль осуждает тезис: “Париж стоит мессы” как связанный с дурным компромиссом, чуть ли не с предательством, с изменой чему-то высокому, с принципом “цель оправдывает любые средства”. Но вот в том-то все и дело, чтобы поле компромисса необходимо свести к частностям, а не к принципиальным вещам. Это изначально может быть часть мастерства, часть профессионализма. Очень важно сделать так, чтобы по принципиальным вопросам от тебя даже не требовали компромисса. Это, может быть, и есть самая важная степень признания, результат борьбы за право писать даже не то, *что* ты хочешь, а *как* ты хочешь (это еще важнее, как мне кажется). И это борьба, которая ведется подспудно, ведется всю жизнь, и только она и приводит к тому, чтобы в таких ситуациях не оказываться.

7. Мне кажется, что отчасти был близок к истине адвокат Резник, сказавший, что каждый из двух полемистов прав по-своему. Но лишь отчасти. Там дело

в фундаментальном для России конфликте подмены права моралью. Журналисты кричали: "все должны протестовать!". Но, во-первых, если вы говорите, что работаете на канале, отстаивающем либеральные ценности, значит, каждый волен распорядиться своей шкурой по-своему. Во-вторых, здесь отношения собственности, даже если называть решение суда подлостью, это решение суда. С решением суда журналистам можно и не соглашаться, а форма несогласия - уход с канала. Ради бога, можно и соглашаться, это тоже их дело.

Мне нравится выражение Фазиля Искандера про завышение этической задачи. В этом смысле г-жа Альбац выдвинула спорную позицию. Не надо завышать этические задачи, например, говорить, что посредством Бориса Йордана власть ставит Россию на колени. Слишком много чести как Борису Йордану, так и российской власти в этой ситуации: нельзя поставить на колени страну. Точнее, страну-то можно поставить, но люди встают на колени поодиночке, особенно журналисты, которые изначально обязаны быть внутренне свободными людьми. Просто обязаны. Это тоже часть профессии: персональная ответственность и внутренняя свобода - это два качества, без которых невозможно работать.

Если объективно оценивать ситуацию, то есть своя правда и у той, и у другой стороны. Совершенно очевидно, что политическая власть вмешалась в это дело неправомочно. А она в него вмешалась, ибо по российским меркам вмешательством в ситуацию является любое действие или недействие власти. Но совершенно очевидно, что и то, как Гусинский вел свой бизнес, мягко говоря, не является корректным по отношению к той же власти, играя с властью, он поступал с ней не лучше, чем она с ним. А говоря, что журналисты НТВ должны обязательно уйти от новых хозяев канала, чтобы не способствовать подлости, надо не забыть, что они невольно уже участвовали в низости, когда поддерживали Примакова и Лужкова. Если помнить о гамбургском счете, то никакой либеральный журналист ни по какому приказу не может поддерживать Примакова с Лужковым как кандидатов в президенты. Или пытаться устраивать "книжный скандал" с Чубайсом, который в общем-то, ни по каким меркам не являлся скандалом, - все прекрасно знали, что это было выполнение политических заказов.

Если рассуждать о моральном выборе сотрудников НТВ в ситуации "уйти-остаться", очень важно анализировать поведение тех, кто остался. Я, например, больше всех на НТВ ценил профессионала Леонида Парфенова. После того, что он сделал, я очень разочаровался в нем именно как в профессионале. Парфенов сделал одну непрофессиональную вещь: он имел полное право остаться на канале НТВ, но не имел права писать открытое письмо. Вот это был абсолютно аморальный поступок. Если пишешь открытое письмо, о кей, не участвуй в забастовке, уходи из канала. Мало того, что он закулисно-незакулисно договорился, он ту сферу, которую называют принципиально интимной, сделал публичной. Не путать интимное и публичное - это принципиально важная вещь для профессии.

Но я не готов говорить, что журналистам НТВ обязательно нужно было выходить на баррикады, что оставаться работать на НТВ - это соучаствовать в подлости. Говорить так было бы попыткой возвышенной риторикой подменить суть вопроса. На самом деле и те, кто остался, хотели служить профессии. В этом смысле Парфенов сделал правильный выбор.

Я бы, например, вообще не смог работать в таких условиях, какие создавал Гусинский. И надо разделять в оценке этой медиаимперии ее структуры. Допустим, отношения внутри радиостанции "Эхо Москвы" принципиально другие, чем я мог наблюдать, допустим, на канале НТВ. "Эхо Москвы" действительно работает как команда людей, которые имеют определенные убеждения и принципы. Поэтому они, может быть, в меньшей степени скомпрометированы политически. А тот

же Киселев вряд ли имеет какие-то политические убеждения и тем более принципы.

Поэтому в ситуации “уйти-остаться” самое правильное, чтобы каждый журналист делал индивидуальный выбор, и нельзя говорить, что выбор, с которым ты не согласен, принципиально аморален.

***

Авторы проекта спрашивают, какая тема осталась за пределами предложенного журналистам “вопросника”. Тема о соотношении проблем морального выбора и типа политической системы в стране.

Нельзя не видеть ту дистанцию, которую Россия реально прошла. Да, все еще существует опасность отката, но журналистам в России сейчас не приходится делать такого жестокого морального выбора, какой они должны были делать в советские времена. Сегодня этот выбор существенно проще, менее опасен для жизни, чем в советские времена.

Пока в России соотношение морального выбора и политической системы достаточно благоприятное для журналистов. Но из-за конфликта с НТВ, в частности, это соотношение оказалось в подвешенном состоянии. И потому журналисты сейчас гораздо более ответственны за свободу слова, чем даже власть. Потому что власть не будет помогать свободе слова, но то, что она ей сейчас не мешает - это очевидно.

А.К.Омельчук

“...ЕСЛИ МЫ СЧИТАЕМ, ЧТО ПОСТУПАТЬ ПОРЯДОЧНО МОЖНО ТОЛЬКО В РЕЗУЛЬТАТЕ ДЛИТЕЛЬНЫХ СОМНЕНИЙ, РАЗМЫШЛЕНИЙ И РАЗДУМИЙ, ТО РЕЧЬ НЕ ИДЕТ О ЕСТЕСТВЕННОЙ МОРАЛИ”

1. Фонетически звуковой комплекс “ситуация морального выбора” выглядит неряшливо. Неопратно. И, естественно, подсознательно вызывает к себе, по крайней мере, неоднозначное отношение. Скорее, отрицательное. Непринимаемое. “Моральный выбор” более приемлемо, ибо мягкое, смягчающее “моральный” дополняется решительным и упругим – “выбор”.

Полагаю, это необходимо принимать во внимание, дабы не попадать в просяк “ситуации”.

Признаемся, что сознательный и сознающий себя человек крайне редко, совершая любой выбор, тут же производит себе оценку: “я поступаю морально”, “я поступаю аморально”.

Все защитные службы человека бросаются на выручку своего хозяина, когда он поступает совершенно и откровенно аморально. Процесс осознания аморального поступка предельно растянут, защитные реакции агрессивны, и человек через какое-то, весьма длительное время, только когда совесть пробьет все эшелоны защиты, наконец-то! - поймет, что в том эпизоде он поступил непорядочно, нечестно, бесчеловечно, не джентельменски – аморально.

Журналист в ситуации морального выбора, это не просто глубоко несчастный человек, это еще и не естественный человек. Моральный человек – тот, кто нравственность воспроизводит импульсивно. Если журналист – в ситуации морального выбора – обдумывает, сделать подлость или нет, он явно эту подлость уже совершил. И – “высокоморально” оправдывает себя.

Если мы считаем, что поступать порядочно можно только в результате длительных сомнений, размышлений и раздумий, то речь не идет о естественной морали.

2. Девочку изнасиловали. В интересах следствия эту девочку надо показать. Просят показать – по телевизору. Солидные люди просят, с юридическим образо-

ванием. Девочку надо изнасиловать второй раз. На этот раз публично. Ее не убили, изнасиловали. Ей еще жить. Может, девочка еще оправится от шока. Но показывать ее беду публично?

Такие ситуации сплошь и рядом. Ежедневно. Ежедневный выбор: ЭТО может принести какой-то вред? Польза от показанного будет больше вреда? Как взвесить? Кто взвесит? Гирьки на этих нравственно-нормативных весах определяют время.

3. Если авторы проекта могут предположить, что выбор журналистской профессии – моральный выбор, то тогда также верно предположение, что выбор профессии журналиста – аморальный выбор.

Назойливое навязывание моральных основ одной из многочисленных человеческих профессий, ничего кроме аллергии, не вызывает. Писательский - или поэтический дар – чаще всего никак с моралью не связан, более того – нередко этой расхожей морали противопоставлен. Мы не связываем гений Петра Чайковского с его моральными устоями. Наверное, есть и дар, и гений журналистский. Зачем и почему загонять его в мрачную темницу моральной одиночки?

Мечта авторов проекта, как видится по сформулированным вопросам - облачить простого ординарного редактора свежих новостей в сутану. Ну, облачили... Что дальше? Редакцию женского журнальчика превратили в монастырь?

Журналист – не нравственный учитель общества. Когда он стал нравственным учителем... Ищите его в Госдуме. Или - в партии “Единство”. Или – среди философов – этиков. Навязанный, навязываемый перманентно этический выбор так же может быть кабалой. Кабала святош...

4. Авторы проекта предельно чудоковаты. Хотел бы я у них поинтересоваться, что такое – “наша” журналистика?

Вообще принципы морали применимы только в обществе, где эти принципы действуют. Есть ли общество в России? Действуют ли в России моральные принципы, если общество – возможно, даже формируется, но явно не существует? Можно ли сформировать хотя бы несколько нравственных принципов, которые обще (общественно) признаны в России?

С общества, с несуществующего общества страны, спрашивать трудно. С журналистов - можно. Они реальны, конкретны, они существуют. “Наша” журналистика может существовать в стабильном, сформировавшемся обществе. В России – увы! Можно считать, что в Советском Союзе “наша” журналистика существовала. Может быть, этот этический эпитет – советская отрыжка.

Полагаю, что М.Вебер противопоставляет не альтернативные понятия. Приоритетно, но вовсе не позорно: жизнь за счет профессии. Это удел сотен тысяч профессионалов. Служение профессии, не отвергая “за счет”, возникает как наивысшая творческая форма профессионализма. Бескорыстный, но бездарный специалист, как бы он ни афишировал свое вполне искреннее бескорыстие – на “служение” не обречен. Служение – удел единиц. Кстати, эти единицы цену себе знают. И когда назначают – это высокая цена. Как “редкая птица долетит до середины Днепра”, так в многочисленных редакциях редко отыщется профессионал, статусно и общественно зачисленный по разряду “служения”. Маэстро вообще редки.

5. Понятно, всякий, кто ссылается на волю владельца, хозяина СМИ, просто более откровенен, даже честен, нежели те, кто, неуклонно эту волю исполняя, умело наводят “тень на плетень”, безупречно маскируя свою зависимость. В этом случае нет альтернативы. Либо кто-то служит под хозяином, либо служит в другом месте.

Понятно, что всегда отыщутся и искренне наивные люди, которые слишком долго осознают, что они, по сути, делают и кому служат. Таких не много.

Абсолютно независимых СМИ не бывает. Иногда нелегко определить, кто же хозяин, кто диктует. Очень умелый хозяин умеет себя не афишировать. Так что “сброс” ответственности происходит даже не тогда, когда написаны первые строки, а когда журналист устраивается на работу. Он может не знать, даже не спрашивать имени хозяина, он догадался, что через него будут воплощать нужные оценки и мнения.

Наемный работник – звучит вполне пристойно. Наемный журналист? Сомнительно... Но вопрос здесь не в эпитете. Журналист = работник? Равно? Снимаем сомнения. Если остаются вопросы – это вопросы не к журналисту.

6. Наверное, и муж может уклониться от своих прямых супружеских обязанностей... Но он нарушает даже не искусственный институт брака, а гораздо более глубокие и естественные целесообразности.

Успех – мера качества. Общественная цена твоего – общественного по своей природе - творчества. Если ты безразличен к цене, к оценке своего труда, вряд ли можно говорить, что ты заинтересован и в самом творчестве. Равнодушных творцов не бывает.

7. Проститутки стоят на панели, являя собой наглядный урок проходящему человечеству, как недалеко оно ушло от скотского состояния. Но тем же самым, постоянно и целенаправленно, могут заниматься и другие общественные группы, к примеру, гениально определенные известным публицистом “политические проститутки”.

Урок с НТВ: надо больше публицистически и публично шуметь, если ты уже на панели. Может, проходящие не поймут... Поймут. Поведение господина Киселева - предел профессионального цинизма: он говорил от имени свободы слова, точно так же, как мог бы говорить сутенер от имени своей подопечной, над которой только что в очередной раз надругался.

Ю.И.Пахотин

“...ВЫБОР НАШЕЙ ПРОФЕССИИ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР”

1-2. Слова “ситуация морального выбора” вызывают у меня не ассоциации, не образы, не сюжеты, как наивно формулируют перечень эмоций в своем “вопроснике” авторы проекта, а, так сказать, конечный продукт - стресс. Причем, это состояние возникает вне зависимости от последствий, грозящих тебе в случае “неправильного” выбора, будь то просто угрызение совести, о котором знаешь только ты и больше никто, косые, осуждающие взгляды все понимающих коллег или пуля в подворотне.

Я намеренно закавычил слово “неправильного”, поскольку глубоко убежден, что каждый журналист, попадая в ситуацию морального выбора, прекрасно понимает, что соответствует понятиям чести, совести, этики, а что нет. И поэтому никогда не поверю в искренность того из коллег, кто, публично посыпая голову пеплом, кричит, что нечаянно ошибся при выборе, что слишком много было нюансов, которые нам не понять, находясь вне этой конкретной ситуации. Это от лукавого.

Все ситуации морального выбора, по сути, типовые, стандартные, предусматривающие только два варианта ответа: “да” и “нет”. А уж в двух соснах не разобратся журналисту, который считает себя профессиональным поводырем и всех учит, как надо жить?.. Покажите мне того простака, который в это поверит.

Хочу подчеркнуть особо - я веду речь о тех профессиональных журналистах, которые хотя бы понимают, что попали в эту самую ситуацию под названием “моральный выбор”, поскольку сегодня в средствах массовой информации отирается масса работников пера и микрофона, не имеющих понятия о подобной штуке и совершенно искренне считающих, что морально все, за что хорошо платят.

Почему я утверждаю, что все, практически, ситуации морального выбора типичны? Дело в том, что они связаны с типовыми, старыми как мир, парными моделями поступков или, если хотите, действий в стандартных ситуациях. Например, “соврать - не соврать”; “сказать - промолчать”; “поддаться давлению власти, начальства, денежных мешков и пр. - не поддаться” и т.д. И хотя, не стану спорить, бывают и уникальные ситуации, но по большому счету они все равно сводятся к уже обозначенным мною стандартным парам моделей выбора.

Проиллюстрирую примером из пережитого лично. Это было давно. Я тогда работал редактором многотиражной газеты очень крупного главка. И вот однажды начальник этого главка передал мне для публикации документ - акт ревизии одного из предприятий главка. Абсолютно типовая ситуация. Мы подобных документов печатали на страницах нашей газеты десятки. Я подготовил по этому акту проверки статью и поставил ее в готовящийся номер газеты. Но за пару дней до верстки полос мне позвонил один из руководителей фигурирующего в статье предприятия и заявил, что в акте ревизии все искажено, что с ним таким способом хотят расправиться его местные начальники и что у него есть документы, опровергающие выводы ревизии. Просьба у звонившего была одна - отложить публикацию материала до его прибытия с этими оправдательными документами в редакцию.

И такое случалось в моей практике. Я снял с номера статью. Об этом моментально стало известно начальнику главка. Он потребовал объяснений. Я объяснил. Начальник главка сказал, что полностью доверяет ревизорам, что никаких опровергающих результаты проверки документов не существует и что если я не поставлю в номер этот материал, он будет это расценивать как факт недоверия ему, руководителю главка, естественно, со всеми вытекающими последствиями. Одним словом - разразился грандиозный скандал.

Я все-таки дождался звонившего мне человека. Он приехал и сказал, ...что у него нет никаких опровергающих выводы ревизии документов. А мой вопрос: "зачем же тогда нужно было городить этот огород?" остался без ответа. В общем, проблем и неприятностей та ситуация мне создала предостаточно. Но, тем не менее, случись она сегодня, я поступил бы точно так же.

Проработав в печати четверть века, понял одно - в ситуации морального выбора выбор мы делаем для себя, для собственного душевного комфорта. Если же ты пренебрег этим и при выборе руководствовался скрупулезными подсчетами факторов материалистического характера, типа: “а что скажет такой-то”, “а что против меня предпримет сякой-то”, то рано или поздно психологический дискомфорт сначала разрушит тебя изнутри - как личность, а затем ты с ужасом поймешь, что стал профнепригодным и тебе нужно бежать из журналистики. Поймешь, что все взаимосвязано: личность, мораль и профессия. И совершенно точно спрессовал один из великих свое жизненное кредо в девиз: “Делай, что должно, и пусть будет то, что будет”.

3. Именно поэтому я считаю: выбор нашей профессии - прежде всего моральный выбор. Журналиста можно научить всему: грамотно писать, умно рассуждать на актуальные темы, анализировать происходящие в реальной жизни процессы и т. д. Но научить его руководствоваться в профессии такими понятиями, как честь, совесть, мораль, невозможно. Это в человеке или есть, или нет.

Безусловно, я прекрасно понимаю, насколько легко "разбабахать" все мои рассуждения, приводя сотни примеров, когда, совсем наоборот, люди, пришедшие в газеты, журналы, на радио и телевидение из других, не связанных со средствами массовой информации, сфер деятельности и не обремененные моральными табу, становились в мгновение ока преуспевающими журналистами, звездами, любимцами публики. Но обратите внимание, сколько из этих, внезапно ставших

громкими, имен осталось в журналистике и в памяти, а сколько исчезло так же внезапно, как и появилось.

4. Да, к глубокому сожалению, пока в нашей журналистике доминирует не “служение в профессии”, а “жизнь за счет профессии”. Это произошло, кроме всего прочего, еще и потому, что появившееся за последние годы просто астрономическое количество средств массовой информации на порядок обогнало число журналистов.

Вы можете представить себе такую картину: открываются новые больницы, школы, но в первых - нет врачей, во вторых - учителей, а работают в этих важных учреждениях люди самых разных профессий, уверенные в том, что учить и лечить может каждый? Что, невозможно такое представить? А вот у нас существуют тысячи и тысячи изданий, в редакционных коллективах которых нет ни одного сотрудника с журналистским образованием. Можно ли от них требовать соблюдения каких-то корпоративных норм и правил, если они не только не имеют понятия об их существовании, но и не собираются знакомиться с ними и тем более выполнять эти нормы?

И тем не менее я почти на сто процентов уверен - в самое ближайшее время все встанет с головы на ноги: прекратят свое существование никому, кроме учредителей и издателей, не нужные СМИ; уйдут те, кто случайно попал в журналистику, не имея для этого ни профессиональных, ни моральных качеств; корпорация оправится от сокрушительных ударов, нанесенных по ее репутации всевозможными скандалами последнего времени и, почистив свои ряды, займет в обществе подобающее ее значимости место. Думаю, мы научимся в конце концов ради спасения корпорации спрашивать друг с друга по гамбургскому счету.

5. Вопрос о личной ответственности журналиста, работающего по найму, пожалуй, самый сложный и запутанный из всех тех, которые подкидывает нам современная российская эпоха переходного периода. Наверное, раньше, когда журналисты трудились по найму у одного хозяина по имени КПСС, с проблемой личной ответственности, как это ни покажется парадоксальным, было, на мой взгляд, проще. И вот почему.

Журналистов тогда было мало, и все мы друг друга знали достаточно хорошо. Думаю, не сильно погрешу против истины, если скажу, опираясь на знание своих коллег, что почти все мы читали книги (включая самиздатовские) одних и тех же авторов, смотрели одни и те же кинофильмы и телепередачи, слушали одни и те же песни. Мало того, уверяю, подавляющее число журналистов любило одних и тех же писателей, поэтов, бардов, актеров, режиссеров и т. д.

И любили именно за их свободомыслие, за то, что они отстаивали свое право быть личностью, право иметь и высказывать свое мнение, а не точку зрения КПСС. Поэтому, если журналист попадал в какой-то переплет из-за смелого высказывания, из-за принципиальной позиции, расходящейся с позицией “хозяина”, на его стороне были симпатии, уважение и поддержка и своего редакционного коллектива, и практически всех коллег, и общественности. Так мы были воспитаны журфаками, редакциями, средой обитания.

Сейчас абсолютно другая картина. Хозяева СМИ могут быть не только совершенно разными по возрасту, образованию, воспитанию, по духу, но и находиться по отношению друг к другу в состоянии политической, информационной или просто конкурентной войны.

А при таком состоянии ни один владелец средства массовой информации не потерпит в своих рядах колеблющихся, не говоря уже о “пятой колонне”. И требовать от него иного отношения, мягко говоря, наивно. Не для того он вкладывает огромные деньги в издание, теле- или радиоканал, чтобы разводить плюрализм

мнений и суждений. Тот, кто сталкивался с частными изданиями, подтвердит, что дисциплина там потверже, чем армейская.

Кроме того, определенная направленность издания или канала, а также фамилия и биография владельца, не являются тайной за семью печатями, поэтому устраиваются туда люди, разделяющие взгляды владельца и сознательно подписывающие контракт, где четко определены рамки прав и свобод не вообще журналиста, а сотрудника конкретного средства массовой информации.

И таким образом там собираются журналисты, крепко связанные корпоративными интересами, порой не только далекими от интересов журналистского общества, но и входящими в антагонистические противоречия с ним. А когда владелец СМИ еще и щедро оплачивает труд своих единомышленников, они только в исключительных случаях решатся променять свои суперкомфортные условия работы и жизни на право нести личную ответственность за что бы то ни было. Все мы были свидетелями тому, как это бывает в реальной жизни. Самый яркий и впечатляющий пример - история с НТВ.

Поэтому ссылки журналистов на необходимость исполнять волю владельца СМИ лично у меня не вызывают морального шока. И хотя я понимаю, что любой журналист всегда может плюнуть на эти большие деньги и уйти от любого владельца, разорвав самый выгодный контракт ради сохранения профессиональной и человеческой репутации, но также и прекрасно осознаю, что такие поступки будут все реже и реже, поскольку и цена контрактов высока, и хорошую работу найти человеку, особенно строптивому, громко хлопнувшему дверью именно по моральным соображениям, не так-то просто.

6. На вопрос о том, возможен ли профессионализм без ориентации на успех, мне хотелось бы ответить вопросом: “А что тогда такое профессионализм?”. Всегда считал и сейчас считаю: единственный объективный показатель профессионализма - успех. И совершенно не понимаю, хоть убейте, причины возникновения следующего вопроса: “Что таится за уклонением от профессионального успеха?” Да ничего не таится.

Откуда сомнения? Я вас заклинаю: если кто-то из журналистов будет вас убеждать, что он специально уклоняется от успеха, - бегите от него. Это несчастный человек, у которого нет даже чувства, что у него нет чувства юмора, как говорили великие пересмешники. Не могу, ей-богу, даже теоретически как-то представить процесс этого уклонения. По всей вероятности, журналист, видимо, для этого должен специально планировать неуспех. То есть, сознательно выбирать такие темы публикаций, чтобы ни у одного читателя они не вызвали интерес. А если уж тема окажется интересной, то написать материал так, чтобы ни у кого не возникло желания прочесть его. А коль, как ни порть, все равно шедевр получается, то тогда использовать беспрюгрышный способ увернуться от успеха - поставить подпись бездарного, но тщеславного коллеги.

Ну, а если отбросить шутки в сторону, то я убежден - профессионализм и успех это слова-синонимы. И нет ни одного, полагаю, журналиста, не мечтающего стать популярным, читаемым и почитаемым.

7. И, наконец, о моральных уроках “психодрамы” с НТВ и полемики Бориса Немцова и Евгении Альбац во время экстренного выпуска программы “Итоги”. Лично для меня в этих уроках не было ровным счетом ничего поучительного. Е.Альбац, несмотря на то, что она, в общем-то, не юное создание, а достаточно взрослая девочка и без сомнения опытная журналистка, все-таки сумела сохранить романтизм и максимализм. В любые времена таким людям жилось тяжело. Но еще тяжелее было тем, кто волею судьбы находился с ними рядом: родным, близким, коллегам, друзьям и т. д. Вся беда в том, что этот тип людей практически

никогда не будет прислушиваться к мнению тех, у кого противоположный взгляд на ситуацию.

Вот и Евгения Альбац, настаивая на том, что все порядочные журналисты должны были в обязательном порядке уйти с НТВ, чтобы не соучаствовать в подлости, даже и не пытается понять или хотя бы внимательно выслушать доводы Бориса Немцова, считающего, что журналист обязан служить не олигархам, а телезрителям, а коль появятся попытки со стороны ставленников олигархов ввести цензуру, нужно смело и бескомпромиссно бороться с начальством и отстаивать свое право на свободу слова.

В принципе, любая позиция заслуживает уважения, но если это позиция, а не безапелляционная директива. Честно говоря, я побаиваюсь тех своих коллег, которые никогда и ни в чем не сомневаются и считают себя неким камертоном нравственности, порядочности и прочих добродетелей. Жизнь многоцветна, ужасно сложна и запутана и абсолютной истины, увы, нет - и с этим нужно смириться. В этом я и вижу моральный урок.

Все встало на свои места. И мы поняли, что не свободу слова защищали многие из звезд НТВ, а свое материальное благополучие. И служили они не зрителям, а олигарху. И по привычке, видимо, к этому состоянию, судя по тому, с какой легкостью они перешли на службу к другому олигарху, не очень-то мучаясь от осознания того факта, что из-за них вынуждены были покинуть ТВ- 6 работающие там журналисты.

Как сегодня должны себя чувствовать те, кто публично призывал проявить журналистскую солидарность и отстаивать права НТВ как оплота морали, нравственности, демократии и свободы? Можно было бы сейчас посмеяться над всей этой историей, но вот что-то не весело, а грустно мне от понимания той моральной цены, которую еще долго будет выплачивать наша корпорация за этот фарс.

В.В.Познер

“...БЕЗ НАХОЖДЕНИЯ АБСОЛЮТНО МОРАЛЬНОГО БАЛАНСА МЕЖДУ ПРИНЦИПАМИ И УМЕНИЕМ ИДТИ НА КОМПРОМИСС ЖУРНАЛИСТИКА ПРЕВРАЩАЕТСЯ ЛИБО В ПРОСТИТУЦИЮ, ЛИБО В ЭКСТРЕМИЗМ”

1-2. Какие сюжеты всплывают в моем сознании, когда я слышу выражение “журналист в ситуации морального выбора”? Это не один сюжет, это бесконечные сюжеты, это вся жизнь.

Каждодневная жизнь профессионального журналиста есть постоянный моральный выбор. Наиболее, наверное, драматичный выбор - между благополучием и возможным неблагополучием. Например, между пониманием, что от того, что ты скажешь, власть или твое руководство выразят недовольство и ты даже можешь потерять работу, - и пониманием того, что есть твой журналистский долг. Выбор между благополучием твоей жены, детей, твоей семьи - и правдой, при этом правда умогнительна, а семья совершенно конкретна.

А может быть выбор и попроще: принять гонорар за интервью или не принять. Казалось бы, подумаешь, "делов-то". В конце концов я же не соглашаюсь из-за этих ста долларов или тысячи долларов говорить не то, что я думаю? Тем не менее, я считаю, что это как раз и есть иллюстрация замечательной русской поговорки насчет того, что коготок увяз... Достаточно один раз дать себе слабину в такого рода выборе и за первым шагом неизбежно следует второй, третий, четвертый...

Итак, вопрос о ситуации морального выбора относится к каждодневной жизни журналиста.

Журналиста или человека? Есть ли разница между моральным выбором просто человека и профессионала? Конечно есть, конечно, хотя вся жизнь индивида есть выбор. Это, кажется, Маркс говорил, что жизнь есть борьба. Я с ним не согласен, или согласен, если понимать, что выбор - это тоже борьба. Жизнь есть выбор, постоянный выбор в поведении. Просто журналистская деятельность из-за своей специфики - доведение информации до общественности - обостряет этот выбор. Потому давление на журналиста, чтобы выбор был определенным, больше, чем просто на рядового человека, который работает инженером или продает молоко в магазине. На них тоже может оказываться давление, но журналистская деятельность предопределена наличием этого давления, потому что общество в целом имеет разную заинтересованность в том, как журналист распорядится информацией, которой он обладает. Производимый журналистами продукт - информация, продукт взрывчатый, ибо он имеет прямое влияние на то, как люди думают, а затем и как они себя ведут. Отсюда - выбор журналиста острее, жестче, если угодно, и он предъявляет к журналисту больше требований, чем ко многим другим профессиям.

3. Я думаю, что для подавляющего большинства людей, выбирающих профессию журналиста, выбор профессии – это не *моральный* (внеморальный) выбор. И очень многими это никогда и не осознается, так мне кажется. Конечно, молодые люди, выбирая эту профессию, делают выбор, но по совсем иным основаниям: это привлекательно, романтично, престижно. Лишь очень, очень редко это выбор осознанный. Трудно ожидать от человека в 18-19 лет, что он делает серьезный, глубинный выбор, это бывает довольно редко.

Чаще осознание выбора профессии как морального выбора возникает на последующих этапах профессиональной деятельности. Попробую пояснить это на своем индивидуальном примере. Я начал жизнь - как и очень многие журналисты в Советском Союзе - в пропаганде, которая уже по определению не может быть журналистикой, потому что информация не является задачей пропаганды. Пропаганда - это либо дезинформация, либо частичная информация, что почти одно и то же, манипулирование общественным мнением. Работал в журнале "Совет Лайф", который издавался в обмен на журнал "Америка" (тоже пропагандистский журнал), и поехал делать очерк о Сибири. Это было вскоре после политической реабилитации людей, сидевших в лагерях. Я набрел на очень многих из них и написал, на мой взгляд, довольно сильные вещи. После чего мое умное начальство очень меня похвалило, но сказала, чтобы я немножко "подчистил деревья": "Не надо превращать их в телеграфные столбы, но, понимаешь, там есть лишние ветки".

Это было первой ясной для меня ситуацией морального выбора: либо твоя статья вообще не выйдет (и у тебя не то что могут быть неприятности, но на тебя начнут смотреть определенным образом), либо ты учтешь критику. При этом ведь тебя не просят из красного сделать черное, тебя просят из красного сделать немножко розовое.

То, что я рассказал, относится к заре моей журналистской деятельности, к началу 60-х годов. А много лет спустя, точнее, весной 1991 года, когда я уже был известным ведущим телемостов и произведен в "чин" политобозревателя, столкнулся, уже в который раз, с проблемой выбора.

Это было связано с моим ответом на вопрос интервьюера о том, за кого бы я проголосовал - если бы завтра состоялись президентские выборы - за Горбачева или Ельцина? Я сказал, что - хотя всегда очень горячо поддерживал Горбачева, но в последнее время перестал понимать в связи с некоторыми его назначениями, а так же тем, что произошло в Вильнюсе, Риге, Баку, Тбилиси, - проголосовал бы за Ельцина.

Это дошло до самого “верха” и очевидно, что там этим были весьма недовольны. Позвонили руководителю Гостелерадио г-ну Кравченко. Один из его заместителей мне передал, что Кравченко страшно возмущен моим ответом и считает, что мне вряд ли не то что политобозревателем можно быть, но он не уверен, что для меня вообще есть место на телевидении.

Я поблагодарил за информацию, посоветовался со своей супругой, сказав ей, что вообще-то Кравченко прав, что на таком телевидении мне и на самом деле места нет, что я не желаю играть в их игры. На следующий день подал заявление, в котором подробно объяснил, почему я не считаю больше возможным работать на Гостелерадио.

Тогда же я себе и поклялся, что больше никогда служить не буду, никогда не то чтобы не буду членом партии, но не буду и просто поддерживать какую-либо партию, какую-либо власть. У меня есть только один хозяин - зритель, которому я буду служить, как это ни выпендрено звучит. Отчасти я так решил от того, что очень глубоко прочувствовал проблему морального выбора.

И потом, работая в Штатах, я опять же встал перед проблемой выбора. Очень сильно заблуждаются те, которые полагают, что в первой стране современной демократии этих проблем нет. Есть. И связаны они с самым главным - с деньгами. С одной стороны деньги, несомненно, дают тебе независимость. Если у тебя лежит в банке несколько миллионов, твое поведение, разумеется, другое, чем у того, кто думает о том, что будет, если я вдруг потеряет эту работу. Но, с другой стороны, получение этих денег связано с постоянным моральным выбором. Не за просто так платят, скажем, тому или иному ведущему в Америке 10 миллионов в год. Есть целый ряд требований к этому человеку. И я, работая там, это очень хорошо понял, ибо был вовлечен в постоянный моральный выбор. В конце концов, если я перестал работать там, то это тоже был моральный выбор.

4. Разведение двух веберовских формул - “служение в профессии” или “жизнь за счет профессии” – применительно к журналисту кажется чуть-чуть упрощенным. На самом деле человек может и служить в профессии, и жить за счет профессии. И одно не будет противоречить другому. Вот я, например, считаю, что последние несколько лет и служу в профессии, и живу за счет профессии. Я очень хорошо обеспечен, но в то же время не только ради заработка делаю то, что я делаю.

Есть, несомненно, люди для которых профессия – это, прежде всего, способ зарабатывать. Они даже не очень этого стесняются. Как-то в разговоре со мной примерно так говорил Сергей Доренко: “Кто заплатит, причем вперед, тот и получит то, что захочет”. А есть люди принципиально другие, которые вообще думают не об этом. И все же я хочу, чтобы было понятно: служение в профессии не исключает возможности жить за счет профессии. Не исключает, это не в обязательном порядке противоречие.

5. Для меня очень важен смысл, вкладываемый в характеристику журналиста как профессионала. Я горячий поклонник Габриэля Гарсия Маркеса, утверждавшего, что если вы не соблюдаете правил этики, то вы не профессионал; вы можете быть широко известны, чрезвычайно популярны, но вы не профессионал. Для меня профессиональность журналиста предполагает соблюдение этических норм. Журналист - это тот человек, который доводит до рядового гражданина информацию. Если он врет, искажает информацию, недоговаривает, преследуя ли определенные цели, выполняя ли задание своего хозяина в том виде или ином, он уже не является журналистом. Еще раз: если он нарушил журналистскую этику, он уже не профессиональный журналист. К сожалению, такое понимание у нас не очень распространено, и не только у нас.

О “независимости”. Когда мы говорим “независимые СМИ”, нужно четко определить, что мы имеем в виду. Независимые от власти? Есть издания, телевизионные вещательные корпорации и т.д., контролируемые властью. А есть СМИ, которые контролируются или принадлежат частным лицам. Частные СМИ независимы от власти. И это принципиальная вещь. И не надо говорить, что это тоже зависимость СМИ – от хозяина. У власти интересы совершенно определенные, а у частного хозяина - очень разные. Сколько хозяев, столько интересов. В отношении информации у власти (во всем мире, не только в России) совершенно четкие представления, согласно которым информация - это нечто такое, что нужно контролировать. Если информация кажется власти выгодной, она ее сообщает, если невыгодной, она ее будет скрывать, как в свое время она пыталась скрыть Чернобыльскую катастрофу. Частный владелец так поступает только в том случае, если информация касается его личных интересов. Но поскольку у владельца А интересы не совпадают с владельцем М, то получаются разные источники информации, и это дает человеку возможность выбора.

Наконец, самый важный момент. Когда ты работаешь у частного владельца и принимаешь его правила игры, это твой выбор. Это выбор, за который он тебе платит, больше или меньше, средне, очень много. Он тебе платит. Наступает момент, когда идет смена владельца и ты знаешь, что новый владелец исповедует совершенно другие ценности. Опять это вопрос твоего морального выбора: оставаться или нет с новым владельцем, который будет платить столько-то, но, как ты понимаешь, его подход к информации - прежде всего к информации (не к развлекательным же передачам) - иной, чем у нынешнего твоего хозяина? Да, это вопрос выбора.

Люди, которые говорят, что у них нет выбора, либо не понимают ситуации, либо просто ищут для себя оправдание. И чаще всего – второе. Они себя таким образом защищают. Но все-таки это был безусловный выбор. Именно выбор.

6. Чтобы ответить на вопрос о том, обязательны ли для журналиста-профессионала ориентация на достижения, стремление к успеху, надо помнить, что он всегда обращается к публике. Если журналиста не слышат, не видят, не читают, тогда он явно зря работает. Поэтому стремление к популярности, к популярности в этом смысле, необходимо. Конечно, есть стремление к популярности, мотивированное прежде всего тщеславием: “все что угодно, лишь бы я был популярным”. Это другое. Но журналист, который не пользуется известностью, - не журналист.

И это относится к тюменским журналистам так же, как и к московским. Если тюменские журналисты в родном городе не известны, не популярны, тогда не понятно, что они делают. Если они пишут, а их не читают, выступают по телевидению, а их не смотрят (смотрят в это время другого), выступают по радио - и там то же самое, тогда я не очень понимаю, в чем заключается их профессионализм. Если вы, считая себя профессионалом, не имеете популярности, то на самом деле вы тогда неудачливый журналист. А значит и непрофессиональный, ибо не выполняете свои главные задачи: не можете информировать публику, просвещать ее с помощью точной информации, не можете довести до публики разные точки зрения по поводу вопросов, которые ее волнуют, а также заставить думать над тем, что она знает, или усомниться в истинах, которые ей кажутся очевидными, с помощью той информации, которую вы даете. Тогда в чем ваша профессиональность? В том, что вы знаете, как запятые расставить?

7. То, что журналисты НТВ оказались в ситуации жесткого морального выбора, – несомненно. Агрессивный скепсис по поводу того, что это именно выбор, – скорее следствие какого-то защитного мотива самих сомневающихся в драме

НТВ. И я уже коснулся этого, рассуждая о независимости журналиста, работающего в частном СМИ.

Кто прав - Альбац или Немцов? Вопрос сложный. Об этом можно спорить до утра. Женя Альбац очень категоричный человек, не компромиссный ни в чем. Борис Немцов - компромиссный. И я думаю, что в данном случае истина находится где-то посередине. Потому что, если жить по Альбац, то на самом деле никто так не живет, включая саму Альбац. Если жить по Немцову, то вопрос о принципах становится чрезвычайно шатким. Компромисс - это то, что в жизни требуется, но принципиальность - это тоже условие жизни. Проблема - найти органичный, абсолютно моральный баланс между принципами и умением идти на компромисс. Одно другому никак не противоречит. И, конечно, журналистская деятельность без понимания этого невозможна: она превращается либо в проституцию, либо в экстремизм. То и другое для журналиста не годится.

***

Разговор о журналисте как субъекте морального выбора можно вести в течение многих часов, многих дней, он не имеет конца. Мы сняли один слой с луковицы, а там еще, еще и еще. И я не знаю, способны ли мы дойти до сердцевины.

Л.А. Радзиховский

“...ДЛЯ МЕНЯ САМОГО ИЛИ ДЛЯ МИРОВОГО ДУХА ПРОФЕССИИ, КОТОРЫЙ ВО МНЕ СИДИТ, ЭТО ВАЖНО”

1. Первая ассоциация с выражением “ситуация морального выбора” связана с той самой ситуацией, в которой нахожусь на данный момент. Я работал в газете “Сегодня”, газета закрылась по независящим от меня и, как говорится, независящим от редакции обстоятельствам. А рядом с нами работал журнал “Итоги”. И газета, и журнал принадлежали господину Гусинскому, входили в издательство “Семь дней”, в ходе борьбы правительства с Гусинским они были ликвидированы. Причем ликвидированы таким образом, что “Сегодня” закрыта полностью, а журнал “Итоги” от Гусинского перешел к директору издательства Бирюкову и он хочет выпускать эти самые “Итоги” снова. Весь прежний коллектив “Итогов”, как один, ушел на улицу, а меня очень активно вербуют работать в этом журнале, причем вербуют не какие-нибудь подозрительные кагэбэшники, а мои бывшие коллеги, которые работали в газете “Сегодня” (с которыми у меня очень неплохие личные отношения) и сейчас перешли в “Итоги”. Вот вам классическая ситуация морального выбора.

Казалось бы, что здесь такого – взял и пошел? Но ведь авторы проекта спрашивают меня про *моральный* выбор. Что значит “просто взял и пошел”? Пошел на место, которое до тебя занимали твои идейные единомышленники? Пошел вопреки общественному мнению? Ведь те, кто раньше работали у Гусинского в тех же самых “Итогах” и “Сегодня”, называют перешедших из газеты “Сегодня” в новые “Итоги” штрейкбрехерами, предателями, коллаборационистами и прочее. Вот потому и *выбор*: наплевать на общественное мнение, пойти против него - или не плевать, но тогда рисковать потерять какие-то деньги (хотя, может, и не потерять, если Гусинский даст деньги на какое-то новое издание).

Для меня эта ситуация осложняется еще и тем, что я лично не испытываю никакого отвращения к коллегам, работающим в новых “Итогах”, никаким предательством и штрейкбрехерством сам лично все это не считаю. И хотя меня числят по “еврейско-демократической-гусинской” тусовке, сам я к ней принадлежу очень относительно. То есть, когда бьют, то бьют как принадлежащего к этой тусовке, а когда раздадут беспроцентные кредиты Гусинского, дачи в Чугасово, возможность слетать на виллу к Гусинскому в Испанию, меня почему-то в эту тусовку не вклю-

чают. Так что у меня к ней амбивалентное отношение. И тем не менее идти против общественного мнения, против того, что будет говорить “княгиня Мария Алексеевна”, не хотелось бы.

Безусловно, на первом месте стоит внешнее давление социума, той малой социальной группы, к которой я волей-неволей принадлежу. Но вместе с тем возможность перехода мне и внутренне неприятна: как-никак, это места, которые занимали люди, ушедшие по идейным соображениям, которых я не разделяю, но поневоле уважаю этих людей за то, что ушли. Это первый момент.

Второй момент. Я боюсь, что новый журнал “Итоги” будет слишком лоялен к власти, потому что Бирюков не для того издает журнал, чтобы иметь неприятности. Опять я в некотором раздвоенном состоянии: мне не хочется писать, например, что Путин - это достойный кандидат на Нобелевскую премию мира, но мне не хочется и идти в новую газету Гусинского, писать о том, что Путин - кровавый палач, фашист, кагэбэшник и так далее, и так далее. Я равно далек от того и от другого, то есть двух станов не боец. А вынужден как-то определяться. Вот вам классический моральный выбор.

2. Моральный выбор - понятие широкое. Внутренняя цензура - это моральный выбор или нет? Я все время пишу исходя из своей внутренней цензуры. Прекрасно знаю те темы, о которых лучше не упоминать. Скажем, когда я работал в газете “Сегодня”, газете антипутинской, я знал, что если бы мне что-то понравилось в политике Кремля, то все равно слишком хвалить нельзя. Аналогично нельзя ругать хозяина, критиковать хозяина и так далее, и так далее. И это тоже, я считаю, в каком-то смысле моральный выбор. Точнее, аморальный. Говорю об этом спокойно - я взрослый человек и не в первый день занимаюсь этой профессией.

Означает ли это, что профессия журналиста сопряжена с цинизмом и достаточно тесно? Думаю, что нет профессии на свете, которая не сопряжена с цинизмом, исключение - какой-нибудь ветеринар или там ботаник, который живет на заброшенной ферме. Наиболее циничные профессии - те, которые ближе всего связаны с людьми. Врач, милиционер, священник, юрист, преподаватель, журналист - вот примеры циничной профессии.

Постольку, поскольку ты встречаешься среди людей, ты волей-неволей идешь на компромисс, часто говоришь не то, что есть. Гамлет сказал, что рука, пока ты ее не натрудишь, чувствительна, потом привыкаешь. Журналист, если брать нашу профессию, должен писать так, чтобы задевать какие-то чувства читателя, сознательно рассчитывать: вот сейчас я задену такое-то чувство, сейчас - такое-то; здесь я вызову такую эмоцию, а здесь - такую. Это цинично или не цинично? Даже если я сам какое-то подобие этих эмоций испытываю? Но я, как артист на сцене, прекрасно тонирую, прекрасно знаю, где надо ударить, где поднять голос, где опустить, где перейти на скороговорку.

Это, конечно, скорее технология, но в нашу технологию, как мне кажется, элемент цинизма входит просто по определению. Технологический цинизм. Я знаю, как разжалобить публику, как вызвать ее гнев, как вызвать ее иронию, как ее настроить, как ее перестроить. Это технология, но это технология игры на нервах, на определенных эмоциях. И в этом смысле циничная технология.

Здесь, конечно, есть своя грань. Например, один из наиболее одиозных журналистов, Минкин, вечно выступает в роли морального учителя, читает проповеди, что тебе Лев Толстой. За это его коллеги особенно “любят”. Это цинизм в квадрате, цинизм в кубе, если угодно. Но даже сама наша технология вызывания эмоций, она тоже цинична, кстати, более цинична, чем технология актера, который делает почти то же самое, но у актера есть вынос впереди: я разыгрываю спектакль, это все понарошку, извольте принимать так. А у нас вынос впереди: я

не разыгрываю спектакль, я говорю о реальности, извольте принимать “на полном серьезе” – это куда более циничная позиция.

3. Я думаю, что в молодости люди совершенно не думают о таких вещах, как этика профессии. Или могут думать, но в каком-то уж совсем романтическом, неадекватном ключе. Правда, сейчас таких романтиков два с половиной чудака. Большинство думают, как им кажется, в прагматических терминах: деньги, поездки, возможности, раскрутка и так далее. Потом, с годами, к кому-то приходят соображения о цинизме-нецинизме, к кому-то - никогда в жизни не приходят. Но на старте профессии ее выбор моральными соображениями, думаю, совершенно не руководствуется. Нормальный человек руководствуется самым главным - выбирает то, к чему душа лежит. Ясно, что если я люблю бегать кросс, то буду стараться стать профессиональным спортсменом. А если я люблю писать, то буду стараться стать писателем или журналистом и так далее. Все-таки в основном люди исходят из своих способностей.

То обстоятельство, что, выбирая профессию, ты выбираешь и свойственные ей “правила игры”, на старте и в голову не приходит, тем более, что их мало кто знает заранее. Узнают потом, когда попробуешь, в процессе. Мне, например, когда начал заниматься журналистикой, эти правила казались более суровыми, более циничными, более грубыми - и я на это шел открыто. Впоследствии убедился, что эти правила уж не так циничны, не так грубы и не так плохи, как мне казалось.

Но надо иметь в виду, что я пришел в журналистику, когда мне было уже 35 лет. Это было время, когда советская журналистика уже отходила. А быть советским журналистом я не мог именно из моральных соображений. Вступать в партию. Писать о том, что израильский сионизм и американский империализм грозят нам; разоблачать людей, ведущих антиобщественный образ жизни и т.п. - заниматься такой мерзостью я считал для себя невозможным.

Я пришел в журналистику, когда она начала меняться и эти суровые правила начали отступать. Там было еще очень много и внешней цензуры, и внутренней, я все это прекрасно понимал. Потом довольно долго я был ультрадемократическим журналистом. Хотя я же не слепой. Думаю, что и тогда понимал, какая шпана наши министры-капиталисты, все эти святые демократы, но, тем не менее, писал о них в ином ключе. Я, может быть, их не хвалил так уж особенно, хотя и это было, но главным образом я активно нападаю на их противников. Я и сейчас так же думаю о том, как я писал об их противниках. Но, как известно, полуправда - это та же ложь. То есть я сознательно шел на полуправду. Если ты ругаешь, допустим, коммунистов тех, кто рядом с ними, и помалкиваешь о господах чубайсах, то, естественно, получается перекосяк, сознательный перекосяк, отчасти из соображений чисто утилитарных, отчасти из соображений идеологических - надо помочь “правому делу” и так далее, и так далее.

Авторы проекта спрашивают: можно ли сказать, что поработав немножко и в советской журналистике, на ее излете, и в самом начале демократической журналистики, я фактически пережил смену профессиональной миссии? Сказать именно так было бы слишком громко. Я бы сказал, что в девяностом-девяносто первом годах было революционное время. Журналисты - люди нервные, и те, кто этот огонь раздували и те, кто около него грелись - актеры, актеры, которые сами влюбляются в свой спектакль. Тогда, конечно, было ощущение, что есть какая-то миссия, хотя в чем она заключалась было мало понятно. “Ура, мы ломим, гнутя шведы”; “Врангель еще жив, добей его беспощадно!” - примерно так это выглядело. Потом, когда революционный период кончился - 92-ой - 93-ий годы, это настроение начало довольно быстро спадать.

Скептически оценивая понятие “миссия”, я не считаю пустыми слова “профессиональное призвание”. Полагаю, что мое профессиональное призвание – быть журналистом. Может быть, по своим задаткам, способностям я предпочел бы быть академическим ученым, но ... чего нет, того нет. И журналистика действительно профессия для меня. Думаю, что я хороший журналист, наверное, не очень хороший - нового слова в своей профессии я не сказал, но, считаю, что вхожу в довольно узкий круг хороших профессиональных журналистов нашей страны.

Я журналист специфический - колумнист. Большую долю удовольствия от профессии я никогда не имел: не ездил в “горячие точки” - говорят, это очень возбуждает, очень стимулирует; не проводил расследований (так называемых расследований, ибо у нас нет расследований, но есть все-таки элемент какого-то риска, какой-то игры, есть в этом свой азарт). Всего этого я был лишен. Что мне нравилось и нравится в работе - это играть со словами, нравится сам процесс написания текста. Но иногда нравится возбудить в себе искусственно или усилить и выразить какие-то чувства, обычно отрицательные, потому что журналистика, если это не некролог, это всегда отрицательные слова. Излив желчи, сарказма, раздражения и так далее. Вот это нравится. Ну и бытовая часть - неплохо платят, платили во всяком случае, непыльная работа, сидишь дома.

4. Применительно к себе формулу Вебера о двух типах отношения к профессии я отчасти принимаю, отчасти - нет. Что такое именно жить за счет профессии? Это когда делаешь заказные статьи, когда тебе платят деньги за то, что ты пишешь нужное заказчику, - рекламные, коммерческие, политические тексты. Я такого рода работой очень долго занимался. Но сам никогда подобные тексты не писал, не мог себя заставить; организовывал - да, сколько угодно: пробивал, договаривался и прочее, и прочее, а сам - нет. Противно, брезгливо, трудно, не интересно, муторно и прочее. И уж тем более не стал бы подписываться своим именем, потому что именем дорожу. Говорю об этом без пафоса, просто неприятно, когда под каким-то “г...” стоит моя фамилия. Один раз был такой случай – и я зарекся, с тех пор больше в эти игры не играю.

Служение в профессии? Журналисты, которые ездят в опасные места и действительно рискуют жизнью, конечно, получают много денег, но, думаю, у многих из них есть и такой мотив, как говорить правду, добыть информацию и прочее. Эти люди на самом деле считают, что рискуют собой не только за деньги и не только ради известности, но и затем, чтобы исполнять свою профессиональную миссию, свой профессиональный долг. В этом смысле у них как раз служение профессии.

Как еще можно понимать “служение в профессии”? Не обязательно ты открываешь новые приемы в самой журналистике, но всегда стараешься писать как можно лучше. Пример из своей практики. В газете “Сегодня” был безобразный набор, просто безобразный, перевернули слова: допустим, пишешь “не хотел”, они набирают - “хотел”, опускали кавычки и т.д. Когда я читал в таком виде свои тексты, доходил до исступления. Хотя, опять же из своей практики, знаю, что ни один читатель этого не замечает. Но я-то замечаю. Моя зарплата от этого не меняется, моя репутация от этого не меняется, мнение читателей не меняется. Но меня это доводило просто до исступления. Это, мне кажется, и есть, так сказать, фимиам на алтарь бога профессии: когда я видел, что мои тексты искажены, это был грех только по отношению к божеству самой профессии - читатель “проглатывал” это не глядя, не замечая. Вот вам чистый случай, когда за профессию обидно, за державу обидно.

Бывало, напишу текст и потом еще вечером перезваниваю в редакцию, вношу какие-то исправления, дополнения, хотя не только, опять-таки, в денежном

смысле, но и с точки зрения профессиональной репутации эти три-четыре переставленных слова, одна-две исправленных фразы ничего мне не дают. Ведь я не Лев Толстой, нет у меня таких читателей, которые с лупой будут изучать, что я написал. Но для себя самого или для мирового духа профессии, который во мне сидит, это важно.

5. Тенденция современной журналистики, особенно у участников избирательных кампаний, “сбрасывать ответственность” на владельца СМИ, “заказчиков” – реальность.

Я живу по тем же правилам, поэтому мне трудно что-либо здесь сказать. Я участвовал в десятках кампаний, в том числе и в Тюмени, надеюсь еще поучаствовать, но никогда не подписывал материалы. Все кампании, с моей точки зрения, совершенно одинаковы, все кандидаты одинаково плохи (или одинаково хороши) - разницы между ними никакой не вижу. И ввязываясь в кампанию, я как профессионал меньше всего интересовался моральным обликом тех людей, на которых я буду работать, меня интересовало только одно - платят-не платят. Это, конечно, в чистом виде жизнь за счет профессии. Хотя и внутри этой работы есть свой азарт, свой интерес.

Есть ли у меня еще какие-то моральные ограничения, кроме того, что не ставить фамилию под заказными текстами? Я бы не стал работать на Баркашова, на коммунистов, на Жириновского - они мне противны физиологически. Не стал бы работать на прямых бандитов, про которых точно известно, что они бандиты, что у них руки в крови - сами кого-то убивали, давали лично приказ убивать.

Не бесполезна ли в таком случае всякая этическая работа – в том числе и с журналистами по проблемам профессиональной этики? Не совсем. Дело в том, что законы, как известно, никто и никогда не выполняет. Но сам факт их существования имеет большое значение: собственно, этим человек отличается от животного. Поэтому даже факт существования законов и нормативы, которые реально не выполняются, в том числе, и в сфере профессиональной этики, важен. Обычный человек нарушает заповеди, так жизнь устроена, но это не значит, что заповеди не нужны. Он знает, что нарушает их, и это в некоторой степени его ограничивает, хотя бы во внутреннем плане (а отчасти - и во внешнем).

Проповедничество - в том числе и этическое – это, конечно, работа тоже довольно жульническая, но, вместе с тем, определенный смысл имеющая: в каком-то отношении она все-таки людей ограничивает. Конечно, самое лучшее, когда проповедник сам живет по тем правилам, которые проповедует. Практически ни один журналист, по крайней мере, из известных мне, этой максиме не соответствует.

Трудно представить журналиста, который пишет: “Берите взятки, воруйте, не платите налоги, подлизывайтесь к начальству, будьте конформистами, на одной тусовке говорите одно, на другой другое”. Трудно такого представить, зато очень легко представить журналистов, которые все эти черты обличают (обличают всех, кроме самих себя и своего близкого окружения) и на этом делают свой бизнес. Поэтому журналисты - в той части, в какой они проповедуют, - лицемеры. Но личное лицемерие проповедника все-таки не означает, что сама его проповедь абсолютно бессмысленна, потому что проповедник - это одно, а проповедь - это другое. Идеальный случай, когда перед вами человек, готовый “за базар отвечать”, поступком и своей жизнью подтверждать то, что он проповедует. Но если бы все проповедники были такими, у нас бы, наверное, на весь мир их было три-четыре.

Кстати, Минкин - в некотором смысле эталон журналиста-проповедника, который непрерывно проповедует: он не пишет статей, он пишет проповеди. И они пользуются огромным успехом, хотя все в профессиональном сообществе знают,

что Минкин - один из наиболее аморальных журналистов. Более того, об этом знают даже многие его читатели, потому что слава о его подвигах слишком широко известна. И тем не менее его проповеди пользуются большим успехом и, могут объективно сказать, приносят пользу, как бы сам Минкин ни был не просто далек, а с точностью до наоборот по отношению к своей проповеди.

6. Какие ситуации морального выбора возникают у журналиста, который стремится к профессиональному успеху? Те, о которых я говорил выше. Профессионал и человек, стремящийся к успеху, - это синонимы. Я думаю, что мы об этом все время и говорили в этом интервью.

Подлизываться ли к своему начальству, не обязательно к большому политическому начальству, а к своему, конкретному? Например, я работаю у Гусинского; должен ли я находить двадцать пятый способ обругать Путина так, как надо Гусинскому, т.е. изгибаться вместе с линией партии? Просчитывать ли момент, когда надо предать свою партию и перепрыгнуть в другую, потому что все партии обваливаются довольно быстро и надо угадать - вчера бежать было рано, а завтра будет поздно? Или так: если ты занимаешься проповедями, не следует ли тебе знать, что можно проповедовать сегодня, что вчера? Масса наших коллег позавчера проповедовали общечеловеческие ценности, вчера - западные, сегодня проповедуют патриотические ценности, завтра будут проповедовать магомедтанские ценности. Это то же самое, что извиваться вместе с линией партии.

Авторы проекта спрашивают: обречен ли человек, стремящийся к успеху, в данном случае журналист, на то, чтобы все время нарушать моральные нормы? Правда ли, что чистыми руками успех не сделать? Я вижу в этом вопросе максимализм: мораль - не мораль. Вот работа автора проекта о журналисте как субъекте морального выбора. Она моральна? Да, моральна, довольно полезна. Это аморально? Да, аморально, ибо вы "мечите бисер перед свиньями" и мечите его отнюдь не бесплатно. Я очень люблю высказывание в "Пигмалионе" Шоу, там отец Элизы Дулитл приходит к профессору Хиггинсу и рассказывает ему о своей морали. Пораженный этим рассказом, Хиггинс говорит: "Послушайте, так кто же вы: жулик или честный человек?". На что тот отвечает замечательными словами: "Как и все мы, сэр, немного то, немного другое. Как и все мы". Поэтому нет людей, с моей точки зрения, абсолютно моральных, и, я думаю, довольно редко встречаются люди абсолютно аморальные. Говорят, что Чубайс, прославлен своим демонстративным цинизмом, демонстративной готовностью на все. Но, говорят, поскреби даже самого Чубайса и глубоко в недрах его светлой демократической души ты найдешь такую комнатку, где в уголке висит засиженный мухами портрет Окуджавы, сломанная засохшая ветка сирени и гитара - "возьмемся за руки друзья". Даже он на каком-то этапе говорит себе: "А все-таки это не только ради денег, не только ради власти, не только ради того-сего, пятого - сорокового, а ради "возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке". Что это значит? Может быть, для него именно это и ничего не значит, но какое-то моральное самооправдание есть даже у такого человека. Да что Чубайс, я думаю, что даже у Ленина оно было. Вы не найдете человека абсолютно следующего принципу "я отрицаю все".

Весь вопрос в степени. Журналисты, которых я знаю, как правило, неплохие в личном моральном плане люди, как говорится, люди как люди, обыкновенные. Обыкновенные, более или менее интеллигентные люди, на особые гадости по отношению друг к другу просто так не идут. Даже на особые гадости в профессии не идут. Есть, конечно, отморозки типа Хинштейна, Доренко (классический пример,) которые получают наслаждение, топча ногами другого человека, просто втапывая его. Большинство журналистов от этого никакого удовольствия не получают и на такие задания не идут. Они не информационные киллеры - обычные

люди. Да, конформисты, да, налоги не платят, если это можно считать аморальным поступком, да, считают все время. Да, подвержены моде. Сами создают моду и сами ей подвержены - это обычные человеческие черты.

7. В предложенной для комментария ситуации полемики Немцова и Альбац надо учесть некоторые обстоятельства. Подтекст позиции Немцова в том, что он - личный приятель Коха и личный близкий друг Потанина, а Потанин просто ближайший друг Коха. Если же отбросить особенности личных дружеских связей Немцова и то, что Альбац - просто нервная дама, что очевидно для всех, кто смотрит телевизор, то жизнь разрешила этот вопрос.

Все забастовки журналистов НТВ кончились пшиком. Наиболее яростные крикуны типа Диброва, сбежали с НТВ, перешли - за деньги - на ОРТ. Насколько я знаю, даже Шендерович, который кажется более рефлексирующим и более честным человеком, тоже будто бы “послал” Гусинского. По крайней мере, я читал в статье Максима Соколова цитату из Шендеровича, сказавшего, что Гусинский - это обыкновенный фарцовщик и так далее. Кстати, очень мило, но ты вовремя об этом вспомнил: о чем же ты раньше думал? Поэтому с точки зрения правоты-неправоты спорящих о том, уйти или остаться на НТВ при новом хозяине, тут даже и говорить не о чем. Вся эта забастовочная история кончилась ничем.

Если все же говорить о моральных уроках ситуации с НТВ, то проблема там была в другом. НТВ действительно особый коллектив, где много ребят, насколько я знаю, пришли прямо со студенческой скамьи, азы профессии они изучали под Киселевым. НТВ дало им все: положение, деньги, квартиры, известность, умение работать, ощущение своей причастности, безопасность (я перечисляю как попало, ранжировать можно как угодно). Это был замкнутый коллектив, семья, и конечно им было жутко, страшно, когда на них давили, они хотели остаться своей семьей. Это в каком-то смысле процесс взросления, если хотите, процесс перехода от юности к зрелости.

Некоторым из них было действительно морально больно: как артистам в театре, к которым приходит режиссер со стороны и грубо разрушает сложившийся мир. Естественно, что люди отчаянно сопротивляются. Вот эта живая боль там была. Но на нее были накручены огромные возы демагогии.

Вполне понимаю встречный вопрос: не может ли тот, кто прочитает это суждение, сказать то же самое и про меня, про в той ситуации, которую я описал вначале в связи с закрытием газеты “Сегодня”, - никакой проблемы морального выбора самом деле у Радзиховского нет, нет моральной проблемы “переходить ли в новые “Итоги” или не переходить”; у него такой скорее психологический дискомфорт.

Еще раз могу сказать: я не знаю, что такое моральный выбор. Эту тему задали авторы проекта. Если речь идет лично о моей ситуации, то это “и хочется, и колется, и мама не велит”. Мне хочется иметь стабильную работу, стабильную зарплату, хочется работать с людьми, которые мне симпатичны, хочется выражать себя и писать то, что я умею и люблю. Вот что мне хочется в любом случае, будь то “Итоги”, “Сегодня”, “Позавчера” и так далее. Вот мой выбор, моральный он или не моральный – не знаю.

А.К. Симонов

“...МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР ОЩУЩАЮ ЗАГРИВКОМ, КАК ВОЛК - ОПАСНОСТЬ”

1-2. Все-таки я – не журналист. Скорее я сегодня – человек без профессии. Мои обязательства перед обществом иного свойства. И потому моральный выбор личностный и моральный выбор профессиональный для меня в принципе одно и

то же. Но журналистика – особая профессия, сродни солдатской, в ней эти два выбора, как мне кажется, рознятся.

Приведу пример. На одной из конференций мне довелось выступать вместе с известным южноафриканским журналистом. Он рассказал, что только несколько лет спустя узнал, как начались и велись первое время переговоры между заключенным в тюрьму лидером АНК Нельсоном Манделой и белым правительством тогдашней ЮАР, как под страшным секретом, под колпаком всех мыслимых спецслужб, Манделу вывозили из тюрьмы на острове или прилетали туда на вертолете тогдашние деятели правительства апартеида, чтобы проложить тропу для мирного процесса перехода от черно-белой ненависти к балансу интересов всего населения страны.

Он рассказывал об этом, одобряя спецслужбы за то, что сумели сохранить эти, не один месяц длившиеся, переговоры в тайне. В итоге это помогло совершить бескровный переход власти от белого меньшинства к черному большинству.

- А если бы вы узнали об этих переговорах тогда? – спросил я.

- Сообщил бы своим читателям немедленно, - без тени сомнения ответил он, только что восхищавшийся мирным исходом этих событий.

По личной морали он мог бы стать виновником жесточайшего кровопролития на своей родине. Как журналист - он бы исполнил свой профессиональный долг.

Как профессионалу, мне, пожалуй, легче развести понятия “моральный выбор личности” и “моральный выбор профессионала” применительно к кинопроизводству, поэтому, отвечая на заковыристые вопросы авторов проекта, я буду апеллировать к опыту этой своей, уже бывшей, режиссерской профессии.

Моральный выбор ощущаю загривком, как волк – опасность. И редко заставляю себя разобраться в природе исходных ощущений. Совершаю выбор чаще всего интуитивно, хотя то, что это момент выбора, знаю, не обманываюсь практически никогда и не пытаюсь его избежать. В смысле морали “хорошо” и “плохо”, видимо, записано у меня, коль я не верю в Бога, в каких-то специальных генах. А потому и “бремя выбора”, и “счастье выбора” для меня более или менее пустой звук. Мне понятнее счастье уже совершенного выбора, которое сродни ощущению после прыжка на тротуар из-под колес внезапно появившейся невесты откуда машины.

В профессии же этот выбор куда более очевиден, ощутим, явственен. Например, ребенок должен в кадре заплакать, зайти в рыданиях. Выбор средств в пределах очевидной задачи. Можно ли, например, для этого оторвать перед самым его носом голову у его любимой птички? (Между прочим, это – пример из жизни. Слава богу, не моей). Поэтому допускаю, что у каждой профессии моральный выбор свой, связанный с профессиональной задачей и профессиональными обстоятельствами, а, следовательно, его легче сформулировать и даже структурировать.

3. Отсюда впрямую следует положительный ответ на третий вопрос. Да, выбирая профессию, ты принимаешь определенные правила игры. К сожалению, на ранних этапах, если человек учится профессии в юности, а не приходит в нее из других профессий (что в журналистике, как и в режиссуре, случается часто), выбор в лучшем случае сопровождается благими намерениями, вытекающими из достаточно туманных представлений о профессии. Как правило, проблема морального выбора встает при первом столкновении с отрицательными аспектами профессии, и только тогда, задним числом – и то не все – осознают, что за счет благоприобретенных общих моральных правил они уже не один раз успешно проскочили морально-профессиональный момент выбора.

Вернусь к примеру с птичкой. Работе с актером учат по системе Станиславского. Но ведь Станиславский не работал с детьми. До поры до времени можно работать с актером “по стандартам профессии”. Нестандартность задачи, выход ее за привычные рамки, ставят человека в ситуацию, когда чисто профессиональный навык не срабатывает или не подходит. Профессиональная мораль и набивается, как мозоль, на таких ситуациях – с необходимостью выбора, неизбежностью его, совершением выбора и осмыслением его последствий.

4. Я не верю в служение профессии как таковой. Служение ей возможно, разумеется, но оно дается уже битому и тертому, прошедшему все искусства служения внутри профессии: служения учителю, редактору, своей команде, идее, миссии. Если, пройдя через все это, не скурвился, что случается нечасто, у тебя оттачивается нюх на мораль служения профессии как таковой. Конечно, бывает, что одновременно отрабатываются защитные рефлексy, охраняющие от выбора или меняющие Сциллу и Харибду местами (что позволяет умелому утверждать, что это – абсолютно новая моральная ситуация).

Вспомните, кто был образцом профессиональной морали в журналистике конца 60-х? Аграновский-старший. А брежневское “г...” кто писал? Он же. Ну, и? Ведь действительно не каждый удостоивался чести писать воспоминания за главу государства. Если отвлечься от конкретики времени, можно было бы просто отказать этому журналисту в наличии у него всякой моральности. Ведь он – даже тогда – не был лишен возможности выбора. То есть грешил по собственному желанию, а не только по обстоятельствам жизни. А за пределами этого искусства был, и правда, образцом высокой профессиональности. И морали?

Профессиональная мораль – это одна из гирь на весах человеческой совести, важная, но далеко не единственная, поэтому надо быть крайне осторожным с формулировками, чтобы никто не принял ее за сами весы.

Вопросы же: кому ты служишь – хозяину, идее, миссии, редколлегии – бессмысленны в стране, где все журналисты служили партии и некоторые ухитрялись это скрывать даже от самих себя. Что морально: знать, что ты – ссученный и, не питая иллюзий, делать что можешь для себя, товарищей, читателей, или и по сей день считать, что все твои памятные успехи, звания и награды справедливы и произошли от непорочного зачатия?

Кстати, вопрос о моральной самооценке себя в прошлом имеет к настоящему куда большее отношение, чем кажется. Это ведь моральный выбор тех, кто учит новое поколение журналистов. Одно дело: я не смог – попробуй ты! Другое: делай, как я! Большая разница. Даже две.

5. Верность долгу – моральная западня, если под долгом понимать нечто более существенное, чем простую человеческую ответственность за то, чтобы оставаться человеком. Сколько же их было, начиная с пионерской клятвы, – долг перед родиной, партией, народом, классом, нацией, родным городом и т.д. и т.п.

Для меня, безусловно, ответственность “за что-то” несравненно выше ответственности “перед кем-то”. Сделал – за это отвечаю. На том стою.

6. Успех – штука лукавая. Как сказано у Давида Самойлова – “... хочется и успеха. Но – на хорошем поприще”. Все-таки самый высший успех, это “Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!”, когда чувствуешь, что выдал на-гора нечто действительно стоящее. И к этому успеху моральную оценку приложить трудно, разве что бесталаннейший дурак, по примеру классика, пускает радостные слюни по поводу того, как удачно у него срифмовались “папа-мама”. Но и тут это не вопрос морали, а вопрос уровня ума и таланта.

А вот эксплуатация успеха – это да, моральная проблема. Я когда-то написал Жене Киселеву, что как человек он может на меня обидеться, но как профессионал должен же понимать, что нельзя добиться сочувствия даже от своих пре-

данных зрителей, если на сообщение “Киселев сломал ногу” полстраны откликнется вопросом “Кому?”. Киселев, надо отдать ему должное, оказался выше обиды, но изменить имидж уже не мог – успех отлил его в бронзе. Чем это кончилось – известно. И это – результат заслуженного успеха, не вшивого, скандально-грязного.

А поскольку признание выражается отнюдь не только в обожании, уважении, преклонении, но и в зависти; не только в аплодисментах, но и в освистывании, легко подменить одно другим и, подменив, и ориентироваться в основном на зависть и на свист.

Скажем, успех очень талантливого шоумена Фоменко базировался и на том, как беспардонно и бессердечно обходился он с человеческим материалом своих теле- и радио шоу. На чем это держалось? Да на том, что для его жертв участие в такой передаче уже было незабываемым жизненным “успехом”. Вот ведь какой парадокс.

7. Полемики Немцов-Альбац не смотрел, не слышал. А вот насчет “психодрамы НТВ” готов поразмышлять. Для начала несколько очевидных моралите.

Не бери в долг, если не можешь отдать вовремя.

Не открывай ногой двери власти. Особенно, если руки заняты. Захлопываясь, двери могут съездить тебя по физиономии.

Куй железо пока горячо. Но не делай этого на двух наковальнях сразу.

Верность нельзя поддерживать только ростом зарплаты – это из области менеджерских моралите.

Человек вообще стремится к простоте морального выбора. Простота рождается через образ врага. По отношению к “нашим” действует одна мораль. По отношению к “чужим” – другая. И обе - в силу искусственной полярности ситуации – упрощены, сплющены, одноклеточны. Обратите внимание: вся лучшая литература о войне (Быков, Кондратьев, Гроссман) построена на том, что кажущееся простым и очевидным содрано с ситуации как маска, и вместо однозначного, тупого выражения маски – лицо персонажа или ситуации, тревожно и противоречиво меняющееся выражения. Сотников и Рыбак, Сашка, старые коммунисты у Гроссмана в “Жизни и судьбе” и т.д.

НТВ заигралось во врага – отсюда ухудшение качества не только аналитических, но иногда и информационных передач. Еще Мартынов сказал: “Но уныло это свойство луны быть заметной лишь с одной стороны”.

Ребята из НТВ заигрались и внутри коллектива в казаков-разбойников. Забыли, что и казаками, и разбойниками стали временно. Обратите внимание: как только утряслось с переходом большой группы на ТВ-6, острота противоречий спала, отношения выровнялись, пошла игра по другим правилам, где белыми и красными стали частично казаки, а частично – разбойники, и только будущее покажет, была ли там задействована профессиональная мораль.

Мне представляется, что выбор “уйти или остаться” к профессии отношения по большому счету не имел.

Моральные уроки наша власть, увы, извлекать не умеет. Ибо для власти моральность только чисто случайно может совпасть с целесообразностью – главной движущей силой поведения власти. Оттуда и любимая моя метафора власти – слон в посудной лавке. При самых лучших намерениях – смертельно для посуды.

Профессиональное сообщество может при желании извлечь из истории с НТВ некий моральный урок. И даже не один. Пресса, делающая из оппонента врага, – это не пресса, а орган контрпропаганды. Служить надо все-таки профессии, и выбор места работы, если он возможен, должен определяться максимальной возможностью служить именно профессии. Иначе все станут заложниками кон-

фликта хозяина СМИ и власти. И рано или поздно это за себя отомстит ошибками при решении проблем профессиональной морали.

Вот ведь есть в “МК” заповедник, где в одиночку, – точно и выверенно, абсолютно не совпадая ни с позицией, ни с тоном газеты, живет-работает Юля Калинина. Так что сохраниться можно, надо только быть верным себе и уметь хорошо писать. Или снимать.

Общество профессиональной морали иметь не может, а журналистской – не понимает. Его надо приучать к открытости, толерантности, объективности. Этих примеров “психодрама НТВ” обществу не предоставила. И уроков из них, соответственно, извлечь нельзя. Моральных, разумеется. А так – сколько угодно.

В.Т.Третьяков
“...ВСЕ ДОЛЖНЫ ЭТОТ ВЫБОР ДЕЛАТЬ,
ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ОСТАТЬСЯ В СТОРОНЕ”

1-2. В моей голове образы ситуации морального выбора давно уже не “всплывают” - они там находятся. Так уж получилось (хорошо это или плохо, не знаю), но я постоянно думаю как раз на тему морального выбора в сегодняшней российской действительности. Каждому из нас каждодневно, еженедельно, ежемесячно, в связи с личными делами и с общей ситуацией приходится принимать решения, самому себе давать какие-то рецепты, выставлять моральные оценки - самому себе и для самого себя - по разным конкретным ситуациям. Ситуация с НТВ - наиболее яркая и объемная коллизия, но и без этой ситуации приходится постоянно думать о своем выборе. Коллизий такого рода предостаточно.

Довольно часто журналисты “Независимой газеты” обращаются ко мне как к главному редактору с простым вопросом: “Что делать? Вчера, в такой-то телевизионной комментарийно-новостной программе, таким-то ведущим (это больше относится к ведущим, которые раньше назывались дикторами, к тем, кто зачитывает новостные сводки, “прокладывая” их какими-то своими словами, и в меньшей степени - к ведущим аналитических программ, которые все-таки работают над текстами, сами – не сами, это другой вопрос) из моей статьи был зачитан целый кусок, просто один к одному, без всяких ссылок ни на газету, ни на автора, а как собственный текст”. Что я им говорю?

Говорю о вариантах выбора. “Если вы зафиксировали это на пленку (а скорее всего не сделали этого), если знаете, что за этим телеведущим такое водится постоянно, если накопилось несколько подобных фактов, зафиксированных документально, (ибо в телекомпании, куда обратимся, естественно, не дадут своих пленок), если достаточно обозлились - подавайте в суд.

Но если такого документального подтверждения нет, то может быть примите это как данность современной тележурналистики? Данность, не всегда связанную с любителями плагиата, а, скорее, с технологией, неприятной для нас, но существующей как данность тележурналистики комментарийного типа. Редактор передачи дает ведущему кучу вырезок по определенной теме. Естественно, больше всего его привлекают те газеты, где эта тема изложена фундаментальной, оригинальной. У нас это особенно часто случается с тематикой СНГ, так как “Независимая газета” на несколько корпусов обходит здесь другие издания. Естественно, редактор или сам телекомментатор многое отбрасывает, а все, что важно, подчеркивается, вырезается, склеивается, добавляется несколько своих фраз и зачитывается.

Это плохо, по сути, это плагиат, но зафиксировать его довольно трудно. Так поступать нельзя, но такова сегодня технология работы телевидения. Кстати, в этом есть и позитивная сторона – если выбрали цитату из вашей статьи, значит

это лучшее, что есть на сегодняшний день по данной теме. Это своеобразная оценка вашего труда.

А теперь ваш моральный выбор, то, что ты сам решишь делать.

Еще одна типичная для меня ситуация выбора. Из всех форм скрытой цензуры, того, что в общем-то и цензурой нельзя назвать, но существует как эффективное давление - являются не деньги, не приказы начальства (если оно есть, или кого-то, кто может представляться начальством из Кремля или от губернатора), а то, что я называю цензурой дружбы, или дружеской цензурой. Когда человек, которого я уважаю, хорошо мне известный, авторитетный и в моральном смысле - насколько может быть моральным политик (политика и мораль - это довольно разные вещи) - звонит мне: "Скоро будет такая-то тема раскручиваться, можно, чтоб у тебя в газете этого не было? Если ты мой друг".

Такое бывает довольно часто, потому что у меня обширнейший круг знакомых и друзей в политике. Частенько обращаются с такими просьбами люди, от которых я совершенно не завишу (только дружеские обязанности). Максимум, что будет, если я их просьбу не выполню, - станут со мной сухо разговаривать, не будут вдаваться в какие-то откровенности, иногда, кстати, довольно значимые, потому что откровения политика журналисту дают очень многое. Ну, перестанут читать "Независимую газету", не будут на нее подписываться. Это часто происходит - через некоторое время. Но отказывать тяжело, просто крайне тяжело. Стоишь перед выбором: формально, юридически ты не должен прислушиваться к этой просьбе, и как только такой разговор заводится - надо сказать (как показывают в кино), что это нарушение первой поправки, или того, что ей аналогично в российской ситуации, отказаться говорить на эту тему и вообще - "забудь мой номер телефона...".

Но в реальной жизни так не бывает, отказать неудобно. Есть и определенные политические резоны, но не выполнить просьбу друга и разрушить, как бы из-за ерунды, добрые отношения с хорошим человеком - это тоже аморально. И аморально прислушаться к его просьбе. Вот и приходится делать выбор. Иногда я выполняю эти просьбы, иногда нет - зависит от ситуации.

3. Никакого особого морального выбора молодой человек, который решает прийти в газету, на телевидение или поступить на факультет журналистики, конечно, не делает. Его манит профессия, но не тем, что она самая моральная. Тем более, что он мало что знает об этой профессии.

В то же время в самой профессии возникают совершенно новые моральные проблемы, которые у многих профессий отсутствуют. И самое печальное, что до сих пор абсолютное большинство самих журналистов, по крайней мере в своих выступлениях перед другими людьми и перед коллегами, по-прежнему не трезво, не корректно оценивают то, чем они занимаются.

Я утверждаю совершенно сознательно, что сегодня журналистика объективно - помимо желания и воли отдельных журналистов, руководителей СМИ, политиков - призвана выполнять, выполняет (и не может от этого отказаться) четыре функции, которые, собственно, и делают журналистику особым социальным и профессиональным институтом.

Первая функция - объективное информирование общества о происходящем. Это то, что красиво звучит, чему все радуются, на что с удовольствием ссылаются.

Вторая функция - комментирование событий. Здесь уже возникают некоторые коллизии, в том числе и моральные. Кто объективно информирует? Информационное агентство. Случилось то-то, то-то. Как только появляется первая строчка комментария, пусть этот оценка: "на президенте Путине красиво сидел пиджак"

или наоборот "пиджак сидел на нем мешковато" - все, началась субъективность. Но комментирование – признанная задача журналистики.

И есть еще две функции, которые одновременно выполняются одним и тем же СМИ, а часто одним и тем же журналистом и, по сути, находятся в прямом противоречии друг с другом – функционально, а, следовательно, и морально: человек должен раздваиваться, а это ситуация морального выбора.

Итак, третья функция. В нынешних условиях, когда в нашей стране действует демократический процесс определения состава властных институтов через выборы, обычный человек и даже масса людей могут повлиять на выбор президента и Думы лишь раз в четыре года. Проголосовал - и все. Что еще в твоих силах? Как ты, обычный человек, еще можешь повлиять на Путина, на Думу, на своего депутата, кроме как проголосовав раз в четыре года? Выйти на забастовку, на митинг, на демонстрацию? Ну, вышел, постоял с плакатом, заметили - не заметили, чаще всего это не эффективно. Тогда как? Только через прессу, только через СМИ.

Журналисты являются перед властью представителями массы избирателей, так называемого гражданского общества. Именно через них доносится до власти голос гражданского общества и миллионов избирателей. И это хорошо: так общество корректирует действие власти в промежутке между выборами. Журналисты понимают свою миссию: именно поэтому они и значимы. Занимаясь, казалось бы, простым делом - увидеть что случилось, записать, поместить в газете, донести через этот производственный процесс мнение миллионов людей до Путина, до депутатов, - в этом смысле СМИ является четвертой властью. И здесь нет предмета для дискуссий. Однако журналисты часто - и сознательно - выдают свой голос или голос "своего" меньшинства за голос большинства.

Четвертая функция имманентно свойственна журналистике и отказаться от нее нельзя. В современном информационном обществе, с нынешней политической системой и открытостью общества, СМИ, безусловно, являются инструментом влияния власти на общество, и не только влияния, но и манипулирования - худшей формы влияния.

Мощнее всего эта функция реализуется через телевидение, меньше это касается газет, оттого-то в них больше плюрализма. Но даже в газете в предвыборный период мы видим, как теряется объективность журналиста, которого еще вчера считали пределом объективности, идеалом объективности, образцом объективности. Обычно при этом обвиняют в грехе одного Доренко. Да не один он такой, просто Доренко был поставлен в центр кампании, в самую сильную ее точку и у него самый длинный рычаг, которым можно было поднять сто миллионов избирателей. А у корреспондента программы "Времечко" рычаг, который может поднять сто тысяч избирателей, у журналиста газеты - две тысячи избирателей. Но окажись ты со всеми своими принципами на месте Доренко, что бы ты говорил? Может быть, в иных формах, но не уверен, что по сути не одно и то же.

Если честно оцениваешь свою профессию, а это крайне важно для того, чтобы преуспеть в этой профессии, ты должен видеть ее сильные и слабые стороны. Журналистике сегодня нельзя отречься от имманентно приданной ей нынешней общественной системой - во всем мире, не только в России - четвертой функции, функции манипулирования от имени власти или от имени той группы, которая владеет твоим СМИ, манипулировать целыми социальными слоями, иногда - огромными общественными массами.

Моральный выбор возможен тогда, когда знаешь, между чем и чем выбираешь. Если ты не знаешь, что здесь есть выбор, то действуешь по наитию, как животное, пусть социальное животное. Когда знаешь, что это функция журналистской профессии и ты не можешь от нее отказаться, не можешь найти себе такую

нишу в журналистике, где с этим не придется столкнуться - потому что такова сегодня журналистика как социальный институт, а не потому что есть Березовский, Гусинский, Путин, Доренко, - тогда ты принимаешь моральное решение. Вообще не хочешь в этом участвовать? Тогда найди такое место, где это будет возможным, но если ты более или менее интересуешься и увлекаешься политикой как таковой, тебе это не удастся.

Но как сделать моральный выбор, зная, что есть этот существенный минус – четвертая функция. Взять отпуск на период предвыборной компании? Но информационные войны случались и без них. Сегодня взять отпуск, завтра взять отпуск? Это не выход. Да тебя просто выгонят с работы. Все должны этот выбор делать. Сознательно, взвешенно, зная, между чем и чем ты выбираешь. Но чаще всего делают выбор, который я называю аморальным. Люди просто закрывают на это глаза: “этого нет, это делают только подкупленные журналисты, но не мы”. И все-таки делают, и все-таки их подкупают - не обязательно чистоганом, разработана масса всяких способов.

Трезвый выбор - морален, а просто закрыть глаза на реальность, сидеть у экрана телевизора, смеяться над Доренко: "смотрите, какой он плохой, а я вот такой хороший" - это обман других и себя, это полная аморальность.

В 18-ом веке, когда собственно журналистика и возникла как новый социальный институт, были публицисты, начиная от Свифта, которые имели весомое влияние, иногда даже очень сильное. Но нельзя было сказать, что с помощью Свифта, английских газет воспроизводилась или, наоборот, трансформировалась политическая ситуация Великобритании. Но уже в 19-ом веке СМИ оказывали на политику громадное влияние, в том числе и при голосовании на выборах. Но это просто не сравнимо с тем, что сейчас делает телевидение. Именно во второй половине 20-го века, с возникновением телевидения, появилась четвертая функция журналистики.

И нужно в этом признаться, нужно писать об этом учебниках и говорить на собеседованиях с будущими журналистами, а не пудрить мозги только замечательными фразами о свободе слова и об отсутствии цензуры. Нужно говорить правду о профессии. Вот тогда, возможно, молодые люди будут делать моральный выбор, решая, сдавать документы на журфак или не сдавать.

Известно же, что ни один главный редактор не спросит поступающего на работу, готов ли он к тому, что есть такая четвертая функция СМИ. В лучшем случае - скажет о каких-то тяготах работы, проверит, как человек пишет, грамотно или не грамотно, и скажет, что их СМИ уважаемое, а они самые честные и пишут объективнее других. Нечестная, аморальная позиция. Я лично об этом говорю открыто.

4. Как и другие классические формулы, альтернативы Вебера подходят не исчерпывающе, но сущность во многом схватывают. Например, большинство артистов “живут за счет профессии”, а не “служат профессии”, в том числе и многие очень известные, очень талантливые. По известной формуле: до 50 лет ты работаешь на имя, а после пятидесяти имя работает на тебя. Я знаю таких людей, они мастеровиты, ремесленники высочайшего класса: им не составляет труда сыграть роль и подлеца, и наглеца, и хорошего человека с равной убедительностью. Навык, ремесло - отношения к внутренней морали эти качества у данного человека чаще всего не имеют.

Разумеется, чтобы руководствоваться принципами, навязывать их, нужно преуспевать в своей профессии. Даже если ты принципиальный человек, но ничего не умеешь в профессии, к тебе никто не будет прислушиваться: "Сам не умеешь написать заметку, а говоришь другому “ не честно пишешь”. А твою вообще

не читают, у тебя одни ошибки, научись сначала писать". Преуспевание в овладении профессией, безусловно, необходимо.

Большинство "живут за счет", а "служит в профессии" меньшинство, но те, кто "служит", как правило, более способные, более преуспевающие. Служение же есть некое подвижничество, это следование принципам, не важно в данном случае каким конкретно, с отказом от чего-то, что дает простая "жизнь за счет". Например, когда журналист выбирает из двух рабочих мест не то, где больше зарплата, а то, где он может свободнее высказываться.

Это предмет выбора, но не только морального. Если у тебя пять детей и ты со всеми своими принципами уходишь туда, где меньше свободы слова, зато больше платят, я не знаю, аморальный ли это выбор. (Конечно, есть граница, например, тебе придется прославлять фашистов. Но это некая крайность, отбросим ее). Иметь возможность свободно высказываться о политике президента Путина (или Ельцина, не важно, или любого другого) при том, что твои пятеро детей будут голодать. Это морально? Я не решусь сказать, что этот человек поступает аморально. Из "Независимой газеты" очень многие уходили по одной единственной причине – мало платят, их переманивали большей зарплатой. И уйдя, они продолжали говорить, что самая свободная газета – именно "Независимая", но не могут в нее вернуться, потому что там мало платят. И я не об одном из них по этому поводу никогда не сказал - ни публично, ни за глаза - ничего плохого. Когда нужно кормить семью, то у нормального человека чаще всего отходят на задний план революции, контрреволюции, демократии и все остальное. И я считаю это одной из фундаментальных моральных обязанностей человека.

При этом хорошо бы еще и в остальном не расходиться с моралью. Но человек не волен каждый раз решать эту проблему идеальным образом. Чаще всего она решается на альтернативном уровне: либо одно, либо другое. О таких, кому удастся и то, и то, всегда говорят, что это аморальные люди, но тот, кто делает какой-то моральный выбор, часто проигрывает в другом.

6. Журналистов в стране сотни тысяч, а публика знает наперечет десяток телевизионных журналистов и с трудом назовут пять пишущих, тех, кто известен в российских масштабах. А что значит, когда тебя знают по имени? Значит, что ты преуспел в профессии. Но это же всего пятнадцать человек на триста тысяч российских журналистов! А остальные как себя ощущают? Остальные стремятся к этому. В журналистике нельзя быть не амбициозным человеком.

Вообще все люди в той или иной степени амбициозны, мало кому до "фени" его карьерный рост. Но в искусстве, в журналистике, в политике это качество входит в число профессиональных. Неамбициозному политику, не мечтающему стать президентом, министром или хотя бы депутатом Думы, нечего делать в политике. Он проиграет на первом же митинге, при первом же голосовании – при всех других своих позитивных качествах. И даже если его изберут, он провалится потом в самой Думе, просто не сумеет работать. А амбициозность предполагает соревнование. В этом смысле самым ярким показателем является спорт. Спорт - это концентрация всего того, что есть конкуренция. Но вот тут-то и возникают проблемы морального выбора.

Беговая дорожка, стометровка, олимпийские игры, бегут шесть человек. Скажите мне, пожалуйста, хоть один телевизионный спортивный комментатор (на западе, на востоке, на севере, на юге, при капитализме, при социализме, при демократии, при анархии, при диктатуре) будет говорить: спортсмен такой-то бежит шестым, но вы знаете, какой это хороший человек, это человек высочайших моральных принципов. И поэтому вы не должны смотреть на этих первых пятерых, ибо вот он, настоящий герой нашего времени, нашего спорта. Абсурд, да такого обозревателя просто выгонят с работы. В спорте кто первый прибежал, тот и по-

бедитель, в этом его профессия. И никого не волнует, что при этом он, может быть, бьет жену каждый день или обижает детей. Больше того, и телезрители возмутятся, если им будут рассказывать, как спортсмен пьет чай со старушками и переводит их через дорогу. Абсурдно. Важно то, кто первым пришел. Пока ты бежишь по дорожке, никого не интересует - морален ли ты по отношению к другим людям. Твоя задача – победить. И только по этому тебя оценивают.

В подобной ситуации находится и журналист, и если он и не понимает, то чувствуют, что от него ждут, чтобы он был первым, самым умным, самым замечательным телеведущим, с самым высоким рейтингом, с самыми читаемыми статьями. Если у тебя первое место в рейтинге, тебя читают в Кремле, политики прислушиваются к твоему мнению, то твоему главному редактору безразлично - морален ты или аморален. Он не может потерять “спортсмена номер один” для того, чтобы взять спортсмена номер пять с высокими моральными принципами.

И журналист с высоким рейтингом сам себя начинает прощать, оправдывая это тем, что он же первый в этой профессии, он же лучший. А у политиков разве не то же самое? “Победителей не судят” - это лозунг из сферы войны, политики, искусства. И журналистики. Всюду, где есть соревнования, действует этот алгоритм. Он вращается в профессию. Поэтому очень важно, чтобы журналист сам решил, насколько ему этот подход позволителен.

При этом ситуация “звездной болезни” в журналистике опасна не тем, что она возвеличивает людей менее моральных над более моральными, а тем, что когда человек оказывается на первом месте, обгоняя других, его за это ценят, ему за это аплодируют, ему за это платят - он начинает третировать высокие моральные качества других. “Да какова цена твоих моральных качеств?! Да, ты лучше меня, ты не воруеть скрепки у соседей, но ты со своими моральными принципами не стал первым журналистом, а я клептоман, тяну их по одной, ну и что? Меня показывают по телевизору, а ты сидишь, кропаешь свои статьи в газетенке тиражом две тысячи экземпляров”.

Такого рода успешный журналист видит причину неудачи коллеги в его моральные принципы: “он потому и неудачник в профессии, что моральный человек. А я потому и победил, что отказался от этих моральных принципов”.

7. Что касается моральных уроков. Так сложилось в обществе, где телевидение во многом подменяет религию, политику, культурную жизнь, что телевизионный ведущий является и моральным авторитетом. И вот эти моральные авторитеты на глазах стали рушиться. Когда это происходит с кумиром, то в душе рушится и многое другое.

И еще одно. Моральный провал компании НТВ состоит в том, что в период борьбы с Кремлем они постарались закольцевать всю команду не только идеологическими, но и моральными обручами. Насколько они были правы политически, идеологически - это другой вопрос, но они еще и наложили на всех единый моральный обруч и сказали, что так и только так будет морально. А это уже совсем абсурдная ситуация.

Идейное единство рядов некой партии (а НТВ выступала как политическая партия), можно сохранить долго. Но заставить всех долгое время жить по единой морали, тем более в нашем сегодняшнем обществе, где вообще ее нет, невозможно. И этот моральный обруч разорвался первым.

Единая мораль вырабатывается столетиями, тысячелетиями. Это не партийная идеология, которую можно сложить за пять лет, поверить в нее и пойти дальше. Нельзя скроить на период борьбы с Кремлем некую особую мораль, которая будет всех держать. Мораль более объемная вещь, чем политика, чем идеология. И моральных типов в реальной жизни гораздо больше, чем полити-

ческих типов – левые, правые, более либерал, менее либерал, фашист, ультра-левый...

Что касается полемики по поводу ситуации выбора “уйти-остаться”. Прежде всего, я в этом вопросе не самый подходящий комментатор. Практически всех людей, во всяком случае наиболее громкие имена, которые были задействованы в коллизии вокруг НТВ (начиная от владельцев Медиа-Моста, его руководителей, политиков, которые высказывались на этот счет, и включая самых известных журналистов компании), я знаю лично, некоторых - очень хорошо. И для меня тексты, произносимые ими в эфире, во многом не совпадали с их принципами и с тем, что собой представляют эти люди в реальной жизни. Кстати, это не является чем-то необычным.. Но некоторые говорили в эфире вещи прямо противоположные их жизненным целям. И не обязательно потому, что они циники, а из-за специфики ситуации. Поэтому абстрагироваться от того, что я знаю этих людей, мне очень тяжело.

Далее. Сегодня общественными ценностями стали комфорт, высокая зарплата и многие аналогичные вещи, которые по моральным нормам советского периода считались не главной ценностью. У одних ценностью было служение коммунизму, у других - некая внутренняя независимость. И мало кто осмелился бы признаться публично (поскольку это было постыдным), что для него цель в жизни - быть богатым, даже просто жить в комфорте. Не говорили об этом советские интеллигенты, не говорили, даже если некоторые из них так думали. Сейчас совершенно свободно, не краснея, не стесняясь, можно сказать, что мы выбрали общество потребления, в котором не только право, но и обязанность быть богатым, потому что это достойно: ты увеличиваешь богатство общества, не висишь у него на шее, общество не должно выделять тебе пособие из госбюджета, ты даже ему помогаешь. Но ради того, чтобы реализовать эту достойную цель, ты всегда должен чем-то поступаться. Например, моралью.

И мало кто в наше время *по этим основаниям* способен на абсолютно принципиальный бескорыстный поступок. Это вообще не очень свойственно людям в обычных житейских ситуациях - принципы играют, как правило, важную роль в экстремальных ситуациях. Потому что есть люди, которые для своих друзей в лепешку расшибутся, просто души, а человека незнакомого с легкостью обманут и не будут испытывать от этого никаких угрызений совести. А большинство нормальных людей не рождены и не призваны быть героями, не рождены и не призваны носить в своей душе десять заповедей или моральный кодекс строителя коммунизма, или моральный кодекс строителя капитализма.

Лично я, зная очень хорошо и Евгению Альбац, и Бориса Немцова, могу оценить, почему один говорил так, а другой иначе. Мне ясно, сколько в этих мотивах личного, принципиального, и сколько - политически-конъюнктурного, в хорошем смысле, связанного с идеологической оценкой данной ситуации и с определенными политическими установками. Поэтому, как в том анекдоте – и ты прав, и ты прав.

И все же тому, кто претендует на какую-то принципиальную позицию в оценке этой коллизии, нужно, прежде чем выдавать на публику свое мнение, хотя бы мысленно проделать такой эксперимент: если бы он со своей оценкой оказался внутри этой коллизии, как бы поступил? Так, как он сейчас сказал, или иначе? Если быть честным перед собой, то в очень многих случаях, я думаю, в большинстве случаев, те, кто выдают определенные рецепты и дают оценки, окажись в данной ситуации, действовали бы не согласно своим рецептам и оценкам, а скорее всего, прямо противоположным образом.

Евгения Альбац очень идейный, идеологически бескомпромиссный человек (я не говорю, что это хорошо или плохо, смотря какая идеология, в одной меня

удовлетворяет как раз компромиссность, а другая даже и бескомпромиссная мне не нужна, лично мне). Борис Немцов, помимо всего прочего, сейчас реальный политик, а в момент кризиса с НТВ в нем боролись разные политические мотивы: претензии на его лидерство в СПС тогда еще не были оформлены - это произошло позже, на съезде. И многое, многое другое. Так что, по-своему, если взять сумму жизненных ситуаций, идей, которые они исповедуют, каждый со своей позиции был прав. Единого взгляда на это, кстати, не может быть.

Часть вторая СЕМИНАР

В.А.Кабакова МЫ ВСЕ ЕЩЕ НА МАРШАХ²

Впервые после семинаров Центра прикладной этики изображение Дон-Кихота на «Тетрадах гуманитарной экспертизы» вызвало у меня чувство безнадежности, которое у многих ассоциируется с этим героем. Несмотря на то, что я считаю донкихотство воплощением целеустремленности и стараюсь помнить слова американского исследователя журналистской этики Б. Ламбета о том, что «всем семинарам, статьям и конференциям, что посвящены этой теме, еще предстоит изменить положение к лучшему», этот семинар показался каким-то недоговоренным, незаконченным. «Стрела, пущенная наугад», с которой Ламбет сравнивает семинары по профессиональной этике для журналистов, похоже, не достигла своей цели.

Первый этап работы семинара предполагал обращение модельной этической комиссии к ситуации на НТВ. Участникам семинара предложили обсудить две точки зрения на этот счет: Бориса Немцова, который считал, что уходить с НТВ не стоит, нужно остаться и работать на зрителя – это основная задача компании; и противоположное мнение Евгении Альбац – остаться на НТВ при новом начальстве – значит, соучаствовать в подлости.

«Какой выбор вам кажется правильным в этой ситуации?» – так сформулировал вопрос ведущий семинара *Владимир Бакштановский*. Мнение журналистов на эту тему можно представить следующим образом.

I. Попытка ответить на вопрос. Суждение *Отто Коха* («Тюменский курьер»), можно сказать, совпало с позицией Немцова. По его мнению, нужно было исходить из презумпции нравственности Йордана и Коха, а не наоборот. «Надо было остаться и работать, - полагает Отто Кох, - а о каждом нарушении свободы слова сообщать общественности через газеты и эфир. Когда ситуация станет невыносимой, вот тогда и хлопнуть дверью».

Юрий Бубнов («Тюменские известия») посчитал, что коллективу НТВ нужно было «смириться с ситуацией»: рынок диктует свои правила.

Екатерина Плетнева (пресс-центр администрации области) оказалась ближе к позиции Евгении Альбац: «Киселев сделал верно, он предвидел, что хозяин будет диктовать ему свои условия, и в этой ситуации сохранить лицо невозможно. Я сама пережила смену руководства. Ни редактор, ни журналисты не смогли отстоять политику своей редакции, потому что решения принимал хозяин».

О том, что журналисты при хозяине оказываются «пешками» говорила и *Галлина Голованова* («Наше время»): "Журналисты ничего не определяют, потому что они не акционеры".

(Когда речь идет о беспомощности журналистов, вспоминаются слова Алексея Симонова - Фонд защиты гласности, - который сравнивает журналиста с работником, написавшим на своей пятке цену себе: "Меньше пяти рублей не будить!")

---

² В «Тетрадах гуманитарной экспертизы» (4) В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов рискнули говорить о Тюменской медиаконвенции как прецеденте польдера – отвоеванной у стихии, защищенной и возделанной медиатерритории. Ю.В. Казаков на семинаре сообщил, что вообще прибрежные участки делятся на две территории, одни называются маршами, а вторые – ваттами. Ватты – это ежедневно заливаемая часть, бесплодное дно. Марши, на которых польдер был образован, - это достаточно узкая часть, которая заливается только время от времени. Мы, тюменские журналисты, на маршах – нас здорово заливает во время выборов кампаний.

По мнению *Татьяны Топорковой* (кафедра журналистики ТГУ), подлостью в ситуации с НТВ можно назвать уход журналистов на ТВ-6: «Ведь энтвэшники в этой ситуации нарушили очень много этических норм и даже те, которые есть в нашей конвенции, наших норм и общепринятых норм. Они подчинили своим корпоративным, своим собственным интересам общественный интерес».

II. О подмене интересов. *Юрий Пахотин* («АиФ в Западной Сибири»): «Свободу слова подменили экономическими интересами». Сергей Фатеев (ТК «Ладья»): «Вместо настоящей борьбы за свободу слова выкинули жупел и хотели всех нас вовлечь в это стадо».

У одного из участников семинара возник вопрос: разве моральный выбор профессионального журналиста диктуется исключительно моральными, а не финансовыми соображениями? На НТВ, по мнению Владимира Зуйкова (ИТАР-ТАСС), каждый определил свой моральный выбор, исходя из материальных интересов.

О других мотивах и критериях морального выбора участники семинара не стали рассуждать. Хотя именно эта ниточка могла их вывести к обсуждению гипотезы проекта – о мировоззренческом ярусе морального выбора в профессиональной этике.

В ходе обсуждения первого вопроса семинара появилась и такая тема, как несовершенство законодательной базы, несоблюдение законов частью коллектива НТВ.

Галина Голованова: «Мне кажется, ситуация развивалась подобным образом из-за несовершенства нашей законодательной базы». По ее мнению, в этой ситуации столкнулись нормы двух законов – о СМИ и об акционерных обществах.

Юрий Бубнов: «НТВ – это компания, которая принадлежала Гусинскому, поменялся хозяин – Йордан пришел. И вот эта компания, живя в чужом доме, не пускает хозяина. И удалось так запудрить обществу мозги, что общество против этих новых хозяев».

Наталья Самойлик («Тюменский курьер»): «Ситуация на НТВ - это такое зеркальное отражение общественной реакции на новый передел собственности».

После просмотра видеофрагмента из программы «Антропология», также посвященного ситуации с НТВ, появилась еще одна тема размышлений «этической комиссии» - нравственные моменты в поведении профессионала.

Наталья Самойлик: «Сейчас, после просмотра фрагмента из программы «Антропология», я оцениваю работу журналистов НТВ не только с профессиональной точки зрения, но еще и как личностный момент и момент поведенческий. И понимаю, что теперь мне равно противно смотреть и ТВ-6, и ТНТ, и НТВ. Как делить профессиональное и личностное?»

Юрий Пахотин: «Это аморально: нельзя на глазах миллионов людей выяснять отношения друг с другом. Сейчас я равно не уважаю ни одного из участников этого диалога».

Татьяна Топоркова: «Когда мы говорим о «профессионализме журналиста», то в эту характеристику непременно вкладываем моральный уровень».

Наконец, было выдвинуто суждение о том, что ситуация с НТВ – не тема для размышления о моральном выборе журналиста. Такое мнение высказали Владимир Зуйков и Елизавета Ганопольская (кафедра журналистики ТГУ), предложив перейти к обсуждению более близкой ситуации – выборов губернатора Тюменской области.

***

Второй этап работы семинара как раз и предполагал обсуждение этой темы. А именно - темы внутрикорпоративных отношений в «цехе» тюменских журналистов, «правил игры» по отношению к коллегам, «играющим» во время выборов

на противоположной стороне. Для этого «этической комиссии» был предложен для разбора сюжет «Ябеды», который местная телекомпания «Паралакс» показывала во время выборов. Был ли выбор у тюменских журналистов, могли ли они соблюсти профессиональную этику во время избирательной кампании? – так была сформулирована тема для разговора.

Позиции участников семинара можно представить следующим образом.

1. Выбора не было - все предопределено заранее.

Галина Голованова: «Выбора не было ни у кого – выбора стратегического. Был лишь тактический выбор. Да и что вообще может выбирать рядовой журналист, работник «Тюменской правды», допустим, или «Тюменских известий», если все определено еще раньше? Но все-таки он мог сделать тактический моральный выбор, готовя конкретные публикации; даже выполняя задание, до уровня "пешки" нельзя доходить. Я считаю, журналист мог определить хотя бы то, до какой степени ему «мочить» коллегу - есть такое выражение у журналистов. Нужно ли опускаться до того, что говорить о физических недостатках коллеги? И вообще надо ли доходить до такого уровня, чтобы коллег мочить?»

2. Выбор был – действовать по закону.

Юрий Бубнов: «Достаточно действовать по закону, в который уже заложена определенная мораль. Достаточно выполнять закон и уже какая-то мораль будет соблюдена при размещении выборных материалов».

(Но известно также, что этические и юридические нормы не всегда совпадают, бывает, даже противоречат друг другу, что часто ставит журналиста перед трудным выбором. Чем руководствоваться в этой ситуации? Разве кодексы создаются не для восполнения этого пробела? И все же тема критериев поведения в ситуации выбора, особенно – в ситуации конфликта требований закона и морали - осталась неразвитой).

3. Любой выбор предполагает ответственность.

Разбирая телесюжет, *Г. Голованова* сказала: «Журналистикой во время выборов никакие тюменские СМИ не занимались - они были или пиаровской конторой, или предвыборным штабом. И поэтому не надо им обижаться сейчас, как дамочкам каким-то: «Как нас посмели показать в сюжете в таком обидном виде»? Но вы же сознательно приняли правила игры, зная, что вы – предвыборный штаб, вы как бы «мочите», почему же заранее не готовы к тому, что вам будет нанесен ответный удар?».

4. Выбор журналиста во много зависит от зрелости сообщества.

Владимир Зуйков отметил, что война между журналистами вспыхивает в том числе и из-за пассивности профессионального сообщества: «Теоретизировать на семинарах у Владимира Иосифовича хорошо, это красиво, это безболезненно и, главное, не страшно совершенно. А стоит выйти за дверь и столкнуться с реальностью... Когда тебя будут бить по морде, ты не будешь защищен даже словом со стороны коллег».

Кстати, Тюменская медиаконвенция, которую тюменские журналисты в целом одобрили на семинаре перед выборами, уже предполагает защиту коллеги. Уточняю: в разделе «Минимальный стандарт профессионально правильного поведения» нашей конвенции есть пункт: «Журналист уважает достоинства и права своих коллег, включая право на отличную от своей точку зрения».

В выступлении члена Большого жюри Союза журналистов России *Юрия Казакова* был проанализирован опыт мирового сообщества по этому вопросу. «Есть совершенно разные позиции по поводу отношения журналистов друг с другом. Первая: мы принимаем участие в делах профессионального сообщества ровно до той поры, пока не задеваются интересы нашего СМИ. Вторая: мы солидарны уже потому, что мы – профессия, «цех». И поэтому должны бросаться защищать друг

друга при первом крике петуха. Наша профессия дорога не просто нам самим по себе. Если у нас в «цехе» сначала одного выбьют, потом второго, третьего, у общества не останется рубежа защиты. Третья: мы должны обязательно обнародовать все случаи, когда наши коллеги совершили отступление от этических норм; более того, журналист, который разрешил себе выступать в газете, допустившей отступление от этических норм, уже не может являться нашим коллегой». Вторую и третью позиции выступающий оценил как морально сильные.

Итак, поскольку был нарушен один из пунктов Тюменской медиаконвенции («Журналист уважает достоинства и права своих коллег, включая право на отличную от своей точку зрения»), у реальной, а не условной этической комиссии появился заказ на работу. Да и на семинаре комиссия могла бы более обстоятельно обсудить эту тему, в частности, поработав над содержанием нарушенного требования. Это и был бы идеальный процесс самообразования, самовоспитания, наконец, освоения конвенции.

Тезис о том, что (не)зрелость сообщества во многом определяет реальные «правила игры», прозвучал на семинаре не один раз. По мнению *В.Зуйкова*, «Союза журналистов у нас нет, но самое печальное, что он нам и не нужен».

На обвинения тюменского союза журналистов в пассивности тут же последовало возражение: Союз журналистов – это всего лишь способ институализировать сообщество, которое на самом деле очень сильно разрознено, особенно во время выборов; значит все претензии по поводу пассивности журналисты должны предъявлять прежде всего к самим себе.

Проблема атомизации сообщества, конечно, существует, однако Союз журналистов, как кажется, и мог стать этим объединяющим началом. Как сказала *Людмила Караваева* («МК в Тюмени»), "журналисты могли бы объединиться на том же самом областном фестивале прессы, участвуя в нем не один кандидат в губернаторы, присутствие которого фактически превратило мероприятие в агитационную кампанию, а все кандидаты".

Объясняя свою позицию, *Юрий Пахотин* вернулся к теме, которая уже звучала на первом этапе семинара - нравственные моменты в поведении профессионала. Для него неприемлемо отношение к коллеге только на основе профессиональных качеств, без учета качеств личностных. Он не может на заседании правления искренне защитить кого-то только потому, что состоит в одной с ним корпорации.

Успешному анализу предложенных для экспертизы ситуаций, возможно, помешал способ работы: как можно было предусмотреть заранее, участники семинара не удержались в рамках заданной им модели экспертно-консультативной комиссии (не все, конечно). Как прозвучало в выступлении ведущего, экспертная комиссия превратилась в судейскую коллегия. Причем одни чувствовали себя обвинителями, другие - виноватыми, третьи – молчаливыми участниками суда, когда молчание – золото. Звучали приговоры, при этом критерии своих оценок «судьи» не разглашали. Тогда как в работе экспертной комиссии важнее всего диалог, выяснение мотивов и т.д.

Надо заметить, что модель судейской коллегии не слишком-то нравилась участникам семинара. Журналисты не хотели быть подсудимыми. Это было слышно в реплике *Юрия Пахотина*: «Еще не хватало! (на слова В. Зуйкова о том, что Пахотина никто не судит – Авт.) А кому судить?» Последний вопрос, к сожалению, дает серьезный повод задуматься над словами *Елизаветы Ганопольской*: «Каждый из нас не слишком-то уважает коллег. Каждый из нас здесь сидит и думает: «Уважаемый?! Тот уважаемый что ли? Этот уважаемый что ли?! И это журналист?! Это коллега?!» Мне кажется, что многие из нас, даже сидящих здесь, в

глубине души не всех уважают. Тогда на основе чего же мы будем договариваться?».

Объективно и отстраненно оглянуться на прошедшее, по-моему, нам не удалось. Как заметил *Сергей Фатеев*, у многих еще не остыла обида на коллег. А может быть, и на самого себя. С другой стороны, прежде чем перейти к холодному анализу, наверное, и нужно было пройти эту стадию разговора.

Возможно, прав известный столичный колумнист Л. Радзиховский, который считает, что журналисты по определению не терпят критики (что уж говорить о публичной самокритике), он приводит такое сравнение: «Однажды Толстой-американец играл в карты с Пушкиным. Когда Александр Сергеевич заметил ему, что он передергивает, граф грозно ответил: «Сам знаю про то, сударь мой, да не люблю, когда мне об этом говорят!» «Пожалуй в этой великолепной фразе, – говорит Радзиховский, – основа профессиональной чести и этики представителей профессии журналиста».

В разговоре по поводу НТВ, наоборот, участники семинара были слишком рациональны. Понимание и забота, которые ощущались в их высказываниях в первые дни конфликта на НТВ, прошли, эмоции остыли. Журналисты по-другому оценили ситуацию, и для этого были свои снования.

Удалось ли участникам семинара идентифицировать обе разбираемые ситуации как ситуации морального выбора? Если говорить о ситуации, связанной с выборной кампанией, я думаю, что каждый, или большинство, журналистов понимают возможность профессионально правильного выбора, потому что имеют представление о границах профессии. Понятно, что выбор был – хотя бы вовсе не участвовать в предвыборных играх. Потому что «Париж не стоит мессы» («профессия являет собой по преимуществу цель, а не средство» - в этом этическая составляющая профессионального успеха" – говорит социолог Г.С. Батыгин (Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире //Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР, 1994. Вып.3). Потому что не «жизнь за счет профессии» («Профессионалы обладают контролем над вознаграждением, и если профессионал стремится заработать вознаграждение со стороны непрофессионалов, он испытывает соблазн изменить своей профессии» - говорит Г.С. Батыгин), а «служение в профессии» («Профессионалы же не работают, а служат: они отдали себя своему делу и ничего не просят взамен. ...Вступая в довольно замкнутую систему явных и неявных профессиональных норм, обычаев и символов, человек принимает на себя некоторый обет отдавать им предпочтение перед внешними обстоятельствами» – Г.С. Батыгин, там же).

Ориентир выбора дает «этика ответственности» (Б.Ламбет, например, проповедует понятие «социально ответственной прессы», долгом которой является не только осуществление свободы выражения мнений, но и признание того, что журналист несет социальную и гражданскую ответственность и перед обществом, и перед его гражданами) а не «этика убеждения» - теоретически это понимает каждый.

Но поскольку интересы собственного кошелька перевешивают, выбор чаще всего делается или по формуле меньшего зла (я участвую в выборах, чтобы не сложить зубы на полку, но не нарушаю профессиональных правил) – в лучшем случае, или по формуле – «жизнь за счет профессии».

Ю.И.Пахотин

**НУЖНО ЛИ ВЫНОСИТЬ ВНУТРИЦЕХОВОЙ СОР
ИЗ КОРПОРАТИВНОЙ ИЗБЫ?**

Прошло не так уж и много времени с того дня, как собравшись в конференц-зале фешенебельной тюменской гостиницы, мы - журналисты областного центра - обсуждали на семинаре еще горячую тему: "Как тюменские СМИ пережили испытание ситуацией выбора во время прошедшей избирательной кампании?"

Я, мне казалось, очень хорошо помню, как спокойно и рассудительно мы говорили о себе и своих коллегах, как осторожно и взвешенно оценивали предложенные организаторами семинара телесюжеты про НТВ и про "Секунды".

Но, оказывается, одно дело все прочувствовать изнутри и совсем другое - как бы со стороны, уже поостыв и изрядно загрузившись совершенно другими проблемами, заботами и темами. И вот я читаю стенограмму семинара, первого из цикла под названием "Журналист в ситуации морального выбора", и ловлю себя на крамольной мысли, что это какой-то другой семинар - просто профессор Бакштановский по рассеянности перепутал и дал мне распечатку не той дискеты.

Но нет: фамилии участников сходятся, слова они говорят те же самые, что запомнились с того семинара, и мысли излагают те же, что звучали в конференц-зале Кволити отеля 25 мая 2001 года.

Удивительная, оказывается, штука эффект присутствия. Там, во время семинара, многое воспринималось иначе: где-то что-то не расслышал, где-то отвлекся, где-то ядовитая фраза была произнесена с такой добродушной улыбкой, что казалась шуткой.

Стенограмма же беспощадно и откровенно обнажила очищенную от шелухи суть дискуссии. И внимательно, несколько раз прочитав ее, я понял: мы настолько отличаемся друг от друга, что порой кажется - ба, да мы и говорим-то на разных языках!

И еще я осознал одну неприятно поразившую меня вещь: никакой творческий союз, типа Союза журналистов, уже невозможен в том старом, романтическом понимании, когда он существовал как объединение единомышленников, где все доверяют друг другу и где незыблемо царит дух корпорации.

Но я вполне осознаю, насколько спорны эти мои выводы, а потому прошу рассматривать их как суперсубъективные и, к тому же, написанные человеком, еще недавно «с пеной у рта» доказывающего необходимость создания (вернее воссоздания) областной журналистской организации и поэтому гораздо болезненней воспринимающего ту ситуацию "войны всех против всех", которая сложилась в тюменских СМИ во время губернаторских выборов и, к несчастью, как мне кажется, так и не завершилась миром до сих пор. Правда, как цивилизованные люди мы вновь здороваемся друг с другом и даже улыбаемся при этом, но искренность и теплота прежних, "довыборных" отношений почти исчезла, подозреваю, что навсегда.

А вот теперь вернемся к семинару и я попробую доказать обоснованность своего пессимизма.

Как наивно предполагали организаторы семинара, его участникам, большинство из которых работали на проекте Тюменской медиаконвенции, а, значит, и над концепцией этической комиссии, легко удастся смоделировать условную этическую комиссию, которая, во-первых, даст взвешенную экспертную оценку поведения своих коллег из НТВ в ситуации морального выбора во время известных событий, во-вторых, такую же взвешенную этическую экспертизу пройдет ситуация, связанная с губернаторскими выборами, и, наконец, в-третьих, ожидалась

коллективная рефлексия по поводу ряда “оправдательных” суждений тюменских журналистов, высказанных в предваряющих семинар беседах о “выборе во время выборов”, моральная экспертиза заявлений о том, что у тюменских журналистов в ситуации выборов “не было возможности поступать иначе, чем они действовали”; что у них была “очень низкая степень свободы выбора”; что приглашение в тюменские СМИ на время выборов “варягов” для ведения агрессивной и беспринципной кампании “смягчает ответственность тюменских журналистов” и т.д. Во всяком случае, именно эти намерения организаторов были изложены в программе семинара.

А что получилось? Вот набор высказываний “семинаристов” по ситуации, связанной с НТВ.

“Надо было остаться и работать и о каждом случае вмешательства, снятия с эфира определенной программы извещать общественность через родственные газеты и эфир”;

«...здесь комиссии по морали и этике разбирать нечего. Вся ситуация вокруг НТВ в основе своей аморальна и подла с любой стороны”;

“...если, оставаясь на НТВ, полагает Евгения Альбац, это подлость, то не можем ли мы употребить слово “подлость”, когда говорим об отношении журналистов НТВ, которые пришли на ТВ-6 и там заварилась очень некрасивая история? По отношению к своим коллегам они поступили хорошо? А по отношению к зрителю - это подлость или тоже некорректность?”;

“я понимаю тех, кто ушел, и понимаю тех, кто остался, потому что как они могли все остаться? Как мы можем требовать от творческого коллектива, чтобы все встали и ушли? А в чем тогда состоит свобода их выбора?”;

“теперь, когда я оцениваю работу журналистов после всего произошедшего на ТВ-6 не только с профессиональной точки зрения, но оцениваю еще и личностный момент, момент поведенческий, мне равно противно смотреть и ТВ-6 и ТНТ и НТВ”;

“...когда мы говорим ненавистное мне “профессионализм журналиста”, мы в это качество непременно вкладываем моральный уровень. То есть моральный уровень журналиста - это его профессиональная принадлежность”;

“я не понимаю до сих пор, выслушав всех, почему мы здесь эксперты, почему мы выполняем роль этической комиссии, как мы можем определять был ли моральным или аморальным выбор каждого из журналистов НТВ? Почему мы используем именно ситуацию с НТВ для того, чтобы говорить о моральном выборе? И о чьем моральном выборе мы в данном случае говорим? Пока получается, что каждый из нас говорит о том, как он оценивает эту ситуацию с НТВ, а не о моральном выборе вообще”;

“говорить здесь не о чем. Там нет морального выбора. Если мы сейчас будем дальше анализировать, то дойдем до таких мелочей, которые кончатся скандалом на кухне и битьем скалкой”.

Я без специального отбора привел высказывания по теме практически всех участников семинара. И намеренно не поставил фамилии авторов цитируемых фрагментов дискуссии, чтобы читающие мою рецензию также, как я, ахнули от неожиданности.

Согласитесь, когда подряд читаешь эти цитаты, создается полное впечатление, что это развернутое выступление одного человека, а не коллективное мнение почти десятка весьма не похожих друг на друга журналистов, да к тому же еще полагающих, что они спорят. Просто мистика какая-то.

Почему так произошло? Почему мы практически единодушно преобразились из членов условной этической комиссии в заседателей некоего условного су-

да присяжных? И почему вынесли вердикт - "виновны"? На мой взгляд, причин здесь масса. Назову те, что представляются мне основными.

Во-первых, мы уже знали, чем закончился весь этот скандал с НТВ, и, честно говоря, большей оплеухи для тех, кто искренне считал энтэвэшников образцом морали и нравственности, нельзя было и придумать. Во всяком случае, я знаю многих весьма авторитетных людей, которые после всей этой истории поставили жирный крест на фигуре Киселева как символе объективной журналистики и человеческой порядочности.

Во-вторых, мы и сразу-то догадывались, а позже убедились, что весь этот шум и гам, поднятый руководством НТВ и подхваченный родственными изданиями и теле- радиоканалами, не имел никакого отношения к свободе слова как таковой. Не хочу детализировать этот тезис, поскольку про то, что и кого защищало НТВ, известно сегодня, пожалуй, даже детям дошкольного возраста.

В-третьих, никто не нашел в этой истории ситуацию морального выбора, посчитав что ситуация, связанная с НТВ, вне морали, мало того, она нанесла громадный ущерб моральному облику журналистского сообщества, сложившемуся и в обществе, и в самой корпорации.

И, наконец, вытекающая из этого факта и вполне объяснимая реакция - осуждение находящихся в тепличных условиях, жирующих столичных коллег, служащих верой и правдой кормящим их с ладони олигархам, пытающихся при этом рядиться в белые одежды и призывающие нас биться за их право на эту божественную жизнь. Мы хоть и состоим с ними пока в одном Союзе журналистов России, но между нами уже не просто гигантское различие по многим параметрам, а пропасть, которую очень сложно, а, может быть, и невозможно будет преодолеть.

Гораздо более трудным - и более дискуссионным, и многовариантным, если можно так выразиться - был, по-моему, разговор о поведении тюменских СМИ в ситуации губернаторских выборов. И не только потому, что тема горячее и ближе, и даже не потому, что на семинаре присутствовали многие из тех журналистов, руководителей местных СМИ, которые принимали самое активное участие в выборной кампании, причем, что немаловажно, по разные, так сказать, стороны баррикады, а, мне кажется, из-за того, что здесь-то и невооруженным глазом была видна ситуация морального выбора, но ее в упор не хотели видеть. Хотя вполне допускаю, что не прав, и готов услышать аргументы, доказывающие обратное. А пока примите то, что обнаружил я, внимательно вчитываясь в стенограмму.

"...Считаю, что журналистикой в это время никакие тюменские СМИ не занимались. Они были или пиаровской конторой, или предвыборным штабом. И поэтому, что им обижаться сейчас, как дамочкам каким-то: "как нас посмели показать в сюжете, фиксировать камеру так долго на моем лице?" Вы же сознательно приняли правила игры, зная, что вы - предвыборный штаб, вы как бы "мочите"? Почему же заранее не готовы к тому, что вам будет нанесен ответный удар".

Это цитата из первого же выступления по поводу предложенной на экспертизу ситуации. И сразу столько экспрессии, столько полемической заостренности. А, между прочим, журналист, произнесший цитируемые слова, отличается спокойным, уравновешенным и доброжелательным характером.

И, вдруг, совершенно для меня неожиданно (просто я не могу вспомнить с чьей подачи, а в стенограмме это не зафиксировано), возникла тема о роли регионального Союза журналистов. И на какой-то момент эта несчастная организация стала крайней.

Почему она не дала оценку происходящим в ходе выборов коллизиям? почему не заступилась за тех или за этих обижаемых журналистов? почему правле-

ние журналистской организации не приняло осуждающих обидчиков заявлений? и т. д.

Наверное, можно - с некоторой натяжкой - и эту тему отнести к проблеме морального выбора. Но дело в том, что и Союз журналистов, и его правление состоит из людей, которые тоже были включены в борьбу и тоже находились на разных сторонах пресловутых баррикад. И представители каждой из сторон доказывали, что обижают их и именно в их защиту должен выступить Союз. Вот почему областная организация СЖ вынуждена была занять нейтральную позицию и не позволила сделать себя ударной силой в беспрецедентной по накалу выборной борьбе. Вот почему от отчаянья даже прозвучало предложение на время выборов распустить Союз журналистов.

И еще один упрек звучал в адрес регионального СЖ. Зачем, дескать, в период выборной кампании был проведен областной фестиваль прессы, который как бы оказался пиаровской акцией в пользу действующего губернатора. Что здесь можно сказать... Разве что повторить не раз звучавшую в ходе семинара мысль о том, что ситуацию морального выбора каждый опознает в зависимости от собственного, индивидуального понимания морали как таковой.

Казалось бы, на фестивале все было учтено. Все были приглашены, и многие приехали и из южных районов области, и из наших автономных округов. И награждались победители творческих конкурсов за профессиональное мастерство, а не за принадлежность к Югу или Северу или за личную преданность кому-то из претендентов на губернаторский пост. Тем не менее ядовитые стрелы в организаторов фестиваля летели. Но для меня, например, остается до сих пор не зажившей моральной раной тот факт, что отснятый на этом действительно потрясающем, замечательном и ярком фестивале прессы видеоматериал лег в основу пошлой, гадостной агиткассеты с компроматом, выпущенной подпольно огромным тиражом. И хотя исполнители этого шедевра мерзости не известны и вряд ли будут известны, мало кто сомневается, что среди анонимов есть кто-то из присутствовавших на фестивале журналистов. И практически никто не обнаружил в этом эпизоде выборной кампании ситуации морального выбора, причем очевидную, можно сказать классическую ситуацию, когда журналист без всякого нажима или угрозы соучаствует в подлости против своих коллег.

Может быть и поэтому некоторые настороженность и холодок подспудно присутствовали в атмосфере семинара. И может быть не в полемическом запале, а очень продуманно прозвучала реплика одного из участников дискуссии: “Да каждый из нас здесь сидит и думает - “уважаемый”? Тот уважаемый что ли? Этот уважаемый? Это журналист?! Это коллега?! Мне кажется, что многие из нас в глубине души даже друг друга, сидящих здесь не всех уважают. Тогда на основе чего же мы будем договариваться, кого причислять к корпорации?”.

Итак, что же произошло? Сначала об этой, второй части семинара. Почему же и здесь при всей полемичности и полярности суждений разговор ушел в другую плоскость? Произошла некая подмена: вместо того, чтобы обсудить на конкретных примерах определенных именных публикаций в определенных, тоже имеющих название, СМИ ситуации морального выбора, была подкинута и с энтузиазмом подхвачена тема “Позиция областной организации Союза журналистов РФ в ходе губернаторских выборов”. А вот почему это произошло и почему этого вроде бы никто не заметил и есть самый главный вопрос сегодняшнего времени.

Ответ прост. Потому, что гораздо спокойней безопасней и легче найти (умудриться найти!) ситуацию морального выбора в действиях (по другой версии - бездействии) Союза журналистов и, опять же, как и в дискуссии по НТВ, осудить его позицию.

А теперь представьте себе: этой подмены не произошло, “семинаристы” подхватили тему уже цитируемого мной выступления первого участника о том, что все тюменские СМИ в период губернаторских выборов выполняли функции или пиаровских контор, или предвыборных штабов кандидатов и стали ее развивать? Я боюсь даже спрогнозировать в какой скандал вылился бы разговор на эту тему и какой бы моральной катастрофой завершился. Кстати, мне кажется, организаторы вовремя заметили эту подмену, попытались вернуть разговор в русло проблемы, заявленной в первом выступлении и, по-моему, несколько растерялись, так и не сумев понять, почему же никто не возвращается к этой, как им совершенно резонно казалось, чрезвычайно интересной, важной и глубокой теме. А потому и не возвращались, что гулять по минному полю не самое веселое занятие.

Хотя, пожалуй, профессор Бакштановский все-таки интуитивно догадался в чем тут дело, судя по тактичному и грустному заключительному слову. Цитирую: “Мне кажется, что сегодня слабо прозвучало наше с вами желание оценивать свои собственные и другие поступки по критериям этики ответственности. Я думаю, что это может быть даже темой для специального разговора, если мы доживем до него в моральном, психологическом и физическом смысле”.

Так что же прозвучало слабо? Какие собственные и другие поступки не захотели вынести на всеобщее обсуждение участники семинара? А именно те, о которых так много и так горячо говорили мы друг с другом и во время выборной кампании, и по ее окончании, и даже во время перерыва на семинаре и что так и не услышали организаторы.

И этот факт, как не парадоксально это покажется, был самым ярким, самым показательным примером поведения журналистов в ситуации морального выбора. Мы, ей-богу, не сговариваясь, почти единодушно отказались выносить наш корпоративный, внутрицеховой сор из избы. Даже ради науки. Даже ради собственного самоочищения и в назидание молодому поколению журналистов. Может быть, в надежде, что разберемся постепенно со всеми нашими моральными микрокатаклизмами самостоятельно, или, веря, что они, эти катаклизмы, со временем рассосутся сами собой и будут восприниматься с юмором: боже! неужели из-за такой ерунды ломали копья, переживали, мучились?

А может быть, мы просто не готовы к подобному моральному бичеванию и самобичеванию и не можем даже подобрать слова, обозначающие те чувства, которые возникали у многих из нас в ходе той беспрецедентной информационной войны, что грянула во время губернаторских выборов.

Мы, честно говоря, были и психологически, и морально к ней не готовы. Просто впервые в постсоветскую эпоху на политическом поле битвы встретились в схватке за голоса избирателей две равноценных по статусу, по влиятельности, по убеждениям фигуры. И это не могло не сказаться на всей картине “битвы титанов”. Представьте себе ситуацию, когда действующему губернатору, авторитетному и уважаемому человеку, члену Президиума Госсовета первого состава противостоит не лидер местной компартии, не предприниматель, не мэр областного центра, как обычно бывало в других регионах, а первый заместитель полномочного представителя в Уральском федеральном округе, тоже очень известный и уважаемый человек, наш земляк, что немаловажно, ранее работавший мэром Кога-лыма, председателем Думы Ханты-Мансийского автономного округа.

Не знаю, как другие, лично я до сих пор считаю, что государство должно на сегодняшнем этапе развития, на время этого пресловутого переходного периода делать все возможное, чтобы не сталкивать в предвыборной борьбе политические фигуры такого масштаба. Может быть оно, наше быстро мудреющее государство, это и поймет, в том числе и на примере наших выборов.

А пока произошло то, что и должно было произойти: политическая, экономическая, хозяйственная, научная элиты разделились. Разделилось на два лагеря и все остальное население: бюджетники, чиновники, рабочие, служащие, интеллигенция, пенсионеры и т.д. Причем, не только по оси Север - Юг (хотя, естественно, это было основной разделительной линией, о чем красноречиво свидетельствуют и результаты выборов), но и по массе различных иных параметров, личностных, начиная от отношения к возрасту соперников и заканчивая восприятием заявленных ими предвыборных программ. Если кто-то станет доказывать, что в этой ситуации была возможность отсидеться, остаться над схваткой, я ни за что не поверю. Были вовлечены все мало-мальски значимые фигуры всех отраслей экономики, науки, культуры и т. д. всех территорий, иначе говоря - тотальная мобилизация. Наивно было бы предполагать, что вне игры окажется хоть одно средство массовой информации.

Скорее наоборот, СМИ, как и положено, стали ударной армией, выполняя привычную еще со времен КПСС функцию коллективного пропагандиста, агитатора, организатора при каком-то кандидате на губернаторский пост. И все бы ничего. Ну куда, скажем, было деться со своим моральным выбором журналистам областной парламентской газеты? Коль учредил их областной парламент, то они и обязаны были следовать политическому курсу, начерченному коллективным разумом парламентариев и, само собой разумеется, всеми имеющимися творческими силами поддерживать того из кандидатов, которого поддерживают парламентарии.

Какой моральный выбор был у других областных СМИ? У каждого из них есть свои учредители, которые их финансируют. А правило «кто платит, тот и заказывает музыку» действует безотказно во все времена и при любом строе, будь то социализм, капитализм или какой-либо иной «изм». И единственный, крошечный люфт для маневра под названием «моральный выбор журналиста» состоял в том, чтобы не делать откровенных, продуманных пакостей. Чтобы, коль уж вынужден стоять на стороне того кандидата, которого тебя обязали поддерживать, ты служил, а не прислуживал. То есть, не поливай грязью, не оскорбляй ни по команде начальников, ни, тем более, по собственной инициативе соперников «своего» кандидата, а особенно - своих коллег из лагеря соперников, чтобы вызвать поощрительную улыбку на начальствующих устах. Противно все это было наблюдать. А приходилось - не все, к сожалению, сумели удержаться от соблазна угодить сильному миру сего. И, вообще, на мой взгляд самой большой бедой наших журналистов оказались личные хорошие отношения с властями разных уровней, что очень сильно повлияло на общую картину выборов.

И главный урок, который, наверное, необходимо нам всем вынести из всей этой выборной эпопеи: у нас, журналистов, особенно у руководителей СМИ, видимо, не должно возникать никаких личных, дружеских отношений с властью. Они должны быть только деловыми и уважительными. Это лучший вариант и для СМИ, и для власти. Все-таки, хотя и мы, и они служим обществу, функции у нас разные. Иначе мы бы не считались «четвертой властью». А разделение властей предполагает, прежде всего, их независимость. Пожалуй, пока у нас это больше выглядит декларацией, но стремиться к этому необходимо.

Вот, приблизительно, о чем мы должны были бы поговорить на нашем семинаре, но не смогли, не созрели мы еще для подобного, откровенного разговора.

И, последнее. Нужен ли был этот семинар? Вопреки некоторым скептикам, я абсолютно убежден: еще как нужен. Сам факт, что собрались на него участники событий, уже говорит о многом. Значит, нам пока еще не наплевать на мнение коллег и это дает надежду. И, может быть, мы все же научимся когда-нибудь оценивать свои собственные и чужие поступки по критериям этики ответственности. А

может быть, даже наступит такое время, когда основные принципы и нормы морали будут всеми толковаться одинаково, станут для всех аксиомой, а не теоремой, как сейчас, когда достаточно доказать, что обстоятельства изменили ситуацию, и можно смело утверждать, что нормы морали уже должны трактоваться иначе, с учетом новых обстоятельств.

Не уверен, что организаторы рассчитывали на полный и быстрый успех проекта. Его тема, уверен, будет все более и более актуальна с каждым днем. Это требование времени. Но, тем не менее, эта тема - опознание журналистом ситуации морального выбора и его поведение в этой ситуации – и самая трудная. И вслед за ведущим семинара я хочу повторить, что нужен еще не один специальный разговор на эту тему.

Ю.С.Бубнов

«...ТЕПЕРЬ СОЗДАНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ЭТИКЕ МНЕ КАЖЕТСЯ ИДЕЕЙ-ФИКС. ЭТУ РОЛЬ В КАКОЙ - ТО СТЕПЕНИ ВЫПОЛНЯЮТ НАШИ СЕМИНАРЫ»

Видимо, я с треском проваливаю задание и иного не может быть. Потому что в ситуации с НТВ моральной коллизии я совершенно не нахожу. Созвучную мысль на семинаре высказал В.П.Зуйков: «Здесь комиссии по этике разбирать нечего».

На НТВ, по моему разумению, произошло следующее. У дома по имени «НТВ» появился другой собственник. Квартиранты-журналисты, возомнившие себя хозяевами дома, гордо и упорно отказывались признать сей неприятной для них факт. Законные претензии нового собственника они постарались представить как посягательство на свободу слова. Эксплуатируя эту подмену, журналисты попытались (и небезуспешно) настроить общественность на свою защиту. Но у наступившего рынка уже есть и рыночные законы – не прошло.

Хотя, конечно, случай с НТВ, шумиха вокруг этого факта имеет и положительную сторону: это помогло обществу осознать рыночные реалии и то, в каком достаточно уязвимом положении сейчас находятся СМИ, задуматься о том, как изменить ситуацию.

Можно морализаторствовать лишь обсуждая дальнейшие действия сотрудников НТВ в ситуации выбора: уйти или остаться. Не вижу никаких оснований для упрека тем, кто остался на канале. Мои симпатии не на стороне тех конкретных людей, что ушли с НТВ, но я понимаю, что они уже не могли поступить иначе. Хотя изначально кто-то из них просто проявил слабость, стадность, пошел в фарватере журналистской корпорации и ее вождя – Евгения Киселева. А теперь мы видим, что решение уйти на другой канал оказалось очень не этичным по отношению к сотрудникам ТВ-6, которых они тем самым выдавили с канала.

Изложенную мной позицию по ситуации с НТВ в какой-то степени исповедует и Н.В.Самойлик, задавшая на семинаре резонный вопрос: «А нет ли здесь нашей массовой неготовности существовать действительно в рыночных условиях и адекватно оценивать условия?». Хотя все же большинство участников семинара обсуждали действия сотрудников НТВ как моральный выбор. В связи с этим еще одно соображение. Законы могут нравиться или не нравиться, но они есть. Добиваться корректировки «плохих» законов – достойное дело, а просто хитрить и игнорировать их – не этично.

В ситуации с «Ябедой» моральная сторона доминирует над юридической. Именно этот аспект – моральный выбор журналистов – и был главным для участников дискуссии. Хорошо, что предметом обсуждения и осуждения стали не только изготовители ролика «Ябеда». С ними все ясно. Похоже, что вопрос «продаваться – не продаваться» они решили для себя давно. (Готов взять оскорбитель-

ные свои слова назад, если они работали на прежнего губернатора бескорыстно, что маловероятно).

Более завуалированной выглядит противоположная сторона, играющая за претендента. Во время предвыборной кампании ей не без успеха удавалось формировать имидж обиженной стороны, страдающей от нападков противника. В то же время эта команда сама не единожды использовала приемы, расходящиеся с Избирательным кодексом. Со всей прямотой об этом сказала Галина Голованова: «Я считаю вообще, что журналистикой в это время никакие тюменские СМИ не занимались, они были пиаровской контрой или предвыборным штабом». И далее конкретно в адрес «страдающей стороны», показанной в ролике: «И поэтому, что им обижаться сейчас, как дамочкам каким-то: как, мол, нас посмели показать в сюжете, фиксировать камеру так долго на моем лице? Но вы же сознательно приняли правила игры, вы знаете, что вы – предвыборный штаб, вы как бы мочите? Почему же вы заранее не готовы, что вам будет нанесен ответный удар?»

То есть, в дискуссии ситуация с «Ябедой» воспринята как ситуация морального выбора. Но выбора не на какой стороне выступать, а *как* выступать, переступить или не переступить границы закона и этики. На семинаре были сняты белые одежды со «страдающей стороны», чего не было сделано во время выборной кампании. Так что опасение одного из участников семинара в предварительных беседах с его организатором, что «только сумасшедший будет достаточно искренним» и «семинар даст одно вранье» - это опасение не оправдалось. Разговор был и откровенным, и искренним.

К тема выбора позиции, выбора линии поведения в дискуссии возвращались снова и снова. Распространенную точку зрения на этот вопрос высказала опять же Г.Голованова: "журналисты – пешки и стратегического выбора не было ни у кого, был только тактический". Этот тезис повторился в разговоре о дорогах, которые, оказывается, выбирают нас, а не мы их. Тезис хотя и удобный для нас, так как оправдывает любую нашу гнусность, но весьма слабый, однако не получивший должной протестной реакции. Не участвовать в подлости, вранье – разве это не стратегический выбор, который открыт перед нами всегда? Другое дело, что он почти всегда связан с другим выбором: искать иное место работы или остаться на прежнем, однако в этом случае придется или бороться за свои взгляды или подстраиваться под чужие, пресмыкаться.

Вариант «уйти» сейчас не такой мрачный, как в недавние коммунистические времена, когда вся пресса управлялась одним хозяином - КПСС. Тогда уйти по идейным соображениям из одной газеты означало – не попасть больше ни в какую. Теперь при политической многоликости СМИ есть возможность выбрать орган, близкий идейным позициям журналиста.

Однако, я был бы неискренним, если бы проигнорировал тот факт, что во время выборов при всей идейной многоликости, все СМИ становятся похожи один на другого тем, что все «мочат» (как было констатировано на семинаре). То есть, нарушают нормы закона и этики. Тут у журналиста два пути: не участвовать в подлости, то есть не писать «мочительных» материалов, или совсем уйти из СМИ.

Замечательную мысль высказала одна из участниц семинара: «В тюменских выборах столкнули именно журналистов, хотя должны были столкнуть кандидатов: пожалуйста – прямые эфиры, пожалуйста – представляйте спорные вопросы на полосах газеты. Вместо этого подрались журналисты».

Можно ли реализовать эту идею – чтобы выступали, спорили, показывали себя кандидаты, а не журналисты, ведь не журналисты же претендуют на роль народных избранников? На Западе, насколько я знаю, во время предвыборной кампании распространенным явлением становятся теледебаты кандидатов. Пусть и у нас состязаются в уме, красноречии, знании проблем сами кандидаты.

Чтобы реализовать эту идею, нужны корпоративная солидарность и корпоративная воля. А значит, нужна профессиональная организация. Де-юре она есть – Союз журналистов Тюменской области. О нем в дискуссии говорили много, но в основном потребительски: он должен был нам что-то сделать. Но истина в том, что мы можем и должны в нем что-то для себя сделать.

Теперь об этической комиссии. Наверное, я был тем, кого идея создания этической комиссии привлекала больше всего. И сейчас считаю, что было бы замечательно, если бы какое-то высшее, уважаемое существо (орган) замечало всякое наше подличанье и... А что должно следовать после «и», я, оказывается, и не знаю. Прежде всего представляется: это существо (орган) выдает всем по делам их в виде приговора. Значит, он – судья? Но мы хотим этическую, а не судебскую комиссию (орган, существо).

Тогда приходит на память автор морального катехизиса «Жить не по лжи». Не высшее ли это уважаемое земное существо, подходящее на роль этического... судьи? консультанта? Какое-то время он исполнял эту (?) роль. Помните, его регулярные выступления по ТВ, в газетах (все о том же: как нам обустроить Россию, чтобы жить не по лжи). Первым его перестал воспринимать Президент. И не все рядовые россияне соглашались с его высказываниями. Потом не стало ни передач по ТВ, ни выступлений в газете. Увы, россиян это не очень-то опечалило: письмами, протестами ни ТВ, ни редакции газет не забросали.

Но он все-таки был этическим камертоном общества, духовником, советником, поводырем... Есть ли у нас свой Солженицын областного масштаба? Я такого не вижу. А наша этическая комиссия предполагалась из нескольких человек... То есть, теперь создание комиссии по этике мне кажется идеей-фикс. Эту роль в какой-то степени выполняют проводимые Бакштановским семинары. Их нужно продолжать.

А что до соблюдения этических норм, к примеру, конкретно в период выборной кампании, то я хочу сказать вот что. Закон – это уже норма. Норма поведения. В том числе этическая. В законе, по идее, уже учтены моральные установки, господствующие в обществе. Нужно просто выполнять закон (в данном случае – избирательное законодательство). Исполнение закона – морально, неисполнение – аморально. Так что можно считать - органы, стоящие на страже избирательного законодательства, выполняют и функции этической комиссии.

Л.В.Караваева

В КРУГУ СЕБЯ И ПРОФЕССОРА ЭТИКИ

Каждый человек имеет право выбора. И журналист тоже. Он может выбирать, каким быть ему самому, его газете, его теле- или радиоканалу. Оглянуться назад, посмотреть на себя и на коллег по "цеху" со стороны сделали попытку тюменские журналисты. Как обычно, подбил их на это профессор Бакштановский. Он предложил обсудить коварную тему - «Журналист в ситуации морального выбора» - применительно к участию СМИ в губернаторских выборах. В принципе, прошло уже полгода, страсти утихли, отчего бы и не пообсудить?

Профессор был слегка разочарован. Семинар в начале пошел совершенно не в ту степь, в какую он ожидал. Ситуация с НТВ, которую Бакштановский вынес на обсуждение для затравки в первой части семинара, не вызвала должной, по мнению профессора, реакции. Аудитория разделилась. Одни говорили о том, что никакой ситуации морального выбора у энтэвешников нет вовсе и надо скорее говорить об экономической подкладке события, которую пытаются перелицевать в политическую. Другие (меньшая часть) все же пытались смотреть с позиции «надо

было уходить или оставаться» и соперничали столичным коллегам в их душевных терзаниях.

По мнению Владимира Иосифовича, ситуацию (опять же, как ситуацию морального выбора журналистов) нельзя игнорировать только потому, что НТВ - собственность Гусинского, что столичные журналисты «и так слишком много о себе думают и слишком много зарабатывают». И из этого не следует, что им не надо сочувствовать. Ведь в столь интересном положении могут легко оказаться и сами присутствующие, но, не увидев, «не опознав» чужую ситуацию морального выбора, они могут не опознать и свою.

Однако энтэвэшные проблемы не были самоцелью. Они были просто способом настроиться на определенную волну, на свои местные заморочки. Не секрет, в том числе и для читателей, что минувшие выборы были очень непростыми для всех СМИ. Так или иначе, практически все оказались втянутыми в предвыборные страсти и очень непросто их пережили. Даже сейчас не все и не всегда могут спокойно говорить на большую для них тему.

Вторая часть семинара началась с просмотра сюжета «Ябеды», который проходил в «Секундах» на «Паралаксе». Сюжет, безусловно, тенденциозный, но забавный. Участникам семинара, к их чести, удалось сохранить не только присутствие духа, но и не опуститься до уровня «сам дурак». Профессор этики, конечно, горюет, что обсуждали не то и не так, но это не страшно. Я разделяю его сожаление в том аспекте, что за разговорами как-то не подумали, в каком положении оказались сами паралаксовцы и был ли у них выбор.

В результате разговор свернул в наезженную колею: независимых СМИ нет, а раз нет, то о каком моральном выборе можно говорить. Более того, возникает новая проблема: взаимоотношения наемного работника и работодателя и их особое моральное регулирование. Никаких специальных норм нет, на сегодня они складываются почти стихийно в каждой редакции. А впереди новые выборы, и все может повториться.

Бедный, бедный профессор Бакштановский. Подписавшись на семинары, он подписался на головную боль и душевные терзания. Владимир Иосифович подчеркивает, что у него семинары не обучающие, а экспертные. Журналисты на них выступают скорее в роли некой фокус-группы, которая отражает в той или иной мере профессиональное сообщество. Вот и отражает. А отражение отличается от предполагаемого. Это не может не нервировать.

На семинаре коллеги ставили вопросы и пытались на них отвечать. Мог ли тюменский союз журналистов, его правление, как-то повлиять на ситуацию, примирить, или хотя бы не дать поспориться изданиям. Реально ли было стоять над схваткой?

Весной прошлого года Союз журналистов России провел Всероссийское совещание с повесткой дня «Свобода слова России-2000: угрозы и меры защиты». Резолюция участников достаточно жестко констатирует, что власть отводит прессе единственную роль - быть орудием манипуляции общественным мнением. Участники совещания почти единодушно говорили о том, что «нас загоняют в прежнее унижительное состояние верных помощников партии». Никуда уже не деться от того, что в стране много свобод слова: по-гусински, по-березовски, по-наздратенковски... Некогда плотная позиция журналистского мира разрушена. Мораль... Депутат Госдумы Вадим Бондарь недавно говорил о том, что в обществе размыты критерии морали. И журналистское сообщество не исключение.

Может зря так уж расстраивается профессор этики Владимир Бакштановский. Он хотел провести экспертизу, и это ему удалось. Возможно, проблема в том, что профессора просто слегка оторваны от общества и не всегда готовы взглянуть в умытое лицо этого общества.

На семинаре мое выступление свелось к тому, что, наверное, было бы продуктивнее говорить не столько о моральном выборе журналиста, сколько об отношениях «СМИ - власть». Но Владимир Иосифович ласково остановил меня, увидев в этом попытку увести семинар в другую сторону. Наверное, так оно и есть.

По окончании мероприятия мы встретились с профессором этики еще раз.

- *Владимир Иосифович, на семинаре кто-то сказал, что журналисты пиарили, а это несовместимо с журналистской этикой.*

- Мы обсуждали это на одном из наших прежних семинаров. И остались на реалистической позиции. Пока нет цивилизованного PR, журналисты будут вынуждены заниматься таким совместительством. В этом я готов быть конформистом. Готов понять журналистов, потому что у многих журналистов достаточно нищенские возможности и подработка вполне допустима.

- *На семинаре прозвучала фраза о том, что «мы делали это совершенно искренне», так сказать, не наступали на горло собственной песне. На мой взгляд, это еще хуже, нежели прагматичный расчет.*

- Искренность - хорошее качество, но в профессиональном плане - рискованное. Есть этика убеждения, а есть этика ответственности. Макс Вебер это говорил в основном про политиков, но потом стал говорить это и про интеллектуалов. А журналисты к ним и относятся. Этика убеждения - это очень важно, без убеждений человек жить не может. Но есть и обязательная сторона - этика ответственности за последствия поступков. И в этом смысле искренность не самодостаточна.

- *Вообще-то, формально тюменские журналисты мало занимались этим на губернаторских выборах. Основную работу проделали залетные спецы. Причем - пиарщики!*

- Понимаю, просто их пиар широко расплескался и грязь попала на местных. А теперь вы мне ответьте: как вам кажется, эта тема очень трудно поддается обсуждению, так как она слишком романтична? Почему семинар шел так вязко, так велико было сопротивление? А ведь у меня по плану еще два семинарских занятия.

- *Быть может потому, что самые трудные вопросы заключены в прописных истинах. В глубине души каждый человек понимает, где и как он поступил. И не так просто признаться себе, что в чем-то ты не дотянул.*

- Меня все мучает первая часть семинара, когда обсуждали ситуацию с НТВ. Неужели мы отсюда, из Тюмени, просто завидуем их популярности, благополучию, и потому рады, что они оказались в сложной ситуации?

- *Мне кажется, что завидуют те, у кого низкая самооценка. Самодостаточные - более великодушны.*

- И что же делать?

- *Готовить новый семинар.*

У меня, как обычно, в голове роится одновременно множество мыслей. Я вспоминаю известного русского репортера Гиляровского, чья книга «Москва газетная» в последнее время стала прямо-таки настольной в нашей редакции. Мне кажется, что ему жилось во многом легче и проще, чем нам, что у него не было необходимости выбирать на какой стороне, за какого кандидата на губернаторский пост надо биться. Но была ли необходимость такого выбора у нас?

Часть третья
СЛОВАРЬ

В.И.Бакитановский, Ю.В.Согомонов

ПРОБЛЕМЫ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

1. Мировоззренческие ориентации морального выбора

Исходной точкой понимания всей проблематики морального выбора является теоретический и нормативный анализ его *мировоззренческих оснований*. Если бы деятельность человека представляла собой не более чем ряд разобщенных актов, достаточно было бы столь же фрагментарных знаний о его потребностях и возможностях их удовлетворения в тех или иных ситуациях, хватило бы ограниченной способности ставить разрозненные цели, подбирать необходимые средства их достижения и оценивать результаты каждого такого акта деятельности в отдельности. В таком случае и вопрос о мировоззренческих основаниях морального выбора был бы праздным. Но он оказывается возможным и необходимым именно потому, что человеческая деятельность не дробится на изолированные акты, а представляет собой чрезвычайно сложную систему *поступков* (микровыбор), образующую более или менее последовательную цепь, *линию поведения* (макровыбор). Отсюда значимость умения выдвигать не только близкие, но и далекие цели, подчинять одни цели другим, подвергать систематическому анализу как непосредственные результаты, так и отдаленные последствия деятельности, ее сопрягаемость с деятельностью других людей, вписанность в деятельность больших групп, общностей.

При этом линия поведения не есть простая сумма поступков, их произвольный набор. Она вытекает из них, и в то же время является фактором, воздействующим на выбор поступков. Но и сам поступок так или иначе верифицирует всю линию поведения, содействует ее принятию или отклонению. Более того, когда в экстремальных, пограничных ситуациях производится моральный выбор особо важного поступка, решающего шага в биографии лица, оба уровня выбора настолько сближаются, что, в сущности, можно говорить об их наложении, совпадении. Поступок тогда оказывается узловой мерой развертывания линии поведения, способом проверки ее на прочность в ценностном плане, фактором закрепления или, напротив, смены направленности деятельности, ее характера. В то же время связь двух уровней морального выбора и его ценностно-ориентационного обеспечения не должна заслонять тот факт, что они располагают неоднородным субстратом в деонтическом сознании и имеют различную природу мотивирования, способов формирования механизмов действия.

Макровыбор определяется непосредственно нравственными убеждениями действующего лица, которые формируются на мировоззренческом уровне морального сознания. Насколько правомерно это утверждение? Сомнения возникают по ряду причин. Прежде всего, они нередко вызываются сведением мировоззрения к его понятийному, интеллектуальному аспекту без учета того, что оно объемлет также и эмоционально-ценностное отношение человека к миру и к самому себе. Высокий уровень системности, концептуальность, логически строгая взаимосогласованность идей и принципов, присущие теории, не являются признаками сугубо философских образований. Данные свойства являются разнопорядковыми в зависимости от степени плотности, жесткости конструкции и пригнанности содержащихся в них идей и принципов. Действительный атрибут мировоззрения - не степень жесткости согласования идей, а "производство" обобщенных представлений о мире, в котором действует человек, о месте человека в этом ми-

ре, отношении к нему, способе его видения. Смыкаясь с эмоционально-волевой сферой сознания, с мировосприятием, мироощущением, обобщенные представления и оценки превращаются в убеждения, обеспечивающие деятельность необходимыми средствами интегральной ориентации и самоориентации.

Моральное мировоззрение относится к гуманистическому аспекту мировоззренческих систем и занимает определенное, хотя и постоянно меняющееся место в данных системах. Мировоззренческий материал концентрируется в верхнем ярусе морального сознания, посредством которого сознание соучаствует в удовлетворении специфически мировоззренческих потребностей человека: оценке не обособленных, фрагментированных сторон социальной практики, а всего ее поведенческого аспекта. Этот ярус и определяет макровыбор личности, "замыкая" убеждения, волю, чувства и эмоции в относительно непротиворечивый комплекс. Его можно назвать «моральной верой».

Другая причина сомнений относительно значения мировоззренческого уровня морального сознания обусловлена, по всей вероятности, тем, что мораль на этом уровне непосредственно не принимает императивно-оценочной формы, не указывает непосредственно на модель надлежащего поведения. Однако, хотя в "сверхнормативном" секторе морального сознания действительно не вырабатываются какие-то новые предписания и шкалы оценок, данный сектор косвенно участвует в моральной регуляции. Это участие может быть выявлено и осмысленно при рассмотрении функционального предназначения мировоззренческой "надстройки" морального сознания.

Она, во-первых, занята обоснованием и оправданием всей совокупности моральных предписаний и оценок ("теодицея морали"), без чего последние не в состоянии обеспечить достижение необходимой последовательности поведения, его внутренней логики и, следовательно, известной нравственной цельности личности. Без такого обоснования и оправдания трудно снабдить предписания и оценки соответствующими инструментами эффективного разрешения сложных внутрисистемных и межсистемных нравственных коллизий, средствами преодоления неизбежных осложнений в процессе определения приоритетов норм и оценок, их истолкования, сцепления и иерархизации. Мировоззренческие представления морального сознания "проясняют" положение человека в системе более или менее подвижных общественных связей в индустриальном и, особенно, в постиндустриальном социумах, позволяя тем самым выявить личностное отношение к практикуемым предписаниям и оценкам, установить лейтмотивы моральной приверженности, определить в ходе саморефлексии, *во имя чего* надлежит следовать данным предписаниям, применять именно эти, а не другие оценочные критерии.

Эта "дирижерская" функция мировоззренческого яруса морального сознания тесно связана со второй - прогностической функцией. Представления данного яруса, формируя критическое отношение к миру и к себе, к господствующим нравам, ориентируют на нравственный поиск, позволяя свободно и осознанно "принять на вооружение" и такие воззрения, представления и оценки, которые еще не стали на данный момент массовыми, тем более - не успели воплотиться в неоспариваемый обычай. Акт апробации в таком случае предвосхищает новый этап социального развития, что говорит об утрате некоторыми ориентациями "дальнего прицела", нормами и оценками своей былой исторической оправданности, качества социальной целесообразности.

Обе названные функции морального мировоззрения включаются в "тело" морального выбора и тем более - макровыбора. Одна лишь нормативная часть морали не может образовать целостную нормативно-ценностную систему. Из данного тезиса, однако, вовсе не следует, будто мировоззренческие представ-

ления определяют содержание ориентаций, норм и оценок реально действующих моральных систем и тем самым как бы "первичны", лежат в основе морального выбора. Напротив, скорее всего содержание самих этих представлений задается нормативным слоем морали: определенному историческому типу моральных норм и оценок в целом соответствует адекватный тип морального мировоззрения, который не просто копирует содержание норм и оценок, а образует относительно самостоятельную подсистему морали.

В этой подсистеме выделяется "гнездо" родственных понятий о *смысле жизни, идеале и счастье*. Почему именно эти понятия? Дело в том, что, например, независимо от исторически изменчивого их содержания представления о смысле жизни в моральном аспекте свидетельствуют о ценности того способа деятельности и ее общей направленности, которые предписываются наличными моральными принципами и нормами в их динамике. Эти понятия характеризуют "сверхзадачу" всякой нравственной активности, ее "конечные цели", а потому являются "*ценностями ценностей*", воспринимаются в качестве базовых точек отсчета в нравственных исканиях - как "свои", а не как "чужие", извне навязываемые и потому легко отторгаемые. Что касается нравственного идеала, то в нем выражен обобщенный образ наиболее полного воплощения положительных моральных качеств (добродетелей), тип морального совершенствования. Если норма указывает на всеобщее-массовое обязательное поведение, моральный стандарт, то идеал призывает к желательному поведению, одновременно выступая и требованием, обращенным к общественным нравам. Наконец, представление о счастье фиксирует степень осуществления стремлений к идеалу и осмысленной жизни, служит одной из форм самооценки всей жизни человека или значительных ее отрезков. Оно свидетельствует о высшей удовлетворенности жизнью, является реакцией на меру достижения основных замыслов, проекций, чаяний человека или же на их предвосхищение.

Без подобного отношения к себе нет импульсов к постановке новых, более высоких и значительных жизненных задач, нет побуждений к коррекции целей, развитию творческих сил человека, нет продвижения к идеалу. Но зависимость счастья личности от нравственности носит сложный, опосредованный характер: далеко не всегда она может быть "прочитана" в каждой конкретной ситуации, в которой производится микровыбор. Смысл жизни и идеал не зависят от случая, счастье же оказывается зависимым от "подробностей жизни", от обстоятельств случайных или отчасти случайных, не имеющих прямого отношения к направленности поведения личности. Они не могут быть поставлены ей ни в заслугу, ни в вину.

Но очевидно и другое: сила воздействия любых жизненных неудач, поражений стоит в зависимости от характера жертв, их размеров, от отношения к ним личности. Важно учесть, во-первых, что счастье вообще не может рассматриваться как состояние безоблачного спокойствия духа, как некая размеренность и безмятежность существования. Только пошлое сознание любителю «сытым» представлением о счастье, пытаюсь наладить свою жизнь в соответствии с этой воображаемой моделью. Но как бы человек ни ограждал себя от беспокойств, экономя на всяком проявлении влечений души, они без спроса вламываются в его жизнь, меняют ее вопреки намерениям. Счастье невозможно спланировать, рассчитать с абсолютной точностью.

Во-вторых, счастье не представляет собой состояния непрерывно радостного, приподнятого настроения праздничности, вечно длящегося наслаждения. В обыденной речи счастьем часто именуют состояние кратковременной радости, момент бурного прилива духовных сил или необычайную удачу. Такие состояния - яркие точки в биографии, которые включаются в самооценку жизни. Особенно если эти точки, всплески связаны со свершением благородных поступков, "звездны-

ми часами" человека, принявшего верное решение в трудной ситуации морально-го выбора и осуществившего его.

Но счастье не может состоять сплошь из такого рода точек. Оно включает и состояния грусти, печали, сожаления, сострадания. Серьезное счастье, по словам Томаса Манна, в известном смысле "родственно страданию". Жизнь - это радуга постоянно переливающихся настроений. Что касается абсолютной удовлетворенности, то оно не более, чем бессодержательная абстракция. Счастье, как это ни парадоксально, заключается в способности идти сквозь отдельные несчастья: не то, чтобы не ощущая их в силу "бронированности души" или "забывчивости к себе", а сопротивляясь неблагоприятным обстоятельствам. Счастье состоит в постоянных усилиях, решимости пойти на риск, в том числе и моральный риск, в умении мобилизовать силы, оставаясь верным своим идеалам.

Такое понимание счастья как свойства цельной личности противостоит веками воспетой капризности "счастья случая". Конечно, счастье не может быть оторвано от его психофизиологической основы - числа и интенсивности приятных эмоций, радостных переживаний, актов наслаждения, хотя и с учетом того, что, как говорил Гегель, "язык горя и страдания намного красноречивее, чем язык радости". Но задача самоориентации деятельности на основе мировоззренческого яруса морального выбора как раз и состоит в том, чтобы вызвать у личности такую способность к самоотдаче, творческому горению, которая смогла бы слить, преобразовать, сублимировать даже противоположные эмоции и состояния в общую - высшую - удовлетворенность. И осуществить такой синтез невозможно без моральной удовлетворенности.

Если нравственное поведение не обязательно, не при всех условиях ведет личность к счастью, то обратная связь носит уже безусловный характер: вне моральной удовлетворенности нет и высшей удовлетворенности, то есть счастья. Иначе говоря, прочное и глубокое счастье может быть только заслуженным. Человек должен быть нравственно достойным своего счастья, постоянно дорастать до него, поскольку растут притязания, ожидания и критерии счастливой жизни и такое утверждение отнюдь не носит морализаторского характера. Есть счастье самоотдачи, что связывает его неразрывными узами с призванием, служением семье, близким и дальним, отечеству, профессии, институции, публике, если мы говорим, например, об артисте, ученикам, если речь идет об учителе, анонимным потребителям, когда говорим о мастерстве, об ученом и т.д.

Еще в древнегреческой этике сложилось деление счастья на "эвтихию", под которой подразумевался жизненный успех, благосклонность судьбы, устойчивое чувство удовлетворенности, и "эвтюмию", которая понималась как способность "вынести успех", обрести внутреннюю уравновешенность, духовную гармонию, преодолевающую беспокойное ожидание внешних удач и удовлетворенного самолюбия. В дальнейшем противоположность этих двух видов счастья трактовалась на множество ладов: как столкновение разума и страсти, рассудка и совести, житейского благоразумия и героической мудрости и т.д.

Каждое из родственных понятий мировоззренческого яруса определенным образом нагружено решением какой-то одной стороны общей задачи, и только все вместе они способны справиться со своим назначением, с исполнением мировоззренческих функций. Тесно связанные друг с другом, эти понятия в то же время активно взаимодействуют со всеми другими понятиями морального и неморального сознания, "переливая" в них свое содержание.

Итак, что означает моральный выбор на макроуровне? Выбор между чем и чем? Самый общий ответ: между добром и злом. Более конкретно – между большими, сверхсложными нормативно-ценностными системами (и подсистемами), вытекающими из них представлениями о смысле жизни, о культурно-

нравственных идеалах, моделях счастливой жизни, концепциями жизненного успеха, призвания и т.д.

2. Моральный выбор личности

Моральный выбор - акт автономии человека, его самоопределения в отношении той или иной системы (и подсистемы) норм и ценностей или варианта конкретного поступка. В таком значении моральный выбор представляет собой сторону, грань любого вида целеустремленной и целесообразной человеческой деятельности. Но мораль в этом случае не просто еще один вид, а "срез" всех остальных аспектов человеческой деятельности, их личностный смысл. Не располагая своей собственной "территорией", мораль, подобно проникающей радиации, проявляет себя во всех сферах деятельности человека - политической, хозяйственной, профессиональной, культурной, семейно-бытовой и т.п.

Объектом выбора может быть как исторически изменчивая система (и подсистема) морали в их вертикальном и горизонтальном измерении (т.е. выбор касается и понимания добра и зла, а не только желания выбирать между добром и злом, следуя предписанию или уклоняясь от него), так и выбор единичного поступка, его смысла, адекватности используемых средств, соответствия намерений и результатов. Моральный выбор обычно совершается по внутреннему убеждению, а не просто по указанию социальных инстанций и отдельных лиц, включая моральные авторитеты: выбор может быть только личным. Он несовместим со стремлением избежать ответственности, с попытками переложить ее на чей-то авторитет (дисперсия ответственности). Его не оправдывает принуждение обстоятельствами или ссылки на обычай - тогда он перестает быть свободным.

Индивидуальная ситуация выбора воплощает в себе существенные черты ситуации выбора на индивидуальном свойстве - социальной группы, сословия, общности, с которыми себя так или иначе идентифицирует себя личность, а потому диапазон объективных возможностей выбирать и решать может быть весьма различным в зависимости от разных критериев. Социальные и социопсихические факторы обуславливают пределы диапазона морального выбора, напряженность ситуаций. Вполне вероятно, что идея нравственного прогресса, которая оспаривается многими авторами, опирается на факт преодоления запрограммированности выбора определенными социальными условиями, расширения круга субъектов и объектов морального выбора.

Своеобразной ситуацией морального выбора является *нравственный конфликт*. Его особенность заключается в том, что моральное сознание личности, которой предстоит решение, констатирует противоречие: осуществление каждой из выбранных возможностей поступка во имя какой-либо нравственной ценности или целой "грозди" таких ценностей и норм одновременно ведет к нарушению, а иногда даже к попранию, другой нормы и ценности. Поэтому от личности требуется совершить выбор между сталкивающимися ценностями и нормами в пользу одной из них и в ущерб другой и только через разрешение (а не уклонение) данного противоречия оказывается возможным реализовать свои нравственно позитивные цели. Сложность решения в подобных случаях заключается не столько в том, что человек не знает нормы или же не признает значимости ценностей, не ведает путей их реализации, сколько в необходимости разрешить их столкновение.

Обнаженность и острота проблем морального выбора в ситуации конфликта ценностей иногда порождают представление о том, что любая ситуация выбора конфликтна уже потому, что требует предпочесть один вариант решения другому. Хотя всякая ситуация выбора требует акта предпочтения, вряд ли все такие ситуации надлежит считать конфликтными, то есть предполагающими взаимоисключе-

чающее столкновение нравственных ценностей с вынужденным принесением в жертву одной из них. При этом важно отличать реальные конфликтные ситуации от мнимых конфликтных ситуаций, возникающих из-за неспособности личности понять механизм функционирования нравственных норм, хотя бы на интуитивном уровне, из-за неумения творчески соотнести норму с особенностями ситуации.

Нравственные конфликты следует отличать и от такого противоречия норм, которое выражает безотносительность их формулировки, догматические рекомендации по их применению в ситуации морального выбора. Конфликт может иметь и собственно праксиологическое значение. Так случается, к примеру, когда понятие морального долга подменяется обязанностями. Последние являются содержательными, конкретными, частными, как это происходит в случаях, если речь идет о служебных обязанностях, должностных требованиях, изложенных в соответствующих инструкциях и регламентах. Между тем моральный долг носит формальный, всеобще-личностный характер и, самое главное, является самообязанностью, а не обязанностью, предписанной извне. При возложении морального долга возникает личностное отношение к тем или иным обязанностям, которое, кстати, распространяется и на отрицание каких-то обязанностей. Иначе говоря, долг - это обязанность лишь в определенных обстоятельствах, а в каких именно - решает сама личность, которая очерчивает идеальную сторону поступков, включая их мотивы, намерения, личную заинтересованность.

К нравственным конфликтам обычно относят два типа столкновения императивности: в рамках одной системы моральных ценностей и между различными моральными системами (размещенными по исторической долготе или пространственной широте), а также между такими системами и их собственными подсистемами (противоречие между моральными универсалиями, так называемыми абсолютами, и локальной императивностью, между универсалиями и профессиональными нормами морального характера, не говоря уже о столкновениях между моральными нормами с различным ценностным достоинством, а также нормами, лишь отчасти являющимися моральными по содержанию). Типичными оказываются столкновения между личностным и надличностным долгом, перед какой-то микрообщностью и макрообщностью, организацией и полуинституализированной системой. Существенно другое: эти столкновения не имеют однозначного решения, предполагая всякий раз акт творчества, с которым связана личная ответственность за ближайший результат и за отдаленные последствия, когда меняется объем и природа такой ответственности.

Моральный выбор в нравственно-конфликтных ситуациях базируется на построении многоярусной иерархии ценностей, системы предпочтений с четким осознанием сложного соотношения абсолютного и относительного в ходе применения любой нравственной нормы и, тем более, принципа. И все это с непременным учетом исторических обстоятельств (принцип контекстуальности), главное из которых - устойчивость подобной ценностной вертикали в застойных и малоподвижных социумах, неустойчивость, подвижность, динамизированность подобной вертикали в индустриальном социуме, и, наконец, с учетом состояния, близкого к полному развалу данной вертикали, к дезадаптации в обществе постиндустриальном - ввиду осознания того капитального факта, что добро и зло не поддаются в нем приемлемой степени рационализации, что современный мир полон неопределенностей, что порядок в нем может родиться только через хаос, что связи между целями, средствами, результатами и отдаленными последствиями поступков многозначны и отнюдь небесспорны, что утрачивают свою былую действенность институт моральных авторитетов.

Между тем, ситуация морального выбора - при возрастающем многообразии форм уклонизма и дезангажемента - не дает человеку права на пассивность,

на абстиненцию в частной и публичной жизни. Она требует ответов, ответственных решений и действий. Подход к проблематике ответственности за моральный выбор и за уклонение от него определяется тем или иным решением вопроса о свободе выбора и формах нравственной активности личности. В общей (философской) и, отчасти, в прикладной этике обнаруживается альтернативная постановка вопроса при истолковании всей данной проблематики, соответствующая в общих чертах либо фаталистическим, либо волюнтаристским представлениям о свободе выбора. В первом случае понимание ответственности основывается на подчинении поведения личности обстоятельствам, сводя возможности агента морального выбора к роли безропотного "винтика" социального механизма. По сути дела, из подобных представлений следует полное или частичное отрицание, по меньшей мере, девальвация моральной ответственности человека за содеянное им, освобождение его от велений совести, от сознания вины или заслуги за тот или иной поступок, как правило, с прямолинейным или же рафинированным оправданием, ведущим к социальной пассивности или же к активистскому аморализму (формы того и другого многообразны, как и разнолики промежуточные позиции). При тоталитарных и авторитарных системах правления и в процессе бюрократизации современных обществ вопрос об "винтиковизации" членов организаций и всевозможных объединений приобрел невиданную остроту и оказался тесно связан с обширной проблематикой дисперсии ответственности, с фактическим ее исчезновением в обезличенном соглашательстве и исполнительстве, которые стали негласной добродетелью в подобных системах как в их западной версии, так и в версии российской.

В противоположность фатализму, прокламирующему безответственность "винтика" и соглашателя, выдвигается кредо "человек отвечает за все". В ситуации морального выбора волюнтаризм отдаст человека во власть самому себе и безотносительно к обстоятельствам возлагает ответственность на его плечи: ничто не приходит извне, нет чужого зла, за все он отвечает и непременно виновен в метафизическом (мировом) и нравственном зле.

Между тем, гипертрофирование личной ответственности позволяет выродить и уберечь от критики действительные социальные источники зла и конкретных его виновников. При всей беспощадной ригористичности по отношению к различным формам безответственности данный подход сталкивается с непростой проблемой игнорирования *меры* ответственности: личность несет ответственность лишь за то, что она могла и должна была выбрать и реализовать в поступке и в линии поведения. Только возможность и способность выбора прямо определяют меру ответственности не только перед внутренним судьей-совестью, но и за нравственную чистоту своих убеждений и только при этих условиях ее выбор оказывается предпосылкой разрешения ситуации морального выбора.

Такой подход позволяет преодолеть абстрактную противоположность между очерченными выше крайними позициями, которые обрекают на нарушение меры ответственности в ту или иную сторону. Здесь должно быть найдено оптимальное решение. Причем, отнюдь не обязательно в виде "золотой середины" - в ряде случаев выбор должен сместиться в направлении к крайностям, которые тогда оказываются предпочтительнее в моральном смысле, чем "ослабленные крайности" безликой середины нравственного оппортунизма.

Острая проблема морального выбора - соотношение *нравственной цели и средств* ее достижения. В концепции "иезуитизма" выдвигается идея полного безразличия самой нравственной цели к нравственному характеру средств ее достижения: цель, заведомо предполагаемая вполне и постоянно нравственной, освящает любые средства, способные с максимальной эффективностью привести к желаемой цели. Последствия подобной беспринципности чаще всего приводят к

откровенному аморализму. Более того, они могут быть поистине чудовищными, как это засвидетельствовал трагический опыт XX века.

Альтернативный подход к данной проблеме основан на том, что нравственная цель ни при каких условиях не может оправдать применение безнравственных средств: средства должны быть одновременно и целесообразными, и нравственными, ибо они способны управлять целями и изменить их природу. Положительные аспекты данной точки зрения заключаются в утверждении ценностей "этики ненасилия", тогда как негативные аспекты связаны с догматической оценкой самих средств, которым приписывается вечный и безупречный статус "святости" или же "подлости" везде и всегда, что, в свою очередь, чревато поведением, вдохновляемым нейтралистской "этикой недеяния" даже перед лицом агрессивного зла - в его персональной или же анонимной форме.

Конструктивный подход к антиномии "беспринципной силы" и "бессильного принципа" ориентируется на ряд критериев. Во-первых, ценность средства в значительной степени обусловлена нравственным характером цели, для достижения которой это средство применяется, но цель именно *определяет* средства, а вовсе не *оправдывает* их. Во-вторых, выбор не соответствующих цели средств ведет к нежелательному результату и, тем самым, искажает природу цели - делает ее безнравственной. В-третьих, целесообразность выбора *любого* средства оказывается в действительности лишь видимостью: игнорируя объективные свойства, момент абсолютности в ценности средства, действие на основе подобного выбора лишь препятствует достижению цели. В-четвертых, нравственная цель и средства ее достижения не только взаимоопределимы, но и соотносительны, а это означает, что любая цель в иной ситуации может выступать в роли средства и, наоборот, то, что было лишь средством, в новой ситуации морального выбора способно оказаться целью. Дело в том, что смысл цели смещается в системе отдаленных целей, их дальних горизонтов, где действуют принципы соподчиненности и иерархии целей. Если ближайшая цель может быть достигнута лишь ценой, уничтожающей нравственный характер более значимой цели, то такое средство достижения должно быть отвергнуто как лишенное целесообразности. В этом плане прикладная этика носит ситуационный характер, требуя от действующего лица или организации творческого отношения к решению дилемм морального выбора, реализации ответственного принципа единства эффективности и нравственной ценности поступков и поведения в целом. Под таким углом зрения прикладная этика оказывается одновременно и этикой *праксиологической*.

Данный вывод конкретизируется относительно потребности в оптимизации морального выбора в ситуации, не дающей возможности применить безукоризненное с нравственной точки зрения средство, порождающей необходимость поиска *наименьшего зла*. Здесь необходимо видеть три смысловых грани проблемы. Во-первых, речь может идти о принципе выбора, который в положительном ключе формулируется как требование максимизации добра, отрицательное выражение которого звучит как принцип минимизации зла. Во-вторых, под понятием меньшего зла возможно понимание результатов согласования объективных и субъективных элементов ситуации морального выбора, как, скажем, проблема компромисса желаний и условий, когда принцип меньшего зла играет роль своеобразного балансира, требуемого неблагоприятным стечением обстоятельств выбора. Наконец, в-третьих, когда в нравственно-конфликтной ситуации приходится согласиться с осознанной жертвой одними моральными ценностями во имя сохранения ценностей более высокого порядка. При таком подходе делается равное акцентирование на разнозначные моменты критерия выбора: *меньшее зло*, однако, все же *зло*, хотя и меньшее.

Здесь актуализируется вопрос о *моральных компромиссах*, об их неизбеж-

ности, допустимости и готовности личности к их реализации, Вовлеченной в такую морально *рискованную* ситуацию личности предстоит преодолеть искушение действовать по логике "либо-либо", но, вместе с тем, не нарушить границ, за которыми велик риск подрыва нравственного характера цели в процессе ее достижения. Стало быть, вновь встает вопрос о соблюдении *меры* компромисса, об объеме и характере "вынужденных средств", применяемых в качестве меньшего зла в различных сферах жизнедеятельности. Это предполагает наличие у действующего лица как укорененных гуманистических ориентаций, так и способности к творческим, нестандартным решениям.

Поведение человека в ситуации морального выбора проблематизирует соответствие *мотивов* и *последствий* поступка, а также цепи поступков. Альтернативные позиции в решении этого вопроса представлены, с одной стороны, в консеквенциональной этике (гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм, некоторые теории интуитивизма), согласно которым главным, если не единственным, критерием нравственной ценности поступка служат его социальные последствия, с другой - в мотивационной этике (разнообразные теории "доброй воли"), которая исходит из того, что критерий ценности поступка заключен если не исключительно в характере мотивов и намерений, независимо от социальных последствий поступков, то, во всяком случае, в таком характере по преимуществу. Подобные оппозиции вытекают не только из различного понимания морального феномена, присущего ему противоречия идеала и действительности, мира должного и мира сущего, между логикой морали и логикой истории, из различного понимания структуры поступка, но и из исторических условий бытия морали, из ситуации морального отчуждения, не позволяющей гармонизировать поступки и всю линию поведения, едва ли не обрекая сознание агентов морального выбора на "роковые" расколы, на всевозможные деформации их биографических проектов.

Скорее всего, путь к разрешению данных противоречий лежит в области истолкования поступка как целостного акта выбора. Моральный выбор не может быть сведен к акту только *духовной* деятельности, предшествующей поступку и предопределяющей *практическое* действие; он предполагает рассмотрение природы поступка как целостного акта выбора, как системы определенным образом организованных элементов. В этой системе мотив - осознанное личностью побуждение, превращающееся в цель деятельности, в которой она свободно и добровольно исполняет должное деяние (самонахождение и самовозложение долга). При этом, если цель указывает на то, *что* предстоит сделать, то мотив как *оправдательно-объяснительное* целеполагание свидетельствует о том, *во имя чего* надлежит стремиться к данной, а не иной цели.

Важно различать стереотипные, шаблонные ситуации морального выбора, когда мотив выступает в специфической форме автоматизированного побуждения, сливаясь с привычкой поступать порядочно, нравственно, без предваряющей борьбы мотивов, - и ситуации уникальные, проблемные, когда неизбежна рационализированная деятельность. В обоих случаях поступок может мотивироваться как нравственными убеждениями, так и моральным чувством, склонностью. При этом в мотивационном спектре присутствуют основные и боковые, глубинные и поверхностные мотивы, однородные и разнородные побуждения: человеческое поведение многослойно и лабильно. В прямой зависимости от нравственного содержания мотива определяется и мера ответственности, заслуги и вины личности за свой поступок, совершенный по умыслу или по слабости характера, его негибкости, ригидности, по мотивам сочувствия и т.д.

Вне нравственного мотива нет и нравственного поступка, есть в лучшем случае "действие-операция", внешне соответствующее какой-либо норме (легализм, по Канту). В то же время, данное необходимое условие еще не дает гаран-

тий нравственной ценности поступка, не является условием достаточным. Важная роль в поступке принадлежит *операциональной* стороне, связанной с действиями, средствами и результатами. Соответствие мотива и операциональной стороны поступка – нравственное требование: личность как субъект морального выбора несет ответственность как за целеполагание, так и за целеосуществление.

В то же время адекватная оценка того или иного поступка возможна лишь тогда, когда он рассматривается сквозь призму всего поведения личности, его контекста и подтекста, его общей направленности, морального облика человека в целом. Трудно судить о характере мотивов на основании только одного поступка или только по его ближайшему социальному последствию: существует подчинение результативности отдельного поступка результативности поддержки нормы как общей установке, ценностной ориентации в широком контексте поведения. Довольно часто поведение личности оказывается непоследовательным, содержит противоречащие друг другу в моральном плане поступки. Только линия поведения со всеми ее изгибами, шероховатостями, повторами и расщеплениями служит наиболее полным критерием анализа нравственной ценности отдельных поступков, включая узловые точки на этой линии (по Гегелю, ряд поступков субъекта это и есть он). А сама линия поведения является выражением ряда поступков: предшествующий выбор тяготеет над последующими, определяет ментальность лица, его мировоззренческий выбор.

Для полноты и тождественности характеристики морального выбора личности прибегают к понятию *нравственной культуры*, в которой фиксируется степень освоения ею морального опыта общества, способность органичного и последовательного осуществления в поведении, в отношениях с другими людьми моральных ценностей, перфекционистская готовность, то есть ориентация на постоянное самосовершенствование как способ изменения социальных микро- и макро-сред и самой себя. Нравственная культура - продукт жизненного опыта, воспитания и самовоспитания и - в немалой степени - этического просвещения, воздействия искусства, религии, отчасти права и политики. Личность аккумулирует в своем сознании и реализует в поведении достижения нравственной культуры общества, отдельных его сообществ и субкультур, в том числе этноконфессиональных и профессиональных, и, вместе с тем, производит "вклады" в надличностную культуру.

В структурном плане нравственная культура представляет собой систему элементов, способов их совмещения. Прежде всего, это культура *этического мышления*, которая предполагает "способность морального суждения", умение пользоваться соответствующим знанием, различая добро и зло в каком бы облике они ни выступали, применять моральные оценки к особенностям жизненных ситуаций, открывая новые горизонты мышления, горизонты рациональности. Вместе с тем нравственная культура личности является одновременно и культурой *нравственных чувств*, отзывчивости на "голос совести", что предполагает развитую способность человека к "моральному резонансу" с другими людьми, к сочувствию, сопереживанию с ними, к их пониманию. *Культура поведения* характеризует конкретный образ, стиль осуществления на практике помыслов и чувств, степень конвертации их в повседневную, отчасти - в привычную норму поступка. Здесь можно говорить также об *этикетной* культуре, регламентирующей поведение с точки зрения его формы, его естественности, приличий, тактичности, воплощении доброжелательности, уважительности отношения к человеческому достоинству.

Высшим уровнем нравственной культуры личности является синтезирующая все структурные элементы *нравственная мудрость*, способность обеспечить оптимальность и гармоничность деятельности человека с моральной точки зрения. Нравственная мудрость может быть рассмотрена как воплощение добродетели.

телей в решении сложных жизненных конфликтов с учетом отдаленных последствий поступков, в решении "проклятых" вопросов человеческого бытия. Под таким углом зрения это бытие предстает в драматическом ракурсе, а в ряде случаев как трагедия.

Моральный выбор – удел человека. Очевидно, что часто этот удел ощущается как бремя. Но в моральном выборе – и гордость принятой на себя ответственности, и счастье исполненного долга.

Часть четвертая КОНСУЛЬТАЦИЯ

Г.В.Ф. Гегель
КТО МЫСЛИТ АБСТРАКТНО?³

Мыслить? Абстрактно? *Sauve qui peut!* - "Спасайся, кто может!" - наверняка завопит тут какой-нибудь наемный осведомитель, предостерегая публику от чтения статьи, в которой речь пойдет про "метафизику". Ведь "метафизика" - как и "абстрактное" (да, пожалуй, как и "мышление") - слово, которое в каждом вызывает более или менее сильное желание удрать подальше, как от чумы.

Спешу успокоить: я вовсе не собираюсь объяснять здесь, что такое "абстрактное" и что значит "мыслить". Объяснения вообще считаются в порядочном обществе признаком дурного тона. Мне и самому становится не по себе, когда кто-нибудь начинает что-либо объяснять, - в случае необходимости я и сам сумею все понять. А здесь какие бы то ни было объяснения насчет "мышления" и "абстрактного" совершенно излишни; порядочное общество именно потому и избегает общения с "абстрактным", что слишком хорошо с ним знакомо. То же, о чем ничего не знаешь, нельзя ни любить, ни ненавидеть. Чуждо мне и намерение примирить общество с "абстрактным" или с "мышлением" при помощи хитрости - сначала протаскивал их туда тайком, под маской светского разговора, с таким расчетом, чтобы они прокрались в общество, не будучи узванными и не возбудив неудовольствия, затесались бы в него, как говорят в народе, а автор интриги мог бы затем объявить, что новый гость, которого теперь принимают под чужим именем как хорошего знакомого, - это и есть то самое "абстрактное", которое раньше на порог не пускали. У таких "сцен узнавания", поучающих мир против его желания, тот непростительный просчет, что они одновременно конфузят публику, тогда как театральный машинист хотел бы своим искусством снискать себе славу. Его тщеславие в сочетании со смущением всех остальных способно испортить весь эффект и привести к тому, что поучение, купленное подобной ценой, будет отвергнуто.

Впрочем, даже и такой план осуществить не удалось бы: для этого ни в коем случае нельзя разглашать заранее разгадку. А она уже дана в заголовке. Если уж замыслил описанную выше хитрость, то надо держать язык за зубами и действовать по примеру того министра в комедии, который весь спектакль играет в пальто и лишь в финальной сцене его расстегивает, блистая Орденом Мудрости. Но расстегивание метафизического пальто не достигло бы того эффекта, который производит расстегивание министерского пальто, - ведь свет не узнал тут ничего, кроме нескольких слов, - и вся затея свелась бы, собственно, лишь к установлению того факта, что общество давным-давно этой вещью располагает; обретено было бы, таким образом, лишь название вещи, в то время как орден министра означает нечто весьма реальное, кошелек с деньгами.

Мы находимся в приличном обществе, где принято считать, что каждый из присутствующих точно знает, что такое "мышление" и что такое "абстрактное". Стало быть, остается лишь выяснить, *кто* мыслит абстрактно. Как мы уже упоминали, в наше намерение не входит ни примирить общество с этими вещами, ни заставлять его возиться с чем-либо трудным, ни упрекать за легкомысленное пренебрежение к тому, что всякому наделенному разумом существу по его рангу и положению приличествует ценить. Напротив, намерение наше заключается в том, чтобы примирить общество с самим собой, поскольку оно, с одной стороны, пренебрегает абстрактным мышлением, не испытывая при этом угрызений совести, а

³ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Том 1. - М.: Мысль, 1970. С.387-394.

с другой - все же питает к нему в душе известное почтение, как к чему-то возвышенному, и избегает его не потому, что презирает, а потому, что возвеличивает, не потому, что оно кажется чем-то пошлым, а потому, что его принимают за нечто знатное или же, наоборот, за нечто особенное, что французы называют "espece", чем в обществе выделяться неприлично, и что не столько выделяет, сколько отделяет от общества или делает смешным, вроде лохмотьев или чрезмерно роскошного одеяния, разубранного драгоценными камнями и старомодными кружевами.

Кто мыслит абстрактно? - Необразованный человек, а вовсе не просвещенный. В приличном обществе не мыслят абстрактно потому, что это слишком просто, слишком неблагородно (неблагородно не в смысле принадлежности к низшему сословию), и вовсе не из тщеславного желания задирать нос перед тем, чего сами не умеют делать, а в силу внутренней пустоты этого занятия.

Почтение к абстрактному мышлению, имеющее силу предрассудка, укоренилось столь глубоко, что те, у кого тонкий нюх, заранее почуют здесь сатиру или иронию, а поскольку они читают утренние газеты и знают, что за сатиру назначена премия, то они решают, что мне лучше постараться заслужить эту премию в соревновании с другими, чем выкладывать здесь все без обиняков.

В обоснование своей мысли я приведу лишь несколько примеров, на которых каждый сможет убедиться, что дело обстоит именно так. Ведут на казнь убийцу. Для толпы он убийца - и только. Дамы, может статься, заметят, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Такое замечание возмутит толпу: как так? Убийца - красив? Можно ли думать столь дурно, можно ли называть убийцу - красивым? Сами, небось, не лучше! Это свидетельствует о моральном разложении знати, добавит, быть может, священник, привыкший глядеть в глубину вещей и сердец.

Знаток же человеческой души рассмотрит ход событий, сформировавших преступника, обнаружив в его жизни, в его воспитании влияние дурных отношений между его отцом и матерью, увидит, что некогда этот человек был наказан за какой-то незначительный проступок с чрезмерной суровостью, ожесточившей его против гражданского порядка, вынудившей к сопротивлению, которое и привело к тому, что преступление сделалось для него единственным способом самосохранения. Почти наверняка в толпе найдутся люди, которые - доведись им услышать такие рассуждения - скажут: да он хочет оправдать убийцу! Помню же я, как некий бургомистр жаловался в дни моей юности на писателей, подрывающих основы христианства и правопорядка; один из них даже осмелился оправдывать самоубийство - подумать страшно! Из дальнейших разъяснений выяснилось, что бургомистр имел в виду "Страдания молодого Вертера".

Это и называется "мыслить абстрактно" - видеть в убийце только одно абстрактное - что он убийца и называнием такого качества уничтожать в нем все остальное, что составляет человеческое существо.

Иное дело - утонченно-сентиментальная светская публика Лейпцига. Эта, наоборот, усыпала цветами колесованного преступника и вплетала венки в колесо. Однако это опять-таки абстракция, хотя и противоположная. Христиане имеют обыкновение выкладывать крест розами или, скорее, розы крестом, сочетать розы и крест. Крест - это некогда превращенная в святыню виселица или колесо. Он утратил свое одностороннее значение орудия позорной казни и соединяет в одном образе высшее страдание и глубочайшее самопожертвование с радостнейшим блаженством и божественной честью. А вот лейпцигский крест, увитый маками и фиалками, - это умиротворение в стиле Коцебу, разновидность распутного примиренчества - чувствительного и дурного.

Мне довелось однажды услышать, как совсем по-иному расправилась с абстракцией "убийцы" и оправдала его одна наивная старушка из богадельни. Отрубленная голова лежала на эшафоте, и в это время засияло солнце. Как это чудесно, сказала она, солнце милосердия господня осеняет голову Биндера! Ты не стоишь того, чтобы тебе солнце светило, - так говорят часто, желая выразить осуждение. А женщина та увидела, что голова убийцы освещена солнцем и, стало быть, того достойна. Она вознесла ее с плахи эшафота в лоно солнечного милосердия бога и осуществила умиротворение не с помощью фиалок и сентиментального тщеславия, а тем, что увидела убийцу приобщенным к небесной благодати солнечным лучом.

- Эй, старуха, ты торгуешь тухлыми яйцами! - говорит покупательница торговке. - Что? - кричит та. - Мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты! Да не твоего ли отца вши в канаве заели, не твоя ли мать с французами крутила, не твоя ли бабка сдохла в богадельне! Ишь целую простыню на платок извела! Знаем, небось, откуда все эти тряпки да шляпки! Если бы не офицеры, не щеголять тебе в нарядах! Порядочные-то за своим домом следят, а таким - самое место в каталажке! Дырки бы на чулках заштопала! - Коротче говоря, она и крупницы доброго в обиднице не замечает. Она мыслит абстрактно и все - от шляпки до чулок, с головы до пят, вкуче с папашей и остальной родней - подводит исключительно под то преступление, что та нашла ее яйца тухлыми. Все окрашивается в ее голове в цвет этих яиц, тогда как те офицеры, которых она упоминала, - если они, конечно, и впрямь имеют сюда какое-нибудь отношение, что весьма сомнительно, - наверняка заметили в этой женщине совсем иные детали.

Но оставим в покое женщин; возьмем, например, слугу - нигде ему не живется хуже, чем у человека низкого звания и малого достатка; и, наоборот, тем лучше, чем благороднее его господин. Простой человек и тут мыслит абстрактно, он важничает перед слугой и относится к нему только как слуге; он крепко держится за этот единственный предикат. Лучше всего живется слуге у француза. Аристократ фамильярен со слугой, а француз - так уж добрый приятель ему. Слуга, когда они остаются вдвоем, болтает всякую всячину - смотри "Jacques et son maitre" Дидро, а хозяин покуривает себе трубку да поглядывает на часы, ни в чем его не стесняя. Аристократ, кроме всего прочего, знает, что слуга не только слуга, что ему известны все городские новости и девицы и что голову его посещают недурные идеи, - обо всем этом он слугу расспрашивает, и слуга может свободно говорить о том, что интересуется хозяина. У барина-француза слуга смеет даже рассуждать, иметь и отстаивать собственное мнение, а когда хозяину что-нибудь от него нужно, так приказания будет недостаточно, а сначала придется втолковать слуге свою мысль да еще и благодарить за то, что это мнение одержит у того верх.

То же самое различие и среди военных; у пруссаков⁴ положено бить солдата, и солдат поэтому - каналья; действительно, тот, кто обязан пассивно сносить побои, и есть каналья. Посему рядовой солдат и выглядит в глазах офицера как некая абстракция субъекта побоев, с коим вынужден возиться господин в мундире с португеей, хотя и для него это занятие чертовски неприятно.

---

⁴ В первой публикации статьи (1835 г.) слово "пруссаков" явно по политическим соображениям было заменено издателем на "австрийцев". Это искажение содержится и в Собрании сочинений Гегеля под ред. Глокнера, по которому выполнен перевод. Исправление сделано на основании публикации статьи, сверенной с рукописью (см. "Hegel-Studien", B.V.Bonn, 1969, S. 164).